

4С(Калм)
С904
-27457-

Д. А. СУСЕВА

**ЗАКОНОМЕРНОСТИ
РАЗВИТИЯ
КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА
В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ**

4 С (Калм)
С 904

Под редакцией доктора
филологических наук **И. К. Илишкина**

Сусеева Д. А.

С 904 Закономерности развития калмыцкого языка
в советскую эпоху. Элиста, Калмыцкое книжное
издательство, 1978.
207 с.

Эта книга посвящена сущности образования калмыцких слов. Особое внимание здесь сосредоточено на производных словах, их структуре и составных частях, способах, внутренних и внешних причинах их образования.

Книга предназначена для студентов, аспирантов и научных работников, интересующихся вопросами грамматики и лексики монгольских языков, для учителей русского и калмыцкого языков.

С 70103 — 030
М126 (03) — 78 54 — 78

4 С (Калм)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга посвящена сущности образования калмыцких слов. Особое внимание здесь сосредоточено на производных словах, их структуре и составных частях, способах, внутренних и внешних причинах их образования. Оказалось невозможным здесь уделить внимание всему тому, что охватывается понятием «калмыцкое словообразование». Так, не рассматривалось словообразование некоторых частей речи. Не затрагивались историческое, диалектное, топонимическое, ономастическое и терминологическое словообразование, хотя в отдельных случаях мы и позволяли себе небольшие экскурсы в них.

В изучении словообразования монгольских и тюркских языков сложились два подхода. При первом подходе находят общие свойства производного слова, которые обнаруживаются у каждого его типа. При этом считается, что совокупность этих признаков составляет его сущность. Такой подход в истории монгольского языкознания привел к важным результатам: были определены способы словообразования. При втором подходе ставится цель — найти его конкретную основу, т. е. производящее слово. В этом случае специфические свойства сначала выделяются у производящего слова, а затем исследуется, как эти свойства изменяются при образовании производного.

Как соотносятся первый и второй подходы при анализе производного слова? При первом подходе акцентируется внимание на внешних различиях типов производных (например, аффиксальные производные, парные слова, удвоение). При втором подходе раскрываются внутренние связи между различными типами производных и их производящими словами.

Первый подход к анализу производных слов содер-

жится в работах Г. Д. Санжеева¹, Т. А. Бертагаева², У.-Ж. Ш. Дондукова³, М. Н. Орловской⁴, А. Л. Каляева⁵, М. У. Монраева⁶ и нек. др.

Второй подход к анализу производных слов на материале монгольских языков до сих пор окончательно не сложился. Этот факт объясняется тем, что второй метод стал проникать в языкознание только в последние десятилетия, когда оно акцентировало свое внимание на раскрытии отношений (связей) между языковыми элементами и единицами. Что касается калмыцкого языкознания, то и на сегодняшний день здесь нет работ, выполненных в указанном аспекте. В тюркском языкознании образцом такого анализа является работа Э. В. Севортяна «Аффиксальное глаголообразование в азербайджанском литературном языке»⁷.

В данной книге анализ образования калмыцкого слова строится на принципах второго подхода: исследуются отношения производности, т. е. отношения между производным словом и производящим.

Основные методы исследования, принятые в данной работе с учетом объекта, аспекта и целей исследования, — это описательный, сравнительный, типологический и количественный.

Исследование опиралось на материалы газеты «Хальмг үнн» и журнала «Теегин герл», на язык художественных произведений современных калмыцких писателей А. Балакаева, Т. Бембеева, А. Бадмаева, Б. Дорджиева, Л. Инджиева, С. Каляева, Д. Кугультинова, М. Нарма-

¹ Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык. М., «ИВЛ», 1964, стр. 54—58; его же. Современный монгольский язык. М., «ИВЛ», 1960.

² Бертагаев Т. А. К исследованию лексики монгольских языков. Улан-Удэ, 1961; его же. Лексика современных монгольских литературных языков. М., «Наука», 1974.

³ Дондуков У.-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, Бурятиздат, 1964.

⁴ Орловская М. Н. Способы образования производных наречий в монгольском языке. — В кн.: Исследования по восточной филологии. М., «Наука», 1974.

⁵ Каляев А. Л. Имена прилагательные в современном калмыцком языке. АКД, М., 1970.

⁶ Монраев М. У. Наречие в современном калмыцком языке. АКД, М., 1974.

⁷ Севортян Э. В. Аффиксальное глаголообразование в азербайджанском литературном языке. ДД, М., 1957, Рукопись.

ева, А. Сусеева, Х. Сян-Белгина, Б. Сангаджиевой, К. Эрендженова, В. Шуграевой и др. В ряде случаев приходилось обращаться к письменным документам 18—19 вв., написанным на тодо бичг.

Исследование калмыцкого словообразования имеет теоретическое и практическое значение. Актуальность его изучения обуславливается тремя основными причинами: во-первых, необходимостью теоретического осмысления калмыцкого словообразования в целом, что до сих пор не было сделано; во-вторых, потребностями разного рода сравнительного, сопоставительного и типологического исследования; в-третьих, практическими задачами преподавания калмыцкого языка в условиях взаимодействия, взаимообогащения русского и калмыцкого языков, расширения русско-калмыцкого двуязычия.

Книга состоит из трех частей. В первой части в порядке предварительной постановки и сильного решения даются некоторые теоретические вопросы калмыцкого словообразования. Во второй и третьей частях соответственно рассматриваются внутренние и внешние факторы, способствующие образованию калмыцких слов.

Книга предназначена для студентов филологического факультета Калмыцкого государственного университета, для аспирантов и научных работников, интересующихся вопросами грамматики и лексики монгольских языков, для учителей русского и калмыцкого языков.

Пользуясь предоставленным случаем, приношу свою искреннюю благодарность всем, кто прочитал книгу в рукописи и способствовал ее улучшению. Особенно хотелось бы выразить благодарность профессорам Г. Д. Санжееву, Т. А. Бертагаеву и Э. Р. Тенишеву, научным сотрудникам института языкознания АН СССР А. А. Дарбеевой и Г. Ц. Пюрбееву, научным сотрудникам Калмыцкого НИИИФЭ Б. Д. Муниеву, Н. Н. Убушаеву, М. У. Монраеву, профессору Павлову Д. А. и старшему преподавателю КГУ Р. П. Дораевой.

Кроме того, приношу свою благодарность студентам Калмыцкого государственного университета, принимавшим активное участие в работе научного кружка, теоретического семинара и спецсеминара по вопросам структурно-типологического сопоставления русского и калмыцкого словообразования.

Часть I. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И СТРУКТУРА СЛОВА В СОВРЕМЕННОМ КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

Глава I. ПОНЯТИЕ О СЛОВООБРАЗОВАНИИ

1. Место словообразования в системе калмыцкого языка

Вопрос о месте словообразования в системе монгольских языков специально не рассматривался, но практически все известные монголисты так или иначе высказали к нему свое отношение. В целом указанный вопрос для монголистики остается нерешенным. Достаточно отметить, что в пределах отечественной монголистики словообразование рассматривается либо как составная часть грамматики (А. А. Бобровников, А. Попов, В. Л. Котвич, Г. Д. Санжеев, Б. Х. Тодаева, Б. Б. Бадмаев), либо лексикологии (Т. А. Бертагаев, Д. А. Павлов, И. К. Илишкин).

Проблематичность места словообразования в системе монгольских языков объясняется сложностью самих процессов словообразования, которые имеют связи с лексикой, морфологией, грамматикой и синтаксисом. Трудности при решении данной проблемы возникают еще в связи с тем, что одни и те же явления словообразования в работах исследователей монгольских языков получают разное толкование. Так обстоит дело, например, с парными словами, которые толкуются либо расширительно, либо очень узко⁸.

Как известно, излишне категорическое отнесение словообразования либо к грамматике, либо к лексике всегда имело свои недостатки. Если словообразование рас-

⁸ Дондуков У.-Ж. Ш., Данчинова Г. Н. К вопросу о парных словах в монгольских языках. — Сб. «О зарубежных монголоведных исследованиях по языку». Улан-Удэ, Бурятиядат, 1968.

считается в рамках грамматики, то внимание исследователя сосредоточивается на формальных средствах словообразования. В том случае, если словообразование изучается в разделе лексикологии, то внимание переключается на лексико-семантические группировки производных. «Вследствие одностороннего подхода к словообразованию либо анализ плана содержания проводится в ущерб анализу плана выражения, либо наоборот, рассмотрение плана выражения подменяет собой анализ других особенностей процессов словообразования»⁹.

В связи с вышесказанным место калмыцкого словообразования может быть определено в том случае, если будут установлены его связи со всеми участками языковой системы и вскрыты его отличия от других языковых явлений. Кстати, в настоящее время и предполагается, что место словообразования в языках различных систем может быть разным. «Оно может действительно тяготеть больше к грамматике или к лексикологии, или, наконец, проявлять известную независимость и от той, и от другой»¹⁰.

Словообразование в калмыцком языке тесно связано с грамматикой. Их связь проявляется в том, что при словообразовании и формообразовании часто участвуют одни и те же материальные средства и способы. Известно, в калмыцком языке суффиксальный способ используется как при производстве новых слов, так и при словоизменении. К примеру, суффикс-ж в наречии дэж-ж «снова», «вновь» функционирует как словообразовательный, а в глаголе эс ирж «не пришёл» — как суффикс прошедшего времени изъявительного наклонения.

Между словообразовательными и словоизменительными суффиксами нет резких границ. Имеются случаи, когда словоизменительные суффиксы переходят в ряд словообразовательных, что было еще раньше замечено Т. А. Бертагаевым¹¹, Б. Х. Тодаевой¹² и А. А. Дар-

⁹ Кубрякова Е. С. Что такое словообразование. М., «Наука», 1965, стр. 5.

¹⁰ Там же.

¹¹ Бертагаев Т. А. О морфологическом строе бурятского языка. М., АН СССР, 1961, стр. 9.

¹² Тодаева Б. Х. Значение и функции падежей в калмыцком языке. Записки, вып. 1. Элиста, 1960, стр. 163—164.

беевой¹³. Ср.: суффиксы совместного и орудного падежей -та/тә и-ар/эр в калмыцких словах: ухан «ум» — ухата күн «умный человек», сән күн «хороший человек», сәэнэр кех «хорошо делать». Все падежные окончания существительных выполняют двойную функцию в субстантивированных прилагательных, причастиях и числительных. Например, в предложении — **ээхэс** ээсн — **цецнэ** темдг, **ээшгоһас** ээсн — **ээмтхэн** темдг «Мудр тот, кто боится того, чего следовало бы бояться, трус тот, кто боится того, чего не следовало бы бояться»¹⁴ — имеются два субстантивированных причастия **ээхэс** и **ээшгоһас** в форме исходного падежа. Окончание исходного падежа одновременно выполняет словозменительную и словообразовательную функции.

Б. Х. Тодаева обращает внимание на лично-притяжательную частицу третьего лица — нь, которая тоже может участвовать не только в образовании грамматических форм, но и в переходе прилагательных, причастий, числительных в разряд существительных. Например: Ирсн **эмтнэс хойрнь** колхозин парвля орв «Двое из прибывших отправились в правление колхоза»¹⁵.

Словообразовательные суффиксы в калмыцком языке в ряде случаев превращаются в классификационные приметы частей речи. Например, слова, содержащие суффикс-лһн, относятся к классу существительных: ср.: туслһн «попадание», мөрэллһн «награждение», ачллһн «поощрение», медлһн «понимание». Наличие суффиксов словообразования способствует в калмыцком языке распределению слов по определенным формальным классам (по частям речи и по классам внутри частей речи), но не в той мере, как это наблюдается, например, в русском языке, где каждой части речи присущи свои специфические словообразовательные суффиксы. В русском языке наблюдаются более четкие различия между суффиксами различных частей речи, чем в калмыцком языке. Более того, суффиксы словообразования различных частей речи в калмыцком языке «бессильны» про-

¹³ Дарбеева А. А. О субстантивации имен прилагательных в бурятском языке. «Филология и история монгольских народов». М. «ИВЛ», 1958. стр. 152—164.

¹⁴ Сб. «Хальмг үлгүрмүд болн ахр туульс». Элст, Хальмг дегтр һарһач, 1959.

¹⁵ Тодаева Б. Х. Указ. раб., стр. 163.

тив тех синтаксических отношений, которые складываются между словами в предложении. Любое производное существительное, попадая в позицию определения, способно превратиться в прилагательное. Даже то, что в состав производного входят только суффиксы существительного, не изменяет сущности описываемого явления. Ср.: келмрч «говорун» (образовано от прилагательного келмр «говорливый» с помощью суффикса -ч «показатель лица») и келмрч күн «говорливый человек», где существительное келмрч адъективизировалось.

Словообразование калмыцкого языка, без сомнения, имеет тесные связи с морфологией. Связь эта заключается в том, что у них отчасти один и тот же предмет изучения — производные слова, их структура. Правда, в отличие от словообразования, предметом морфологии являются и непроизводные слова. Кроме того, морфология изучает всю парадигматику. Словообразование же в отличие от морфологии тоже имеет свой специфический предмет исследования — лексико-семантический, синтаксический и лексико-синтаксический способы образования слов.

Различие между словообразованием и морфологией, как известно, сводится к тому, что словообразование изучает свойства и образование разных слов, а морфология — свойства и образование форм одного и того же слова.

Словообразование в калмыцком языке связано и с синтаксисом. Как известно, исходной базой многих сложных слов служат сочетания слов, словосочетания. Ср.: эндр «сегодня» из эн өдр «этот день», нүрдг «зеркало», из нүр үздг, букв. «лицо видящий» и др. Различие словообразования и синтаксиса связано с разграничением сложных слов и словосочетаний.

Одним из основных источников обогащения словарного состава калмыцкого языка является словообразование. Изучая словообразование, можно проследить пути и средства обогащения словаря. В образовании новых слов всегда участвуют уже существующие в языке словообразовательные морфемы, что дает возможность глубже раскрывать значение новых слов. К примеру, слово һахуль «удочка» осмыслится лучше, если знать его этимологию. Это слово одного корня со словом хахх «поперхнуться», только в существительном, в результате

диссимиляции, первая согласная х (смычная, глухая, заднеязычная) перешла в звонкую -н. Слово һахуль образовалось с помощью суффикса -уль¹⁶.

Словообразование тесно связано с лексикологией, т. к. каждое производное слово является и объектом лексикологии. Существуют разные способы производства новых слов, новых наименований. Все производные слова распределяются по определенным лексико-семантическим разрядам. В этом аспекте словообразование, как известно, может рассматриваться как одна из лексикологических дисциплин.

Итак, словообразование в калмыцком языке связано с грамматикой, морфологией, синтаксисом и лексикологией. Но наиболее тесная связь, как нам представляется, прослеживается с морфологией и синтаксисом, т. к. основными способами образования слов в калмыцком языке являются морфологический и синтаксический. Но несмотря на указанную связь, все же калмыцкое словообразование обладает своей относительной автономностью в силу своеобразного функционирования в языке, характеризуется своими словообразовательными единицами и способами их организации. Все это позволяет выделить особую дисциплину — калмыцкое словообразование. Следует заметить, что выделение словообразования в качестве раздела языкознания в общем и русском языкознании давно уже ни у кого не вызывает возражений. Еще акад. В. В. Виноградов замечал: «...словообразование занимает своеобразное место в ряду лингвистических дисциплин, будучи тесно связано с лексикологией — наукой о словарном составе языка, и в то же время во многих отношениях сближаясь с грамматикой, с учением о формообразовании и даже с синтаксисом словосочетаний»¹⁷.

Выделение словообразования в особую дисциплину позволяет уточнить ряд основных понятий калмыцкого словообразования и не смешивать их с другими языковыми явлениями.

¹⁶ Дондуков У.-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, Бурятиздат, 1964.

¹⁷ Институт языкознания. Доклады и сообщения, т. 1, М., АН СССР, 1952, стр. 384.

2. Понятие о словообразовательной системе калмыцкого языка

Словообразовательная система калмыцкого языка, как и любого другого языка, представляет собой совокупность «закономерных», типизированных способов создания новых слов на базе существующих языковых элементов¹⁸. Словообразовательная система калмыцкого языка характеризуется как общими свойствами, присущими словообразовательным системам всех языков, так и частными, присущими только калмыцкому языку.

Как известно, словообразовательная система любого языка характеризуется подвижностью, возможностью развития и частичной реализацией этой возможности, относительной стабильностью, наряду с этим некоторой неустойчивостью, зависимостью от экстралингвистических и внутрилингвистических факторов, а также от факторов нормативного и стилистического порядка¹⁹. Все эти свойства присущи калмыцкой словообразовательной системе. Кроме того, в ней можно обнаружить свойства частного порядка, которые объясняются своеобразием самого калмыцкого языка (принадлежностью к агглютинативному типу языков), логикой его внутреннего развития и условиями его функционирования в прошлом и настоящем.

Словообразовательная система в калмыцком языке весьма подвижна. В ней постепенно одни словообразовательные ряды теряют свою активность, другие — ее наращивают. Так, в современном калмыцком языке очень быстро растет словообразовательный ряд имен существительных с суффиксом -лнн, в то время как с суффиксом -г/н/ стал давно непродуктивным /ср.: бергн «невестка», күргн «зять», өвгн «старик», эмгн «старуха»/. Активизация одних словообразовательных рядов и непродуктивность других делает словообразовательную систему калмыцкого языка неустойчивой и относительно стабильной. Это вызывает, в свою очередь, определенные трудности при описании словообразования. В связи с этим следует четко разграничивать при подоб-

¹⁸ Арутюнова Н. Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., АН СССР, 1961, стр. 3.

¹⁹ Кубрякова Е. С. Что такое словообразование, стр. 14.

ном описании план синхронии и диахронии, статики и динамики. Так, одни и те же образования типа заһс бэрлһн «рыболовство», тэрэ тэрлһн «сев», эк-эцк «родители», ах-дү «братья» с диахронической точки зрения представляют собой подчинительные и сочинительные словосочетания, а с синхронной точки зрения перед нами два типа сложных слов.

В процессе исторического развития в калмыцком языке возникают не только новые словообразовательные ряды, но и разрушаются старые, изменяются отношения между членами одного и того же бывшего ряда. Так, в современном калмыцком языке только исторически связаны слова цаһан «белый», цасн «снег», цаасн «бумага», цээх «белеть», чигән «кислое молоко». Включать же их в область синхронного словообразования было бы ошибкой, т. к. значения этих слов давно уже разошлись. Между ними нет отношений мотивации, что является одним из условий синхронного словообразования.

Разграничение синхронного и диахронического аспекта в процессе изучения словообразования позволяет глубже вскрыть причины продуктивности и непродуктивности тех или иных словообразовательных средств. В качестве причин здесь могут быть названы экстралингвистические и внутрилингвистические факторы. К числу экстралингвистических факторов для калмыцкого языка можно отнести длительные его контакты в прошлом с тюркскими языками и его взаимодействие с русским языком, которые привели к значительному числу заимствований из указанных языков. В результате этого в калмыцком языке словообразовательные суффиксы в ряде случаев тождественны тюркским: ср.: калм. тоһш «бублик», каз. токш «бублик», калм. орм «место», каз. орын «место» и др. Из тюркских и русского языков в калмыцкий язык проникли новые корневые морфемы. К числу экстралингвистических факторов следует относить и природу именуемых вещей, явлений, признаков и т. д. Так, например, крупный рогатый скот в хозяйстве калмыков использовался, в основном, в возрасте до 5—6 лет, поэтому словообразовательный ряд с суффиксом -жн включает ограниченное количество слов /ср.: гунжн «трехлетка» /о корове/, дөнжн «четырёхлетка», туулжн «пятiletка»/.

Наконец, на словообразовательные ряды, их актив-

ность могут влиять успехи в области науки, техники, культуры, социальные сдвиги. Так, в советское время в связи со строительством нового коммунистического общества в калмыцком языке активизируется образование слов на -ч, обозначающих наименования новых профессий, например, төмр хаалч «железнодорожник», тосхач «строитель».

На функционирование, объем словообразовательного ряда влияют не только экстралингвистические факторы, но и внутрilingвистические. Например, на объем словообразовательного ряда влияют звуковые особенности производящей основы и словообразовательного суффикса. Слова могут не образовываться из-за фонемологической несовместимости ряда слов и суффиксов. В калмыцком языке эта несовместимость порой преодолевается благодаря действию закона сингармонизма. Так, многие словообразовательные суффиксы, содержащие гласные, имеют варианты типа -ул//үл; -ан//эн, -а//э. Ср.: өлгүр «вешалка» и хааһул «занавеска». В связи с этим же в отдельных корнях при словообразовании наблюдаются чередования согласных, например, образование наречия нежэдэр «по-одному» сопровождается чередованием согласных -г/-ж в корне /корень нег-«один»/.

При словообразовании безразлично, какие основы складываются, сочетаются, чтобы образовать новое слово. Так, при образовании сложных существительных в качестве первого компонента всегда выступают именные основы, а при образовании глаголов — наречные или глагольные основы. Ср.: сложные имена сущ.: өдр-сө «сутки», күүкд кун «женщина»; глаголы: шач одх «сгореть», бэрж авх «поймать», алч болх «удивляться».

Итак, словообразовательная система калмыцкого языка, имея общие свойства со словообразовательными системами других языков, в то же время обладает частными свойствами, которые объясняются своеобразием самого калмыцкого языка и условиями его функционирования как в плане диахронии, так и синхронии²⁰.

²⁰ Иное понимание словообразовательной системы на материале русского языка можно найти в работах: Зенков Г. С. Вопросы теории словообразования. Фрунзе, 1969; Волоцкая З. М. Об одном подходе к описанию словообразовательной системы.—В сб. «Лингвистические исследования по общей и славянской типологии». М., Наука, 1966.

3. Внутренние и внешние причины развития калмыцкого словообразования

Сущность развития калмыцкого словообразования раскрывается на фоне развития калмыцкого языка в целом. Вот почему здесь целесообразно рассмотреть некоторые существенные черты развития калмыцкого языка.

Калмыцкий язык, как и другие языки, изменяется неравномерно. В основном изменения осуществляются «путем медленной эволюции»²¹. Но были периоды в истории калмыцкого языка, как и в других языках, когда в нем происходили «гораздо больше различных изменений, чем в предыдущие годы». Наиболее существенные качественные изменения в калмыцком языке произошли в советское время²².

Разные темпы развития калмыцкого языка приводят к тому, что одни элементы в нем изменяются быстрее, другие на протяжении столетий. Неравномерность изменений наблюдается, как известно, даже в пределах одного уровня, скажем, словообразовательного. Так, аффиксальный способ словообразования существует с незапамятных времен, а вот продуктивность отдельных аффиксов может изменяться на небольшом отрезке времени. К примеру, в современном калмыцком языке возросла продуктивность у суффиксов -вр (эдлвр «потребление», заавр «указание», алдвр «ошибка») и -лт (бослт «восстание», чинрлт «качество», бөгллт «рабство»).

Изменения в калмыцком языке вызываются определенными причинами, которые в современной лингвистической литературе разбиты на две основные категории — внешние и внутренние. К внешним причинам относятся «разнообразные импульсы, идущие из окружающей язык среды и связанные с особенностями исторического развития общества, изменением форм общения, прогрессом культуры и техники». К внутренним причинам принадлежат различные импульсы, возникающие в связи с целенаправленной тенденцией к усовершенствованию существующей системы языка, тенденции, «направленные на приспособление языкового механизма к физиологиче-

²¹ Общее языкознание. М., «Наука», 1970, стр. 299.

²² Там же, стр. 300.

ским особенностям человеческого организма, тенденций, «обусловленные необходимостью улучшения самого языкового механизма, тенденции, вызванные необходимостью сохранения языка в состоянии коммуникативной пригодности»²³.

Внутренние и внешние причины определяют развитие не только калмыцкого языка в целом, но и его составных частей, в том числе и словообразования. В этом можно убедиться, если рассмотреть ряд примеров.

О существовании внутренних причин (или законов) развития калмыцкого словообразования свидетельствуют такие явления, в которых обнаруживаются следующие тенденции. Во-первых, тенденция к облегчению произношения. «Основная направленность тенденции к облегчению произношения состоит в стремлении к возможному уменьшению произносительных затрат»²⁴. К конкретным формам этой тенденции в калмыцком словообразовании можно отнести сингармонизм. Сравнить: умш-ач «читатель» и көдл-эч «работник», где один словообразовательный суффикс выступает в двух вариантах. Один из них для слов с гласными заднего ряда, а другой для слов с гласными переднего ряда.

Во-вторых, «тенденция к выражению разных значений разными формами». В процессе исторического развития в калмыцком языке сложилась определенная система словообразовательных /деривационных/ значений, каждое из которых имеет свое материальное выражение. К примеру, отглагольные имена существительные, обозначающие действие, процесс, образуются с помощью суффикса -лһн/например, тосхлһн «строительство», чоцкһн «склёвывание», ниилүлһн «объединение» и др./, а отглагольные имена существительные, обозначающие орудие действия, образуются с помощью суффикса -ур//-үр/ например, чимкүр «щипцы», өлгүр «вешалка» и др./.

В-третьих, «тенденция к созданию четких границ между морфемами». В калмыцком языке, как языке агглютинативного типа, эта тенденция проявляется в сведении к минимуму фонетических чередований на морфемных швах, в строгом порядке размещения морфем

²³ Общее языкознание. М. «Наука», 1970, стр. 220—221.

²⁴ Там же, стр. 238.

в слове и их значениях. В многоморфемных словах суффиксы с конкретным значением ближе стоят к корню, а с абстрактным значением /реляционные/—в конце слова.

В-четвертых, «тенденция к ограничению сложности речевых сообщений». Эта тенденция проявляется в том, что в калмыцком языке не может быть слов с количеством морфем больше 8. Чаще встречаются двух- трех-морфемные слова, реже семи-восьмиморфемные. Десяти-морфемные слова в калмыцком языке нами не зафиксированы. Наши данные по структуре и составу калмыцких слов не противоречат данным новейших исследований, свидетельствующие о том, что «объем восприятия длины и глубины слов равен объему оперативной памяти человека»²⁵. А объем оперативной памяти, как известно, равен 7 ± 2 символов сообщения²⁶.

Названные тенденции не исчерпывают все внутренние импульсы, определяющие развитие калмыцкого словообразования. Их изучение, видимо, должно быть темой специального исследования.

В данной работе (во второй ее части) будет охарактеризована наиболее детально «тенденция к выражению разных значений разными формами».

Внешние причины языковых изменений так же многообразны, как и внутренние. Наиболее важные из них это — языковые контакты, иноязычные заимствования, социальное двуязычие. Их влияние на калмыцкое словообразование будет охарактеризовано в третьей части данной работы.

Глава II. СТРУКТУРА СЛОВА В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

1. Основные свойства структуры слова

Основные свойства структуры слова раскрываются при учете одного из основных положений современного языкознания, согласно которому языковая единица, «имеющая материальную природу, является в силу этого всегда протяженной»²⁷.

²⁵ Общее языкознание. М., «Наука», 1970, стр. 248.

²⁶ Там же, стр. 248.

²⁷ Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М., «Наука», 1975, стр. 302.

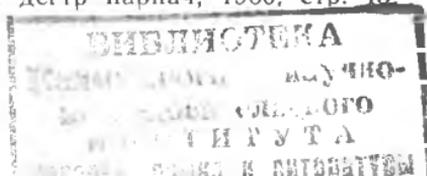
Протяженность слова является его существенным признаком. Вместе с тем этот признак не является постоянной величиной. Слова могут изменять свою протяженность, сокращаясь или удлиняясь. В мире слов такое изменение их протяженности представляет обычное явление. Более того, такие изменения слов — важнейшее их свойство, благодаря которому они и могут выполнять свои функции в речи. Так, слова бор/ъ/ и хар/ъ/ «серый» и «черный» могут сокращаться и удлиняться в зависимости от функции, выполняемой ими в предложении. Если эти прилагательные функционируют в роли подлежащего, то в конце слов появляется неясный гласный звук, обозначенный нами буквой -ъ. В современной орфографии этот звук не отражается. Когда указанные прилагательные функционируют в роли определения, неясные гласные отсутствуют. Сравнить: бор туула «заяц-беляк» и көдэһин көк бор (ъ) инцхэхлэ, йиртмжин йирн йнсн гүн дегц унһлж /загадка/ «когда заржал серый конь, сразу ожеребилось девяносто девять кобылиц природы /гром и дождь/;²⁸ хар модн «дуб» и сән бийән сээр талан хураһад, хурдн бийән дөрвн савр талан хураһад, хурц бийән хойр нүдн талан хураһад, сәэһн бийән чееж талан хураһад, Давшуриһн хурдн хар (ъ) төһн орнд зөвлм болад оркв²⁹.

Говоря о прилагательных бор (ъ) и хар (ъ), можно отметить, что их протяженность в указанных случаях оказывается участницей словообразовательного процесса — субстантивации.

Другой характерной чертой слова является присущий ему порядок перемещения его составных частей /морфем, фонем/. Но и этот признак оказывается величинной непостоянной, если изучать слова в их историческом развитии. Как известно, порядок перемещения составных частей представляет собой некоторое движение фонем и морфем внутри слова, когда оно функционирует в речи. Источником этого движения являются две закономерности, присущие языку как в целом, так и его составным частям. Во-первых, звучание слова должно «соответствовать произносительным и слуховым возможностям человека», и, во-вторых, значение слова не дол-

²⁸ Калмыцко-русский словарь. М., «Русский язык», 1977, стр. 110.

²⁹ Седклиһн кур. Элст, Хальмг дегтр һарһад, 1960, стр. 43.

жно противоречить структуре человеческого мышления и памяти, а также и структуре внеязыковой действительности»³⁰. Подчинение смысловой стороны и звучащей стороны различным закономерностям в процессе функционирования слова в речи объясняет то, что эти стороны в разной степени подвергнуты историческим изменениям, что в свою очередь углубляет асимметрию между указанными планами³¹. Вместе с тем следует подчеркнуть, что взаимная независимость обеих сторон слова /и языка/ является не абсолютной, а относительной и временной. Указанные закономерности в слове не только действуют в различных направлениях, но и взаимодействуют друг с другом, изменяя постепенно либо его звучание, либо значение. С одной стороны, перемещение морфем и фонем в слове — это не только соответствующие фонетические и морфологические процессы /ассимиляция, метатеза, гаплогогия, эпентеза, дизреза, редукция, переломы, опрощение, переразложение, усечение, наложение и мн. др./, но и база для новых семантических сдвигов в слове. С другой стороны, семантические сдвиги составляют базу для фонетических и морфологических процессов. Сравнение современного калмыцкого языка со старописьменным калмыцким /тодо бичг/ дает примеры того, что фонетические процессы приводят к изменениям в семантике слов, а семантические процессы приводят к изменениям в звучании слова. Так, благодаря метатезе и сопровождавшей ее палатализации в современном калмыцком языке существует слово альчур «платок», «салфетка», которое возникло на основе арчул с тем же значением. Оба слова соотносятся между собой как новая форма и старая. Старая форма слова, например, зафиксирована в письме жены Дондук Омбо ханши Джан к Н. Татищеву, в бытность его губернатором Астраханской губернии /первая половина 18 в./: «ниге шин... торфон арчиул белегуудин Ойсоуб надо ачиржи». Один новый... шелковый платок, подарки привез мне Осип»³². В современном калмыцком языке старая форма не употребляется. Что касается новой формы, то оно ослабило свои семантические связи с глаголом

³⁰ Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., «Наука», 1972, стр. 93.

³¹ Там же, стр. 93.

³² ЦГА КАССР, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 137, стр. 24.

арчх «чистить, очищать». Этим, видимо, объясняется наличие в современном калмыцком языке слова арчул «тряпка», образованного уже от современного звучания глагола, в котором звук -и- редуцировался. Следовательно, альчур и арчул образовались от одного глагола, но в разное время. В современном языке эти слова расходятся не только фонетически, но и семантически. Слово арчул семантически теснее связано с производящим глаголом. Оно обозначает вещь, с помощью которой совершается действие, обозначаемое глаголом арчх «чистить». В слове альчур это значение хотя и присутствует, заглушено, например:

Намчта торһи альчуричнь
Намрин сарднь илгэлэв.
Намаган гисн чамаһан, хээмнь,
Наснь туршар мартхшв.
«Узорчатый шелковый платок
Осенним месяцем послала тебе.
Что касается меня, то я тебя, милый,
Не забуду до конца жизни».

(Из песни «Намчта торһи альчуричнь»).

Другой пример, когда семантические сдвиги приводят к сокращению слова. В калмыцком языке служебный глагол бээх «быть» употребляется в сочетании с формой соединительного деепричастия знаменательных глаголов. Например: сууж бээх «сидеть», гүүж бээх «бегать» и т. д. В настоящее время действует тенденция к сокращению подобных сочетаний и стяжению их в одно слово. В такой ситуации слово бээх сокращается путем усеечения начального согласного до звука -а// -э, превращаясь в единицу низшего языкового уровня — морфему, со всеми вытекающими для него последствиями в семантическом и звуковом планах. Срав.: сууж бэ «сиди» — суужа, гүүж бэ «бегай» — гүүжэ, умшж бэ «читай» — умшжэ³³. Эта тенденция в калмыцком языке не нова, так как она нашла отражение и в старописьменном языке.

Слово живет и функционирует благодаря протяженности и порядку перемещения своих составных частей. Для каждого языка эти признаки будут проявляться по-разному. Протяженность слова, как известно, можно из-

³³ Бадмаев Б. Б. Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Элиста, Калмиздат, 1966, стр. 87—90.

мерять с помощью фонем, слогов и морфем. Если протяженность калмыцкого слова измерять в морфемах, то, по нашим подсчетам, в современной калмыцкой речи больше всего встречаются двухморфемные, одноморфемные и трехморфемные слова. Весьма редко встречаются пяти-шести-семиморфемные слова.

Чтобы найти типичную протяженность калмыцкого слова, был проведен статистический анализ текста. Его задачей было — выяснить распределение (частотность) в речи слов разного морфемного состава. Статистический анализ проводился отдельными выборками, по 200 слов каждая. Всего проанализировано 20 выборок (4000 слов) из следующих текстов: Доржин Басц «Чик хаалһ», Эрнжэнэ Константин «Ғалан хадһл» и Манжин Н. «Кел-врмүдин хурацһу».

При определении границ слов трудностей принципиального характера не было. Мысль, высказанная Г. Д. Санжеевым, что «если монгольскую речь записать в точной фонетической транскрипции сплошь, без отдельных слов, то границы слов все же можно найти очень легко даже лицу, не знающему монгольского языка», может быть отнесена и к калмыцкому языку³⁴. При подсчете слов было обнаружено нами следующее соотношение: двухморфемных слов — 42,5%, одноморфемных — 24,5%, трехморфемных — 22%, четырехморфемных — 9%, пяти-шести-семиморфемных 2%. Отсюда можно сделать один вывод: ведущим типом в калмыцком языке является двухморфемное слово, а редкими — пяти-шести-семиморфемные слова.

С функцией слова тесно связана его структура. Можно даже сказать, что структура порождена его функцией. Как же реализуется в слове связь структуры и функции? Протяженность слова возникает в результате взаимодействия внутрисловных единиц (фонем, морфем) и межсловесных связей. Каждая морфема представляет собой, как известно, относительно самостоятельную единицу. Однако соединяясь, они образуют не жесткую, неподвижную структуру, а структуру гибкую, меняющуюся, трансформирующуюся /в случае субстантивации, адъективации, адвербиализации/.

³⁴ Санжеев Г. Д. Несколько замечаний о структуре слова и его границах. — В кн.: «Морфологическая структура слова в языках различных типов». М.-Л., АН СССР, 1963, стр. 271.

Б. А. Серебренников высказал мысль в отношении структуры слов алтайских и финно-угорских языков, что «наличие более или менее четких граней между морфемами не являются показателем структурной хрупкости их сочетаний»³⁵. Анализ структуры калмыцкого слова подтверждает данное высказывание.

Изменчивость структуры слова — это такое качество, которое позволяет его преобразовывать по линии формообразования, словоизменения и словообразования. Иначе слово не могло бы выполнять свою функцию в речи.

Современное языкознание в структуре слова различает два слоя: исторический и современный. В связи с этим различают в структуре слова исторические морфемы и современные /корни, аффиксы/. Так, в структуре калмыцкого слова цээлхх «разъяснять» выделяется современный корень цээл-, с помощью которого образованы слова цээлхэч «комментатор», «пропагандист», цээлхвр «агитация», «объяснение», цээлхлт «разъяснение», цээлхлхн «объяснение», «разъяснение». Вместе с тем, в его составе содержится старый корень цээ-, который присутствует в словах цээх «светлеть», цээвр «бледный», «беловатый», цээдм «солончак», цээдх «казаться белым», цээлхн «рассвет». Сравнивая корни цээлх- и цээ-, легко обнаруживается происхождение корня цээлх-. Этот корень возник на основе побудительной формы залога цээлх- «бели» от глагола цээх «светлеть». Функционирование глагола в побудительной форме залога с переносным значением привело к опрощению: корень цээ- и аффикс побудительного залога -лх слились в одну новую корневую морфему. В слове цээлхх «разъяснять» в настоящее время аффикс побудительного залога -лх не имеет своего залогового значения, поэтому возможно образование «вторичной» формы побудительного залога /с точки зрения истории/ — цээлхүлх «заставить разъяснять». Здесь следует отметить, что, как только в результате опрощения появился новый корень цээлх-, на уровне слов возникли две омонимичные единицы: цээлхүлх «заставить белить», цээлхүлх «заставить разъяснять» /по-

³⁵ Серебренников Б. А. Об изменениях слов и словосочетаний. — В кн.: «Морфологическая структура слова в языках различных типов», стр. 222.

будительная форма от глагола цээ-х/. Отсюда можно сделать вывод: стремление к простоте на морфемном уровне привело к осложнению на уровне слов.

Корень цээ-, с точки зрения истории языка, не является конечным в цепи развития современного корня цээлн-. Так, по мнению Т. А. Бертагаева, этот корень обнаруживает связь с такими корнями, которые содержатся в словах цаһан «белый», цасн «снег», цаасн «бумага»³⁶.

В калмыцком языке, кроме того, корень цээ- семантически сближается со следующими корнями: ца-г-да «сайгачонок-самка», ца-ң «изморозь», «иней», цэ-вдр «игрневый», цэ-ң «молоко», «молочные продукты», це-ң «белый аист», це-ң-ки-х «становиться бледным», цең-кр «светло-голубой», це-вр «чистый», цевр-це-р «чистоплотный». В этом ряду слов выделяются корневые морфемы -ца/ /цэ/-це-. Следовательно, корень цээ- соотносится семантически с такими корнями, которые в свою очередь, видимо, соотносятся с более древним корнем, значение которого в настоящее время трудно установить. Т. А. Бертагаев по поводу идеи, заложенной в указанных корнях, писал: «Нам неизвестно, то ли она связана с понятием «снег», то ли с понятием «белый»³⁷.

При историческом изучении структуры слова выявляются более ранние по происхождению варианты морфем. Так, при сравнении современного калмыцкого языка со старописьменным выявляется старый вариант корневой морфемы глагола ээх «бояться» в виде айи-. Например, старый вариант корня встречается в тексте «История Убаши-хунтайджи и его войны с ойратами»: ай-илһажи чигн йадаад «не смогли даже запугать»³⁸. Корень айи-развился в-ээ благодаря известному историческому процессу — развитию дифтонгов в долгие монофтонги³⁹. Можно было бы и не вспоминать о старом варианте корня, если бы в современном калмыцком языке

³⁶ Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., «Наука», 1969.

³⁷ Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. стр. 17.

³⁸ История Убаши-хунтайджи и его войны с ойратами, стр. 201.

³⁹ Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык. М., «Наука», 1964, стр. 28.

не существовало существительное, которое его содержит. Это слово -аюл «беда», «несчастье», образованное от глагола с помощью суффикса -/у/л. Поскольку корни в ээ-х и айюл расходятся в звучании, постольку между ними начинает ослабляться семантическая связь. Иную картину мы видим в монгольском языке, где корень глагола не изменил своего первоначального звучания. Срав. айх «бояться», «труситься», «пугаться» и аюул «опасность, угроза, беда».

Современный слой в структуре слова определяется современными словообразовательными, словоизменительными и формообразовательными процессами, между которыми имеются существенные различия.

Как известно, словообразование характеризуется тем, что в результате словообразовательных преобразований из одного слова образуются новые самостоятельные слова, отличающиеся от производящего слова лексическими и грамматическими значениями. Формообразование характеризуется тем, что в результате грамматических преобразований из одного слова образуются разные его грамматические формы. При этом лексическое значение слова сохраняется без изменений. Словоизменение характеризуется тем, что в результате грамматических преобразований из одного слова образуются не только его разные грамматические формы, но и создаются новые оттенки в его лексическом значении. Семантические сдвиги в рамках отдельных грамматических форм позволяют последним принимать участие в словообразовательных процессах в роли производящих основ. Образно говоря, язык использует отдельные звенья грамматических преобразований слов в качестве базы для образования новых слов. Здесь мы полностью солидарны с мнением Г. Д. Санжеева о том, что и в монгольских языках необходимо более четко разграничивать указанные три явления, которые, характеризуясь разнонаправленностью в грамматических преобразованиях слов, определяют современный слой в структуре слова⁴⁰.

⁴⁰ Санжеев Г. Д. Несколько замечаний о структуре слова и его границах. — В кн.: «Морфологическая структура слова в языках различных типов». М.-Л., АН СССР, 1963.

2. Типы морфем в калмыцком языке

В лингвистической литературе по монгольским языкам имеются определения и корня, и аффикса, но нет общей теории морфем на материале монгольских языков. Отсутствие такой обобщающей теории создает определенные трудности при исследовании морфем в конкретных монгольских языках. Так, в частности, Ч. Лубсангджаб, изучая морфологическую структуру монгольского слова, пришел к заключению, что «описание корневых морфем затрудняется тем, что до сих пор нет специальных исследований, затрагивающих теоретические проблемы корневых морфем, детерминантов и первичных суффиксов как в плане синхронии, так и диахронии»⁴¹.

Т. А. Бертагаев в своей работе «Морфологическая структура слова в монгольских языках» дал только частное определение морфемы, касающееся синхронного аспекта. Вот что он пишет по этому поводу: «...значимый элемент, далее неделимый в синхронном разрезе и соотносимый по звучанию и смыслу с элементом другого слова или слов, и есть морфема. Вне соотносимой или сопоставимой связи слов нет и не может быть морфемы. Слово изолированное, несопоставимое ни с каким другим словом или словами, не может распадаться на морфемы и не состоит из морфем»⁴². Однако даже при таком подходе, строго ориентированном на синхронный аспект морфологической структуры слова, определение морфемы остается еще неполным. В этом можно убедиться, если рассмотреть следующие слова: көдлмш «работа», көгжм «музыка», көквш «синица». Указанные слова в современном калмыцком языке относятся к числу производных, т. к. они образованы соответственно от корней следующих слов: көдл-х «работать», көг-«мелодия», көк-«голубой». Следовательно, корни көдл-, көг-, көк-, соотносимые по звучанию и смыслу с элементами других слов, являются морфемами. Вместе с тем, в словах көдл-мш, көг-жм, көк-вш выделяются части -мш, -жм, -вш, которые в синхронном аспекте не соотносятся по

⁴¹ Лубсангджаб Ч. Сопоставительный анализ морфологической структуры слова в монгольском и английском языках. М., 1971, стр. 14. Рукопись.

⁴² Бертагаев Т. А. «Морфологическая структура слова в монгольских языках». М., «Наука», 1969, стр. 10—11.

звучанию и смыслу с элементами других слов калмыцкого языка. Следовательно, эти части слова уже не обладают статусом морфем, хотя именно они сыграли главную роль при образовании названных слов. При рассмотрении подобных фактов возникает вопрос: как определять морфему и что называть морфемой, ориентируясь на современную морфологическую структуру слова. Этот вопрос очень важен еще и потому, что в настоящее время в теоретическом языкознании есть работы, где понятие морфемы трактуется шире, чем это принято в традиционном монгольском языкознании⁴³.

Трудность проблемы морфемы коренится в том, что морфема, являясь категорией исторической, выполняя различные функции в языке, по-разному комбинируясь в пределах слова, характеризуется различными признаками, установление которых должно быть одной из задач при анализе структуры слова. Прежде всего, морфема должна характеризоваться какими-то признаками общего порядка, объединяющими ее с остальными единицами языка, и признаками частного порядка, отличающими ее от остальных единиц языка. Здесь, как нигде кстати, вспоминаются известные слова В. И. Ленина: «Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «наткаться» на эти общие вопросы»⁴⁴.

Прежде всего, морфема, являясь частью слова, подчиняется слову как целому со всеми вытекающими отсюда последствиями. Такое положение не противоречит общеизвестному логическому (методологическому) закону о соотношении части и целого.

Морфема, как и слово, характеризуется такими чертами, как линейность и протяженность, благодаря чему составные части морфемы /фонемы/ имеют определенный порядок своего следования. Морфемы комбинируются

⁴³ Степанов Ю. С. Основы языкознания. М., «Просвещение», 1966, стр. 38—39.

⁴⁴ Ленин В. И. Отношение к буржуазным партиям. Соч., изд. 4-е, т. 12, 1950, стр. 438.

внутри слова по законам, которые присущи определенным типам языков⁴⁵.

Морфема органически связана со словом. Через слово морфема принимает участие в речи. Находясь в «лоне» конкретного слова, морфема получает возможность для своего функционирования, преобразования и дальнейшего развития. Здесь мы должны обратить внимание на случаи материального совпадения морфемы и слова, которые, однако, не свидетельствуют о их совпадении функциональном и семантическом. Например, в предложении Салькта тиим: өдр билэ (Манжин Н.). «Был такой ветренный день». Слово өдр «день» по протяженности равно корневой морфеме өдр-. Корень соотносит слово өдр с однокоренными словами өдрэ «дневной», өдрлх «ехать днем». Слово өдр имеет не только значение, общее со словами өдрэ, өдрэс, но и значение, отличающее его от них. Это значение — грамматическое, которое проявляется в слове в процессе его функционирования в речи. Слово өдр является существительным и выступает в предложении в роли подлежащего. В семантическом плане между морфемой и словом складываются существенные различия. Значение морфемы является частью лексико-грамматического значения слова. Вместе с тем значение слова в целом не всегда представляет собой механическую сумму значений морфем. Например, в слове соңсач «слушатель» значение складывается из значений входящих в него морфем соңс — «слушать» и -ач, обозначающее «лицо», т. е. соңсач «тот, кто слушает». По такому же принципу складываются значения слов ачач «грузчик» /из ач — «грузить»+ач/, седвэрч «инициатор» /из седвэр—«инициатива»+ч/ и т. п. В словах бичэч «писатель» /из бич — «писать»+эч/ и һардач «руководитель» /из һард — «руководить»+ач/ значение слов шире, чем сумма значений их морфем. Слова бичэч и һардач содержат добавочные значения, которые не вытекают из смысла соединительных морфем. М. В. Панов, изучая русский язык, назвал это явление фразеоло-

⁴⁵ Серебрянников Б. А. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка. — «Морфологическая типология и проблемы классификации языков», М.-Л., АН СССР, 1965, стр. 7.

гичностью семантики слова⁴⁶. Следовательно, бичэч — это не только тот, кто просто пишет, а хардач — не тот, кто руководит.

Морфема, являясь обобщенной единицей языка, в разных словоформах одного слова и в разных лексемах может выступать с некоторыми звуковыми модификациями. При этом значение морфемы сохраняется. К примеру, это явление наблюдается в словах хойр «два»//хошад «по два, парами», йисн «девять»//йирн «девянность», байсх «радоваться»//байрлх «радоваться», сурж «спросил»//сурш уга «не спросит» и мн. др. В приведенных словах можно выделить корневые морфемы с их модификациями хойр-//хош-, йис-//йир-, байс-//байр- и аффикс -ж-//ш-. На эти случаи не раз указывали в своих работах Б. Я. Владимирцов, Г. Д. Санжеев и Т. А. Бертагаев. Подобные явления говорят о том, что и в монголистике назрело время для терминологического разграничения морфемы и ее конкретной реализации в слове, как это уже сделано в теоретическом языкознании. Если морфема — это обобщенная единица языка, то ее реализация — это конкретный факт, непосредственно наблюдаемый в речи. Для обозначения конкретной реализации морфемы пользуемся общепринятым в русском языкознании термином «морф»⁴⁷. Так, в словах хавчг «теснина» и хавчлх «чувствовать стесненно» содержатся морфы одной морфемы-г//h, представляющая собой имяобразующий суффикс. В словах хавчх «сжимать» и хавцан «переплет» содержатся морфы одной морфемы -ч//ц, представляющая собой глаголообразующий суффикс. Следовательно, морфемам в речи соответствуют морфы /алломорфы/ так же, как фонемам их варианты /аллофоны/.

Итак, морфема — это кратчайшая формальная часть слова, выделяемая при сравнении разных словоформ одного слова или разных лексем и имеющая самостоятельное значение.

Особого разговора заслуживает вопрос о классификации и видах морфем, хотя в данном случае и не имеются расхождения между монголистами. В монгольских языках различают два вида морфем — корни и аффик-

⁴⁶ Панов М. В. О слове как единице языка. «Ученые записки МГПИ им. Потемкина», т. 51, М., 1956, стр. 146—147.

⁴⁷ Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., «Просвещение», 1973, стр. 18—22.

сы. Каждый вид в структуре слова занимает строго определенное место, что подчеркивается во всех работах по грамматике монгольских языков. Вместе с тем в вопросе о видах морфем есть аспект, который до сих пор еще слабо освещен в работах по конкретным монгольским языкам, а именно, вопрос о видах корневых и аффиксальных морфем. Можно назвать только несколько работ, в которых ставился и обсуждался данный вопрос специально. К их числу относится работа Ч. Лубсангджаба «Сопоставительный анализ морфологической структуры слова в монгольском и английском языках»⁴⁸. В современном монгольском языке он различает три вида корневых морфем: связанные, потенциально свободные и полностью свободные. Связанные корневые морфемы, по наблюдениям исследователя, являются преобладающими. Этот факт Чой Лубсангджаб ставит в зависимость от агглютинативной природы и типологической структуры монгольского языка, с его «строго установленным порядком следования частей слова /вправо от корня/ без каких-либо префиксов, инфиксов, внутренней флексии /или заместителей/»⁴⁹.

Виды корней, как и виды аффиксов, Ч. Лубсангджаб определяет методом дистрибуции. Свободные корни при этом определяются как такие, которые «встречаются отдельно и как такие, после которых непосредственно могут стоять словоизменяющие суффиксы». По мнению исследователя, свободные корни в монгольском языке не являются доминирующими, они встречаются весьма редко⁵⁰. Связанные корни, определяемые дистрибутивно, представляют собой такие корни, которые «не могут использоваться отдельно и непосредственно, после которых не следуют словоизменяющие суффиксы»⁵¹. К примеру, связанный корень *hu-* «три» в монгольском языке никогда не встречается перед словоизменяющими суффиксами. По наблюдениям Ч. Лубсангд-

⁴⁸ Лубсангджаб Ч. Сопоставительный анализ морфологической структуры слова в монгольском и английском языках. М., 1971.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Указ. раб., стр. 25.

⁵¹ Там же.

жаба, корневые морфемы в монгольском языке в большинстве случаев не характеризуются варьированием звуковой формы.

Дистрибутивный анализ морфем монгольского языка позволил Чой Лубсангджабу конкретизировать виды аффиксальных морфем. Он выделяет, наряду со словообразовательными и словоизменительными аффиксами, структурные и синкретические. К числу синкретических исследователь относит суффикс -йа в слове йабайа «пошли, пойдем», который выражает одновременно значение первого лица и настоящего времени, безразлично к роду и числу⁵². К числу структурных аффиксов Ч. Лубсангджаб относит такие, которые служат для связи составных частей слова. В монгольском языке он находит два типа структурных аффиксов: соединительные гласные а, е, о, ө и одну согласную с двумя алломорфами г//h⁵³.

Теория морфемы Ч. Лубсангджаба для монгольского языкознания не нова, но примененная к новому языковому материалу, все же дает определенную новизну.⁵⁴ На наш взгляд, заслуживает внимания трактовка видов корневых морфем, которая позволяет более последовательно проводить их различие на оси синхронности. Вместе с тем, у этой теории есть и недостаток: указанная классификация не учитывает различие типов корневых морфем в диахроническом плане.

Наше мнение о морфемах и их типах в основном опирается на грамматические традиции монгольского языкознания. Вместе с тем, где это нам кажется справедливым, мы стремимся к уточнению отдельных понятий. Основой для этого служат достижения теоретического языкознания и развитие современного калмыцкого языка.

Морфемы калмыцкого языка классифицируются по разным признакам на несколько классов. При их классификации учитываются следующие признаки: функции, значение морфем, их место в структуре слова и происхождение. Итак, в калмыцком языке в первую очередь различаются корневые и аффиксальные морфемы

⁵² Указ. раб., стр. 31.

⁵³ Лубсангджаб Ч. Сопоставительный анализ морфологической структуры слова в монгольском и английском языках, стр. 32.

⁵⁴ Там же.

3. Корень слова

Основанием для выделения корневых и аффиксальных морфем служит их роль в составе слова. Корни, выражая основное вещественное значение, являются обязательными частями слова, в то время как аффиксы являются факультативными. Без корней слова не существуют. Без аффиксов встречаются. К примеру, в словах ода «теперь», «сейчас», дала «много», «бесчисленно», мет «подобно», невчки «немного, чуть-чуть», эндр «сегодня» нет аффиксов. Рассмотрим эти слова в предложениях, в которых они также выступают без аффиксов: Ода тадыд нань ю келхв? /Доржин Басц/. «Сейчас вам что еще сказать?» Өмн бээх төрмүд дала /Доржин Басц/. «Вопросов, стоящих впереди, много». Хар холта Саарл күлг асгсн заль мет гилвкэд одв. /«Седклин күр»/. «Доблестный конь Саарл, черный по сути, промелькнул подобно вспыхнувшему пламени». Танла невчки кергэр күүндж болхий? — гиж сурв. /Доржин Басц/. «С вами можно побеседовать по небольшому делу?—спросил он». Негдвэрт, эн малмудтн эндр өдрэс авн эн эзн гергнэ малмуд биш /Эрнжэнэ К./. «Во-первых, этот скот не принадлежит с сегодняшнего дня этой хозяйке».

Говоря о корневых морфемах, мы придерживаемся той позиции, что нет корня вообще, а есть конкретные корни, содержащиеся в конкретных словах, из которых они выделяются путем сопоставления. Здесь мы присоединяемся к мнению Б. А. Серебренникова, который считает, что при характеристике сущности слова необходимо выделять три категории: а/полнозначные слова, б/слова-конструкты и в/морфемы, исторически развившиеся из некогда полнозначных слов и в данное время переставших быть словами⁵⁵.

При выделении корневых морфем мы имеем дело прежде всего с полнозначными словами. Что касается слов-конструктов, то корни в них обычно теряют свое вещественное значение, хотя и сохраняют в их структуре «реликтовую выделимость». Для сравнения разницы

⁵⁵ Серебренников Б. А. О сущности процессов изменения слов и словосочетаний и о природе и характере структуры слова в тюркских и финно-угорских языках. — В кн.: «Морфологическая структура слова в языках различных типов». стр. 216.

между живым вычленением корня из слов и «реликтовой выделимостью» приведем ниже две группы примеров. В первой группе будут примеры, в которых использован глагол бээ- «стать, находиться» в качестве знаменательного, а во второй группе служебный глагол бээ-, принимающий участие в образовании аналитических глагольных форм. Срав.: 1. — Нэ, мини нерн Нарм, би күүкд дунд көдлмш кедв, тана хотнд олн күүкд бээнү? — Манахнд зөвэр олн күүкд бээнэ, — гиж Цаган хэрү өгв. /Манжин Н./ «—Ну, мое имя Нарма. Я провожу работу среди девушек. В вашем хотоне много девушек?» — У нас очень много есть девушек, — ответила Цаган». Эн хойр жилин эргцд хойр дүүһэн, өвгн болсн эцкэн, цөн малан гертэһинь хадһлад Цаган бээһэ. /Манжин Н./ «В течение этих двух лет живет Цаган, присматривая за двумя младшими братьями, за престарелым отцом, небольшим количеством скота и домом». Тер хаана хурлд бас нег ач Манжнь бээж. /«Седклин күр»/. «В том хуруле хана был еще один его внук». — Не, тиним болхла, энүнд бэ ода. Тер көвүнэ авч ирсн ан-шовунас идэд бэ, — гиж Оод Мергн түшмл келнэ. /«Седклин күр»/. — «Ну, раз так, живи теперь здесь. Ешь дичь, принесенную тем юношей, и живи, — сказал сановник Оод Мёрген». Бата эн бээдлим үзчкх гинэд Буля үкс гиж хэрү эргв /Эрнжэнэ К./. «Подумав, что Бата может заметить ее состояние, Буля быстро отвернулась». 2. — Эн көвүн юцгад уульж бээнэ? — гиж хан сурв. /«Седклин күр»/. — «Этот мальчик почему плачет? — спросил хан». Харалч хан хувцан тээлж, буслж бээсн үснд орад булхад одв. /«Седклин күр»/. «Харалч хан, раздевшись, вошел в кипящее молоко и окунулся». Шурд йовад вокзалар орад ирн гихнь — машин һарад йовж бээж /Манжин Н./. «Помчался, и только приблизился к вокзалу, как машина тронулась и поехала». Менд бээтн, менд харһий. Хошуд орнав, адһж бээнэв /Манжин Н./. «До свидания, будьте здоровы. Пойду к хошудам, тороплюсь».

В первой группе примеров выделяются производные и формы глагола бээ-: бээ-нү «есть ли», бээ-нэ «есть», бээ-һэ «живет», бээ-ж «был», бэ-«живи», бээ-дл «состояние», в которых легко выделяется интересующий нас корень. Во всех словах корень бээ- сохраняет свое значение «быть, находиться». Во второй группе примеров выделяются аналитические формы глаголов уульж бээ-

на «плачет», буслж бээсн «кипящий», йовж бээж «поехал», адлж бээнэв «тороплюсь», где служебный глагол бээ-, потеряв свое вещественное значение, «участвует в общем значении аналитического словосочетания»⁵⁶.

Подобные аналитические глаголы в калмыцком языке указывают на длительность действия, которое обозначено первым компонентом — знаменательным глаголом в форме совместного деепричастия.

Как показывают вышеприведенные примеры, даже в структуре одного слова, но в зависимости от его функции в современном языке, корень проявляется по-разному. Следовательно, при выделении корневых морфем необходимо учитывать, из какого слова они вычлениются — из знаменательного или служебного. Важную роль при определении сущности корня играет фактор времени и связанные с ним отношения корней на оси современности /синхрония/ и на оси истории /диахрония/. В связи с этим, на наш взгляд, корень, как минимум, должен иметь два определения: один для современного состояния языка, другой — для исторического. Скажем, для синхронии: корень — это минимальная значимая общая часть группы производных слов, в составе которых она имеет одно и то же вещественное значение и одно и то же материальное выражение /с учетом закономерных фонетических модификаций, присущих современному состоянию языка/. Например, в следующих ниже словах выделяется один корень на основании того, что в них повторяется минимальная значимая общая часть, имеющая во всех случаях одно вещественное значение и материальное (звуковое) выражение: хав-ч-х «сжимать», хав-ч-лнн «зажим», «притеснение», хав-ч-ур «тиски», хав-ч-ар «скрепка», хав-ч-г «тесный», хав-ч-л-лз-х «чувствовать стесненно», хав-х «капкан», хав-х-н/т «черепиха», хав-ш-х «щелкать», хав-ш-лнн «щелканье», хав-ц-ан «переплет», хав-ц-л-х «переплетать», хав-ц-л-ач «переплетчик». Общее значение корня хав-«зажимать».

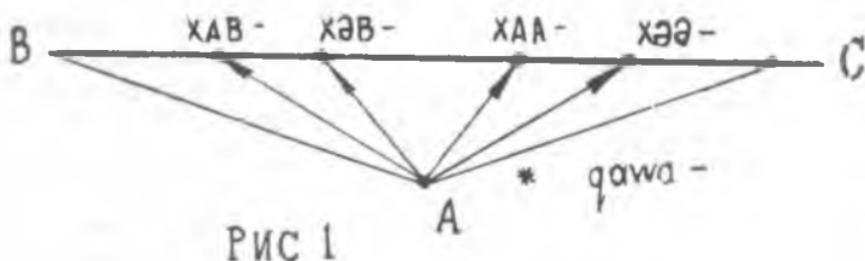
Для диахронии: корень — это семантико-звуковой инвариант, восстанавливаемый путем сравнения группы производных и непроизводных слов, имеющих в своем составе части /корни, основы/, из которых они выделяют-

⁵⁶ Серебрянников Б. А. О сущности процессов изменения слов... стр. 218.

ся. Например, сравнивая ниже приведенные слова, можно обнаружить в них отрезки /корни, основы/, содержащие нечто общее в семантике, хотя вещественные значения их корней различны: хаа-х «запирать, затворять», хэа-вр «запрет, запрещение», хаа-й-ата «закрыто, закрытый», хаа-хул «ставня», хаа-ц «изгородь», «укрытие для скота», хээ-ч «ножницы», хээ-ч-л-х «стричь, отрезать», хэв-р-х «точить, скрежетать /зубами/». Сравнение корней хаа- «запирать», хээ- «обрезать», «резать», хэв-/р/- «точить», «скрежетать», хав- «зажимать», которые выделены из вышеприведенных слов, позволяет в них выделить общее значение «стискивать, теснить». Что касается различий в звучании, то они объяснимы на основе фонетических законов, действовавших в истории калмыцкого языка. Корни с долгим -аа /например, хаа- «запирать»/ возникли в результате выпадения интервокального согласного, в то время как в корнях хав- «сжимать», хэв-р- «точить», «скрежетать» он сохранился. Это явление наблюдалось и в других словах монгольских языков. СРАВ.: монг. дээ-л «шуба» и калм. дев-л «шуба». Гласные переднего ряда в корнях хээ-ч «ножницы» и хэв-р-х «точить, скрежетать» появились в результате, видимо, перелома гласного и непервого слога / в случае с хэв-/ и развития дифтонга -аи в начале слова /в случае с хээ-/. Следовательно, корни хав-/хэв-/хаа-/хээ- сближаются не только в семантическом аспекте, но и общностью происхождения. Б. Я. Владимирцов, анализируя соответствующие корни в монгольско-письменном и халхасском /монгольском/ языках, реконструировал их праформу /архетип/ в виде *qawa-. Вместе с тем он дает объяснение и чередованию согласных j, g ≈ в, w ≈ у, которые появляются в интервокальной позиции⁵⁷. Итак, из этого можно сделать следующий вывод: корни современного калмыцкого языка хаа-/хээ-/хав-/хэв//, имеющие в настоящее время различные вещественные значения, в историческом плане /ретроспективно/ восходят к одному корню *qawa- со значением «сжимать, стискивать». Различия между отношениями современных корней и их отношением к историческому корню /архетипу/ можно условно показать на следующей

⁵⁷ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Л., 1929, стр. 207—208.

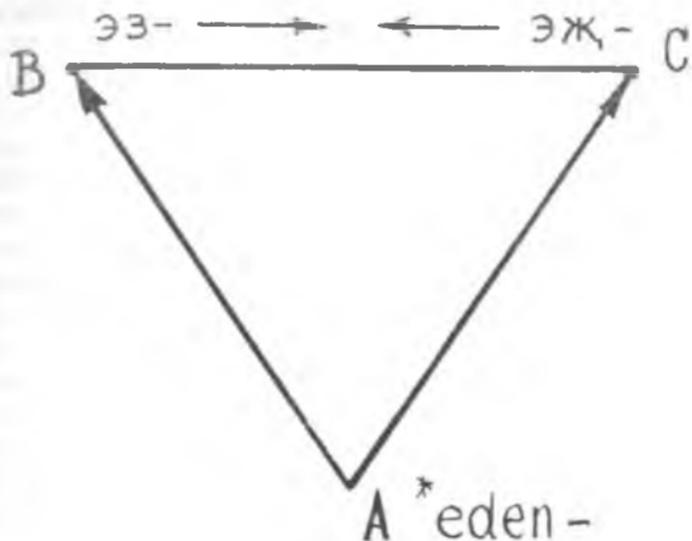
схеме /рис. 1/, где на линии ВС располагаются современные корни, противопоставленные друг другу по их вещественным значениям. Вершина А обозначает архетип /праформу/ *qawa-, из которого развились названные выше современные корни. Таково соотношение между современными и историческими корнями.

Следовательно, основанием для выделения современных и исторических корней служит их отношение к современному состоянию языка и к прошедшим эпохам. Еще пример. В современном калмыцком языке имеется корень эз- «хозяин», который выделяется в словах эзи «хозяин», эз-л-х «владеть», эз-л-вр «овладение», эз-л-эч «захватчик», эз-л-лнн «захват», эз-н-го «не имеющий хозяина», эз-рк-х «господствовать». Другой морфологический корень эж-, значение которого соотносится с понятием «люди», выделяется в словах эж-го «безлюдный», эж-гэ-д-х «оказываться покинутым», эж-гэ-р-х «становиться безлюдным», эж-гэ-р-лнн «опустение». В современном калмыцком языке между двумя указанными морфемами складываются отношения противопоставления. Это означает, что они не выводимы друг из друга как в семантическом, так и в звуковом плане. Корни эз- и эж- в современном калмыцком языке функционируют как два самостоятельных корня, имеющих два разных вещественных значения.

В историческом аспекте корни эз- и эж- соотносятся друг с другом через этимологический корень *eden- «хозяин, владыка, владелец», который является общим для всех монгольских языков. Оба корня связаны с этимологическим корнем дважды. Это означает, что каждый из них выводится из этимологического /исторического/ корня по звучанию и семантике. Следовательно, корни

эз- и эж- соотносятся друг с другом как варианты одного исторического корня, хотя в современном калмыцком языке они являются двумя самостоятельными корнями. Отношения между ними можно также передать на треугольнике ABC (рис. 1), где линии АВ и АС показывают

исторические связи корней эз- и эж- с этимологическим корнем eden-, а линия ВС показывает отношение этих корней в современном языке (на оси синхронии).

Структура калмыцких морфем весьма своеобразна. Это своеобразие связано с различными функциями гласных и согласных в их составе. К примеру, в корнях встречаются все гласные фонемы современного калмыцкого языка, в то время как в аффиксах только определенный круг: -у// -ү, -а// -э, и. Например: гер-ин «дома», беел-эн «рукавицы», школ-ур «к школе». Гласные корни обладают смыслоразличительной функцией, а гласные аффиксов — их отражением.

Изучая калмыцкие корни, можно наблюдать такую же картину, которую описал Б. Я. Владимирцов на материале старописьменного монгольского языка. Он писал: «В монгольском письменном языке наблюдается следующее явление: существует довольно значительное количество слов, которые с фонетической точки зрения отличаются друг от друга только тем, что одни принадлежат к заднему гуттуральному ряду, а другие — к переднему палатальному, сохраняя по большей части одно и то же зна-

чение, или же семантически они оказываются очень близкими. В языке, таким образом, получаются как бы парные слова, принадлежащие то к одному, то к другому ряду, но в то же время представляющиеся одними и теми же: слово одно, но является в двух облициях, гуттуральном и палатальном. Это в большинстве случаев.

Но часто также можно наблюдать, как язык использует эти две формы слова для того, чтобы отметить какой-либо оттенок значения; иногда слово гуттурального ряда обозначает мужской род, а слово палатального ряда — женский. Иногда указываемое различие наблюдается только по отношению разных эпох...»⁵⁸. Еще раньше это явление он описал в своей работе «Следы грамматического рода в монгольском языке»⁵⁹. Б. Я. Владимирцов был одним из первых монголистов, который обратил внимание на наличие в монгольском языке разных звуковых вариантов одних и тех же слов /корней/ и их использование в целях обозначения категории рода и разных семантических оттенков.

Т. А. Бертагаев, — как правильно отмечает Г. Ц. Пюрбеев, — в процессе специальных исследований со всей очевидностью доказал, что «чередование фонем не ограничивается только гласными двух рядов /гуттурального и палатального/, а охватывает всю систему гласных и согласных, приобретает черты общемонгольские», «что назначение этих чередований гораздо шире»⁶⁰. Т. А. Бертагаев в своей работе «Морфологическая структура слова в монгольских языках» дает понятие звукового «варианта» слова, что имеет большое значение для понимания варианта корня вообще⁶¹. Он полагает, что варианты слов больше всего встречаются в разговорном народном языке и меньше всего в современных литературных языках. Т. А. Бертагаев предлагает различать два типа звуковых вариантов слов: «межобъектные» и «внутриобъектные». «Межобъектные варианты слов — это такие,

⁵⁸ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия, стр. 126—127.

⁵⁹ Владимирцов Б. Я. Следы грамматического рода в монгольском языке. «Докл. Росс...», Серия В., 1925, апрель-июнь.

⁶⁰ Пюрбеев Г. Ц. Функциональное чередование звуков в монгольских языках, «В. Я.», 1971, № 3, стр. 90.

⁶¹ Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках, стр. 131—179.

которые встречаются в разных формах языка /например, в литературном языке и разговорном /диалекта/. «Внутриобъектные варианты слов — это такие, которые встречаются внутри одной формы языка /например, только в литературном языке/. Варианты слов, как полагает Т. А. Бертагаев, возникают на основе закономерных фонетических изменений, в частности, на основе комбинированных и некомбинированных /спонтанных/ чередований звуков, выпадений звуков в начале, середине и в конце слова, наращення, переноса звуков и т. д.⁶². Остановившись на характеристике внутриобъектных фонетических вариантов, Т. А. Бертагаев дает им следующее определение: «внутриобъектные фонетические варианты какого-нибудь слова — это такие варианты, которые, будучи связаны со звуковым его видоизменением, могут свободно взаимозамещаться или употребляться бинарно в рамках данного языкового подразделения». К числу вариантов он не относит, во-первых, такие слова, в которых наблюдаются незакономерные чередования типа л и х, м и т в следующих, например, биномах: бур. лама хама «ламы», бур. эх. мунайду тунайду «грубиян, мужлан». Во-вторых, Т. А. Бертагаев не относит к вариантам такие слова и фонетические видоизменения слова, которые не могут свободно замещать друг друга из-за семантических и стилистических расхождений. Такие чередующиеся образования он относил к лексическому уровню⁶³.

Наблюдения Б. Я. Владимирцова и учение о вариантах слова Т. А. Бертагаева создают базу для исследования вариантов корней в конкретных монгольских языках как в синхроническом, так и диахроническом аспектах. Так, Г. Ц. Пюрбеев, опираясь на работы Б. Я. Владимирцова и Т. А. Бертагаева, подробно рассмотрел функциональное чередование звуков в монгольских языках, которое приводит к варьированию слов, а вместе с тем и корней⁶⁴. В своей статье «Функциональное чередование звуков в монгольских языках» Г. Ц. Пюрбеев поставил ряд интересных проблем, касающихся функционального чередования звуков.

⁶² Там же, стр. 131.

⁶³ Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках, стр. 131—132.

⁶⁴ Пюрбеев Г. Ц. Функциональное чередование звуков в монгольских языках, «В. Я.», 1971, № 3.

Однако мы расходимся с Г. Ц. Пюрбеевым в оценке некоторых фонетических чередований. В отличие от него мы не считаем фонетические чередования грамматическим приемом в таких примерах, как монг. цоолох, «продырявливать, прокалывать, пробивать» // цоорох «продырявливаться, прокалываться, пробиваться», хагах «сохнуть», «засыхать», «увядать», «чахнуть» // хатаах «сушить, высушивать, вялить». Здесь мы имеем обычные глагольные аффиксы, с помощью которых образуются переходные—непереходные и активные—пассивные глаголы. В монгольских языках суффикс-л/-ло- используется для образования переходных глаголов /например, монг. цоож «замок»—цоожлох «замыкать», калм. дун «песня»—дуулх «петь»/, суффикс -р //-ро/-ра для образования непереходных глаголов /например: монг. цайх «белеть»—цайрах «белеть», светлеть», калм. дуһу «дуга, круг» —дуһурх «согнуться в дугу»/, суффикс -а//э//о используется для образования активно-переходных глаголов /например: монг. хорох «убавляться, убывать»—хороох «убавлять, уменьшать», калм. күцх «догонять, догнать»—күцэх «выполнять, исполнять, оканчивать»/. Следовательно, то, что Г. Ц. Пюрбеев называет чередованием звуков, а именно -л/-р и #/-а представляет собой группу аффиксов глагола, которые были всесторонне рассмотрены Г. Д. Санжеевым в его книге «Сравнительная грамматика монгольских языков»⁶⁵. Что касается корня цоо-, то он содержится еще в следующих монгольских словах: цоо-ног «скважина», цоо-хор «рябей» /например, следы от оспы/, цоочих «продырявливать» /многократное действие/. А в словах хатах //хатаах корень хата- определяется в результате вычленения суффикса переходного глагола -а.

Г. Ц. Пюрбеев совершенно прав, отмечая в монгольских языках факты фонетического чередования основ. Срав.: монг. аарцаг «таз, тазовая кость» // ээрцэг «тазобедренный сустав», калм. самрх «мешать, перемешивать чай»/ семрх «мешать, перемешивать мелко нарезанные кусочки мяса»⁶⁶. Но в отличие от Г. Ц. Пюрбеева мы

⁶⁵ Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., «ИВЛ», 1963, стр. 19, стр. 23—26.

⁶⁶ Пюрбеев Г. Ц. Функциональное чередование звуков в монгольских языках, стр. 91.

полагаем, что подобные фонетические чередования больше характеризуют монгольские языки в ранний период их развития, чем в настоящее время.

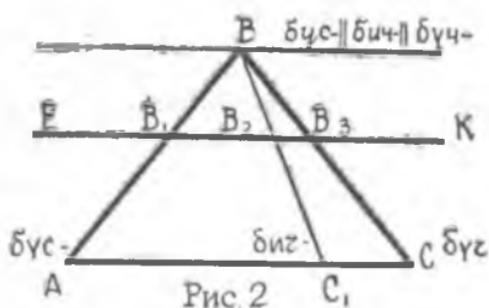
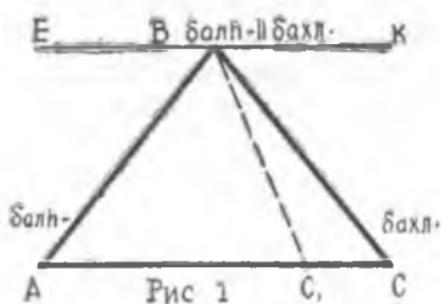
Г. Ц. Пюрбеев дал анализ исторических фонетических чередований, которые в монгольских языках привели к появлению разных лексических единиц как на уровне разных языков, так и на уровне одного языка⁶⁷. Но подобные фонетические чередования принципиально отличаются от фонетических чередований, которые принято называть внутренней флексией. Внутренняя флексия связана с изменением грамматического значения и грамматической формы одного и того же слова, например, русск. собирать — собрать, где в корне бир-//бр- происходит чередование и//#, связанное с изменением категории вида. В русском языке внутренняя флексия приводит к появлению звуковых вариантов одного корня, а в монгольских языках звуковые чередования, изученные Г. Ц. Пюрбеевым, приводят к появлению разных слов, близких по звучанию и семантике.

Резюмируя все вышесказанное, мы приходим к выводу, что при изучении корней необходимо различать три момента: во-первых, звуковые варианты одного корня, появляющиеся в речи под действием ассимиляции, диссимиляции, метатезы, т. е. современных живых фонетических процессов. Например, в калмыцком языке есть два варианта одного корня балһ-//бахл-, содержащиеся в словах балһх «глотать», балһ- «глоток», бахлур «горло, глотка». Один из вариантов /бахл-/ возник благодаря метатезе. Во-вторых, следует выделять внутреннюю флексию, которая в монгольских языках отсутствует. В-третьих, следует выделять исторические фонетические процессы, которые приводят к распаду одного корня на ряд самостоятельных корней с разными вещественными значениями, но близкими по семантике и материальному выражению. Причем, исторические фонетические процессы различны по своему характеру, но все они объединяются тем, что сопровождаются существенными сдвигами в семантике корней /слов/. Срав.: калм. буу-х «спускаюсь», буу-ц «стоянка», буу-лһх «опускать»; бүүр «стоян-

⁶⁷ Пюрбеев Г. Ц. Функциональное чередование звуков в монгольских языках, стр. 91—93.

ка», бүүрлх «поселяться»; буу-рх «приходить в упадок, падать», буур-улх «снижать», буу-рах «привести в упадок», где выделяются корни буу-//бүү-⁶⁸, бүс «пояс», бүслх «опоясывать»; бүч «шнур, тесьма», бүчлх «привязывать шнурки»/, торг. бич «шнур» /например, носна бич/, где выделяются разные корни бүс-//бүч-//бич-; байсх «радоваться», байсхлн «радость», бах «радость, удовольствие», бахтх «восхищаться», байжх «богатеть», байн «богач», байр «радость», где выделяются самостоятельные корни бай-//бах-.

Следовательно, в монгольских языках надо последовательно проводить различие между звуковыми вариантами одного современного корня и корнями, возникшими благодаря распаду одного исторического корня. Различие между ними можно показать условно на треугольниках АВС. /рис. 1 и рис. 2/.

На первом рисунке изображены отношения корня с его вариантами. ЕК — план содержания, АС — план выражения. Так, вышеприведенный корень балһ-//бахл- в плане содержания отмечен точкой /вершиной/ В, а его звуковые варианты в плане выражения отмечены точками А, С. Возможные потенциальные звуковые варианты обозначены точкой С₁.

На втором рисунке изображены отношения между разными корнями, восходящими к одному историческому корню. Точки В₁, В₂, В₃ на линии ЕК /план содержания/ отмечают, что корни бүс-, бүч-, бич-, различные по

⁶⁸ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия, стр. 278.

значению, составляют три разные единицы, которым в плане выражения /линия АС/ соответствуют и различные звуковые комплексы. Вершина В обозначает исторический корень, из которого вышли В₁, В₂, В₃. В свою очередь каждый корень из трех названных может потенциально развиваться в двух направлениях: во-первых, по линии варьирования, как корень балh-//бахл-, во-вторых, по линии распада на другие самостоятельные корни. Это потенциально. Но жизнь вносит свои коррективы, и в результате не каждый корень может развиваться в двух направлениях. Но возможности такого развития заложены в каждом из них. Наряду с дифференциацией корней в синхронном и диахронном аспектах наблюдается процесс интеграции семантики корней, что проявляется в образовании так называемых парных слов. Разошедшиеся исторически в своем звучании и семантике корни /основы/ в современном языке объединяются в пары для обозначения обобщенных значений, например, калм. байр-бах «радость, восторг», бүрн-бүтн «целый, невредимый», шарх-шав «рана», барг-бүрг «темный, сумеречный».

Корни в составе слова противопоставляются аффиксам, с которыми складываются у них разные отношения. В результате опрощения корни сливаются с аффиксами, образуя новые корни, например: калм. уур-г «плод, семя», урһа «растущий», урһ-мл «растение», үр-н «ребенок, младенец», где выделяется *-ур//үр, слившийся с аффиксами -н, -г, -һ, образуя соответствующие новые корни. Исторический корень -ур//үр в словах ург и урһа выступит связанным, так как не имеет словесного коррелята. Другой пример: в калмыцком языке есть слова төл «приплод, молодняк» и төрх «рождаться», в которых содержится старый корень тө-, восходящий, видимо, к тюркско-монгольскому языковому состоянию, т. к. Б. Я. Владимирцов указывал в орх. toh—«родиться», уйг. toh—toh «id», ком. toh - уг «родить», тур- «id», кирг. туһан «родственник»⁶⁹; монг. письм. tühu-l>халх. tyһул, баит. туһл «теленок». В словах төл и төрх «произошло опроще-

⁶⁹ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия, стр. 278.—279.

шение, в результате чего в калмыцком языке образовалось два корня с двумя различными вещественными значениями, но семантически близкими. Оба корня образуют в современном языке два разных словообразовательных гнезда: 1. төлг «ягненок», төл-лх «давать приплод», төл-лч «сакманщик», төлжх «расти, крепнуть» /о молодняке/; 2. төрсн «родной», төркн «родители, родня», төрл «родство, родня», төрхэрэ «врожденный, природный», төрскн «родина», төрлт «живые существа». Исторический корень тө- встречается и в слове туһл «теленок», который тоже образует словообразовательное гнездо из слов туһлх «телиться» /о корове/, туһллн «отел», туһлч «пастух телят». Особняком в калмыцком языке стоят слова, содержащие указанный корень /с учетом звуковых чередований/: тохм «порода» /унг-тохм «происхождение»/, түрсн «икра», төл «приплод». Следовательно, в калмыцком языке представлено несколько современных корней, восходящих к одному корню со значением «родить». Это — төл-//төр-//туһл-//тохм-//түрс-//тел-. Во всех этих современных корнях старый корень выступает тоже в связанной форме. Если же обратиться к современному казахскому языку, то там старый корень выступает в несвязанной форме -туу «родиться»; «яловая» /корова/. Он образует тоже свое словообразовательное гнездо, куда входят такие, например, слова: табу «родить» /например, бала табу/; түкым «семя», туһан «родной», туыс «родня», туыстан «врожденный», туһан—туыскан «родственники», устарев. текті «родовитый», устар. тума «родственник», тур «род» /в научных классификациях/⁷⁰.

Наличие в калмыцком языке целого ряда корней, общих по происхождению, не всегда свидетельствует об их развитии на базе одного только калмыцкого языка или одной из его форм /например, на базе литературного языка или какого-либо диалекта/. Так, Г. Ц. Пюрбеев отмечает, что калмыцкий литературный язык, как и другие монгольские языки, использует диалектные варианты одного слова для семантических различий, например,

⁷⁰ Примечание: на материале монгольских языков раскрывается этимология русского слова телка (теленок), где содержится общемонгольский корень төл-. Этот же корень содержится и в словах отел, телиться.

гөлт «невод, сеть», гүлт «паутина»⁷¹. В современный литературный калмыцкий язык вошли и монголизмы типа боломж «возможность», боломжго «невозможный», боломжта «имеющий возможность», которые образованы не от калмыцкого глагола болх «становиться, делаться», а от идентичного монгольского глагола болох⁷². В связи с этим к корню глагола бол- присоединяется новый звуковой вариант боло-. Вышеприведенные примеры по своему характеру напоминают из истории русского языка первое и второе южнославянские влияния, которые привели к появлению в нем параллелей типа страна — страна, мороз—мразь, вожди—вождь, берег — брег, молоко—млеко и т. п.

Видимо, в истории калмыцкого языка были монгольские и тюркские влияния по образцу южнославянских влияний, которые привели к внутриязыковым корневым /словесным/ параллелям. Так, в современном калмыцком языке употребляются параллели: соли-х «косить глазами», доли-х «быть косоглазым», халь-р «косоглазый», дөг-х «шалить», шог-л-х «шутить», дөг-эн «шалость, озорство», шог «шутка»; дөр-лд-х «соревноваться, соперничать», сөр-ү-ц-х «сопротивляться», дөрс-эх «торчать, выступать вперед», сөрсэх «взьерошиваться» /напр., о волосах/, дорва-х «оттопыриваться», сарва-х «быть растопыренным». В приведенных словах выделяются идентичные корни: соли-//доли-//халь-; дөг-//шог-; дөр-//сөр-; дөрс-//сөрс-; дөрва-//сарва-. В этих корнях звуки с//ш соответствуют-д. Напрашивается в связи с этим вопрос: а не являются ли корни с начальным -д заимствованными из других монгольских языков /или диалектов/? Так, к примеру, Г. Д. Санжеев отмечает, что в бурятских диалектах звук-с- будучи в конце слога или перед гласным, соответственно превратился в смычный -д- и гортанный -h: бос-—бодо- «вставать», сара—һара «лу-па», /однако босуһад=боһод≈бодод «встав»/⁷³.

Вопрос о внутриязыковых корневых параллелях вклю-

⁷¹ Пюрбеев Г. Ц. Функциональное чередование звуков в монгольских языках, стр. 92.

⁷² Калмычко-русский словарь. М., «Русский язык», 1977, стр. 107. Монгольско-русский словарь. М., изд-во иностранных и национальных словарей, 1957, стр. 75.

⁷³ Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык, стр. 39.

чает в себя и факты, касающиеся таких корней /слов/, которые возникли под влиянием табу /хадмнлһн/, например: улан «красный» // нелән, цаһан «белый» // гелән, Санж собств. имя // Янж /отсюда фамилия Санжневых, Янжиновы/, Бадм собств. имя // Ядм.

Итак, корневые параллели в калмыцком языке разного происхождения. На наш взгляд, в калмыцком языке можно указать, как минимум, пять источников их происхождения.

Во-первых, параллели, возникшие благодаря историческим фонетическим процессам /регулярным и нерегулярным/. Например: мөрн «лошадь» // мор-д- «садиться верхом»; баһ- «малый, небольшой» // баа-хн «небольшой, незначительный», боһ-ч- «связывать» // боо-; төгә «колесо» // төөлг «железное кольцо»; тоо-рм «пыль» // тов-рг «пылинка» // тоо-сн «пыль, пылинки»; чад-х «мочь» // чид-л «мощь», заһ-сн «рыба» // жирмәхә «мальки». В указанных словах можно выделить варианты корней мор- // мөр-, баһ- // баа-, боһ- // боо-, төг- // төөтов- // тоо-, чид- // чад-, заһ- // жи-.

Во-вторых, корневые параллели возникают на почве диалектных различий. Например: хөв «счастье, судьба, участь» // хүв- «часть, пай, доля».

В-третьих, под влиянием табу /хадмнлһн/. Например: улан «красный» // нелән; хар /«черный, темный» // баран; Санж собств. имя // Янж.

В-четвертых, под влиянием заимствований из монгольских языков и диалектов. Например: сольр «косой» // далю «кривой, косой» // хальр «косоглазый», где выделяются корни соль- // даль- // халь-. Что касается звука -р в словах сольр и хальр, то он представляет собой омертвевшую морфему⁷⁴.

В-пятых, под влиянием тюркских языков /заимствований/. Например, керчх- «резать, отрезать» // хасх- «уменьшать» // хазх- «кусать». Среди приведенных слов кер-ч-х содержит корень тюркского происхождения кер-, а хас- // хаз- калмыцкого.

Вопрос о происхождении калмыцких корней тесно связан с их функционированием. В связи с этим в сов-

⁷⁴ Бертагаев Т. А. Внутренняя реконструкция и этимология слов в алтайских языках. «Проблема общности алтайских языков». Л., «Наука», 1971, стр. 106—107.

ременном калмыцком языке следует различать три вида корней: межязыковые, междиалектные и внутриязыковые⁷⁵. К числу межязыковых корней относятся такие, которые в «фонетически соответствующих формах и в тех же значениях» известны большинству родственных или предполагаемых родственных языков. К примеру, в настоящее время В. Д. Колесниковой выявлено свыше четырех десятков /т. е. около 20—25%/ названий частей тела, имеющих общие корневые основы с их праформами в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, а также в корейском. Среди них следующие: *ама/н/- «рот, уста ≈ отверстие, устье»; *ар/а/- «спина» ≈ «зад», «задняя сторона», «север», «северная сторона»; билэ—«запястье», «предплечье», «браслет»; гар / $\frac{н}{а}$ /-

«рука» ≈ «отрасль» ≈ «ветвь», «сук»; *гэдэ- «затылок, задняя часть», *даһа /-ру/ — «лопатка», «поясница» ≈ «ссадина /на спине животного/; көке /н/- «грудь», «сосок», «молоко матери»; мөчи — «член тела» ≈ «ветки», нири — «спина», «спинной хребет», «позвоночник» ≈ «налево», «на север»; *омур — «ключица», «плечо» ≈ «грудная клетка», *эг—«ключица» ≈ «сгиб» и т. д.⁷⁶.

Междиалектные корни — это такие, которые в «фонетически соответствующих формах и в тех же значениях» известны говорам и подговорам калмыцкого языка. Например: дерб. эрэг-, торг. эргэ- «берег», «обрыв», дерб. көшэг-, торг. көшкэ- «полог»; дерб. хомхээ-, торг. хумхаа — «высохший, линиялый» и др.⁷⁷. Внутриязыковые корни — это такие, которые встречаются в разных стилях современного калмыцкого литературного языка. Так, в высоком стиле /в языке общественно-политической литературы, печати, поэзии, эпосе «Джангар» и др. /часто встречается корневое слово күмн—«человек» /например, күмн-эмтни иньгллт «дружба народов»/, которому в нейтральном стиле соответствует күн — «человек».

⁷⁵ Севортян Э. В. Аффиксальное глаголообразование в азербайджанском литературном языке. АДД. Москва, 1957, стр. 47, рукопись.

⁷⁶ Колесникова В. Д. О названиях частей тела в алтайских языках. — В кн.: «Проблема общности алтайских языков». Л., «Наука», 1971, стр. 151.

⁷⁷ Кичиков А. Ш. Дербетский говор. Элиста, 1963, стр. 4, 22.

4. Аффиксы

Заметную роль в структуре калмыцкого слова играют аффиксы, хотя по своему характеру они являются факультативными. Сочетаясь с корнями, основами, аффиксы образуют либо основу производных слов, либо грамматические формы слов. В этом проявляется их главная суть.

Аффиксы строго различаются по месту в слове, по функциям и значениям. Прежде всего различаются две категории аффиксов — словообразовательные /деривационные/ и словоизменятельные /реляционные/. Первые из них являются носителями словообразовательных значений, другие — грамматических. В процессе исторического развития в калмыцком языке сформировалась разветвленная сеть аффиксов, которая способна передавать разнообразные значения.

По месту в слове различаются аффиксы первой и второй групп. К первой группе относятся аффиксы с конкретным значением /словообразовательные и залоговые/, которые при множестве аффиксов в слове обычно следуют за корнем. Например: нүүр-л-эч-ир-ин тускар «о передовиках», где глаголообразующий суффикс -л следует за корнем. Ко второй группе относятся аффиксы /словоизменятельные/ с более абстрактным значением, располагающиеся обычно в конце слова. В приведенном слове таким аффиксом будет показатель родительного падежа -ин.

Происхождение аффиксов в калмыцком языке различно. Импульсами для этого могут служить как внутренние, так и внешние причины. Одна из внутренних причин языка — тенденция к экономии языковых средств — привела к тому, что разные части речи выражают свои категориальные значения с помощью одних и тех же аффиксов, что, естественно, порождает грамматическую омонимию. В калмыцком языке наблюдается омонимия грамматических аффиксов имен существительных и прилагательных, имен прилагательных и наречий. К примеру, аффикс-ар//-эр является не только показателем творительного падежа имен существительных, но и средством образования наречий. Сравнить: темдг-эр темдглхмн «обозначить знаком» и бидн ик-эр Сайрлжанавидн «мы очень радуемся».

Пример другой тенденции в появлении аффиксов. В калмыцком языке существует глагольная категория вида, которая показывает характер протекания действия во времени и выражает отношение действия к его внутреннему пределу. Эта категория образуется с помощью двух аффиксов: -чк и -жа//-жэ. Аффикс-чк образует глаголы совершенного вида, которые обозначают действие в момент его завершения. Например: Цээһэн уу -чк-ад, Нарм хотна күүкд-берэд цуглуулж авад, хург кев /Манжин Н./. «Выпив чаю, Нарма собрала девушек, молодых женщин и провела собрание». Цаһан герэдэн усан авч ирэд, орк-чк-ад, хотна захд бээсн саадг хойр үкрэн тууһад авч ирэд саав. Үкрмүдэн сааһад хуур-чк-ад, Цаһан үсән герэдән авч орад, чигәндән кеж оркад, һарч ирэд үкрмүдән тууһад һарв. Үкрмүд бээрни талан һарч одв. Үкрмүдән һарһ-чк-ад, туһлмудан тәв-чк-эд, чигәһән бүләд, чигәнәннь тос ав-чк-ад, түүнәннь хөөн Цаһан хойр арс идәлв /Манжин Н./. «Цаган поставила в доме принесенную воду, пригнала двух дойных коров, находившихся за селом, подоила. Закончив доить коров, Цаган занесла молоко в дом, налила его в чигян, затем рышла и перегнала коров». В этих предложениях аффикс -чк выделяется в глаголах совершенного вида орк-чк-ад «поставив», уу-чк-ад «выпив», хуур-чк-ад «закончив», һар-һ-чк-ад «выгнав», тәв-чк-эд «поставив», ав-чк-ад «взяв».

С помощью аффикса -жа//-жэ, имеющего два звуковых варианта, образуются глаголы несовершенного вида, которые обозначают действие без указания на его предел. Например: Манжас Уст орад һархла, Бор худгн деед өмн бийд мал усл-жа-сн үзгдв /Манжин Н./. «Когда направлялся от Манджи в Юсту, то около Бор худука показался пьющий воду скот». Нә, цаг болв, һарад йов-жа-нав /Манжин Н./. «Итак, настало время, я выхожу». Темән тергнд гүүһад күрч ир-жә-нәв /Манжин Н./. «Бегом приближаюсь к телеге с верблюдом». — Нә, залус, бичә тиигтн, — ги-жә-нәв. /Манжин Н./. «—Ну, мужчины, не делайте так, — говорю». В этих предложениях глаголы несовершенного вида йов-жа-нав «ухожу», ир-жә-нәв «подхожу», ги-жә-нәв «говорю».

Затрагивая вопрос о происхождении аффиксов глагольного вида, мы касаемся здесь слабоизученной проб-

лемы — проблемы категории вида в монгольских языках⁷⁸.

Мы полностью поддерживаем основной тезис исследователей монгольских языков /Г. Д. Санжеева, Т. А. Бертагаева, Б. Б. Бадмаева, И. К. Илишкина и др./ о наличии в монгольских языках категории глагольного вида. Однако мы расходимся с ними в самом понимании этой категории. В работах по монгольским языкам под категорию вида подводят две различные категории — категорию вида /в собственном смысле/ и категорию способов действия. В связи с этим между указанными двумя категориями не проводится необходимое различие.

Категория вида — это категория грамматическая, которая обозначает различие в характере протекания действия в отношении его внутреннего предела и находит выражение в системе противопоставленных друг другу грамматических форм совершенного и несовершенного вида. Способы действия — «это семантические /отчасти словообразовательные/ группировки глаголов, выделяемые на основании общности протекания действия»⁷⁹.

Способы действия в калмыцком языке, являясь лексико-грамматической категорией, характеризуются своим «репертуаром» значений, что находит свое выражение в системе противопоставленных друг другу лексических, словообразовательных и грамматических средств. Другими словами, в калмыцком языке значение способов действия может выражаться с помощью вещественного значения корня /например, одноактность действия: дус- «капать», цок- «ударить»/, аффиксами /например, взаимный способ действия: шатр-ц- «играть в шахматы»/, аналитическими формами глагола /например, накопительный способ действия: олж авх «найти», бэрж авх- «поймать»/. Следовательно, способы действия, характеризуясь различными значениями, выражаются и разными способами.

В настоящее время, по нашим наблюдениям, в калмыцком языке можно выделить десять способов действия. К их числу относятся: 1/ интенсивный способ дейст-

⁷⁸ Санжесв Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, стр. 65—71.

⁷⁹ Бондарко А. В., Буланин А. Л. Русский глагол. Л., «Просвещение», 1967, стр. 11.

вия/ например: гилв-лз-х «блестеть, сверкать», матьх-лз-х «изгибаться, гнуться», гүлдг-лз-х «покачиваться, мотать головой», нээх-лз-х «колебаться, покачиваться», каак-лз-х «прохаживаться с высокомерным видом»/; 2/ начинательный способ действия /например: эклэд саах «начать доить», эклэд келх «начать говорить»/; 3/ результативный способ действия /например: сааһад чилэж оркх «закончить доить»/; 4/ накопительный способ действия /например: умшж авх «прочитать», сааж авх «подойти»/; 5/ длительный способ действия /например: сааж бээнэ «доит», умшж бээнэ «читает»/; 6/ относительный способ действия /глаголы отношения/ /например: сааж өгх «доить кому-либо», умшж өгх «читать кому-либо»/; 7/ взаимный способ действия /например: «эв-ц-х «соглашаться», серү-ц-х «освежаться, проветриваться», көзр-ц-х «играть в карты»/; 8/ инхоативный способ действия /глаголы перехода в состояние/ /например: бай-ж-х «богатеть», үвл-з-х «зимовать», асх-л-х «вечереть», даар-х «мерзнуть»/; 9/ одноактные способы действия /например: гилв-х «мерцать», мати-х «гнуться»/; 10/ однонаправленные способы действия /например: орх «войти», һарх «выйти», давшх «подниматься», буух «опускаться»/.

Исследователи монгольских языков, не разграничивая категорию вида и способы действия, к категории вида относят все аффиксальные способы действия. Вместе с тем, некоторые из них очень тонко чувствуют неправомерность подобного отнесения. Так, Г. Д. Санжеев, рассматривая производные глаголы с суффиксом-валз/лз в ряду суффиксальных образований категории вида, подчеркивал, что все же «здесь трудно говорить о том, что в монгольских языках имеется какой-то вид навалз ≈ -лз⁸⁰. Действительно, производные глаголы с суффиксом-лз в калмыцком языке относятся не к категории вида, а к способам действия, что мы и указали несколько выше.

В отличие от способов действия значения категории вида противопоставляются по одному признаку «законченности — незаконченности действия» и имеют только один способ его выражения — аффиксальный. Следовательно, если категория вида является категорией грам-

⁸⁰ Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, стр. 65—66.

матической, то категория способов действия — лексико-грамматической. В этом мы усматриваем принципиальное различие между этими двумя категориями. Заканчивая наш разговор о соотношении двух категорий, мы хотели бы обратить внимание на тот факт, что традиционное понимание категории вида в монгольских языках скорее всего соответствует функционально-семантической категории, именуемой в теоретических работах по языкознанию — аспектуальностью⁸¹.

На фоне разграничения категории вида и способов действия будет понятным происхождение аффиксов -чк и -жа//-жэ. Указанные аффиксы, участвуя в образовании видовых форм глагола, противопоставляются по значению только в современном калмыцком языке. Если заглянуть в историю калмыцкого языка, то их там нет. Оба аффикса, как это убедительно показал впервые Б. Б. Бадмаев, являются производными от аналитических форм глаголов, которые представляли собой сочетания знаменательных глаголов в форме соединительного деепричастия на -ж, со служебными глаголами бээх «быть» и оркх /окх/ «класть»⁸². Аналитические формы глаголов со служебным глаголом бээх, обозначающие длительность, продолжительность действия, по-

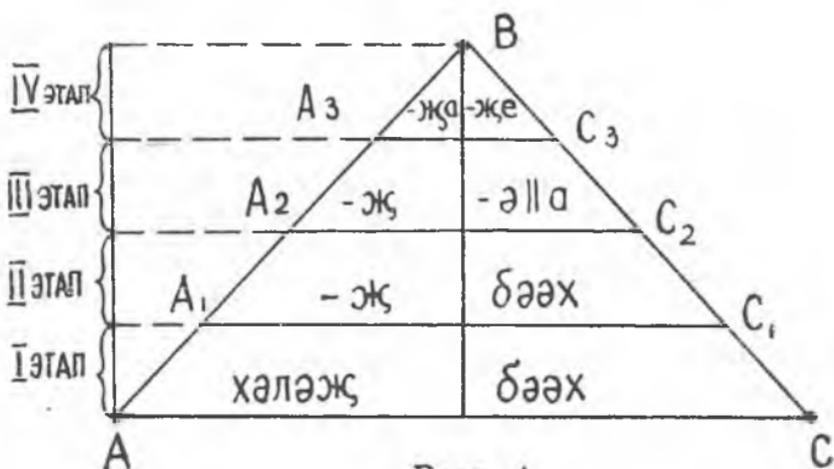

Рис 1

⁸¹ Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол, стр. 49—50. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М., «Наука», 1975, стр. 18—20.

⁸² Бадмаев Б. Б. Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Элиста, Калмиздат, 1966, стр. 87—90.

служили той основой, на которой возник аффикс несовершенного вида -жа//-жэ, а аналитические формы глаголов со служебным глаголом оркх /окх/ дали жизнь аффиксу совершенного вида -чк.

Отношение видовых аффиксов -чк и -жа//-жэ к аналитическим формам глагола в историческом плане можно условно показать на треугольной пирамиде АВС /Рис. 1 и 2/.

На первом рисунке рассмотрим появление аффикса несовершенного вида -жа//-жэ с помощью слов хэлэх «смотреть» и бээх «быть, находиться».

В калмыцком языке по законам синтаксиса и грамматики слова хэлэх и бээх могли образовывать с разными словами свободные синтаксические словосочетания. Но однажды синтаксические связи объединили и эти два слова в одно словосочетание — хэлэж бээх букв. «глядя быть». Так было положено начало небольшому звену в цепи изменений калмыцкого языка, которое привело на втором этапе к развитию аналитических форм глаголов /хэлэж бээх «смотреть» со значением длительности действия/. Если в синтаксическом словосочетании каждое слово имело свое самостоятельное лексическое и грамматическое значение и из них складывалось значение словосочетания в целом, как это наблюдается в словосочетаниях современного калмыцкого языка, то в аналитической форме /второй этап/ лексическое значение выражается корнем /основой/ знаменательного глагола /в данном случае глагола хэлэх/, а грамматическое значение — формой соединительного деепричастия знаменательного глагола -ж и глагола бээх-, который выступает в функции служебного глагола. Следовательно, грамматическое значение длительности в аналитической форме глагола передается сложным формативом -ж бээх. Известная тенденция языка к простоте произношения коснулась указанного типа аналитической формы и привела к выпадению двух начальных звуков служебного глагола бээх /третий этап/. Появившийся новый форматив /аффикс/ -жа//-жэ, имевший два варианта по закону сингармонизма, постепенно вступает в отношение противопоставления с суффиксом -чк по признаку «завершенности — незавершенности действия», тем самым порывая семантические связи с аналитическими формами глагола, от которых, соответственно, он произошел. Анало-

гичная картина наблюдалась и при образовании аффикса совершенного вида -чк. Синтаксическое словосочетание хэлэж оркх /окх/ букв. «посмотрев поставил» состояло из двух самостоятельных знаменательных гла-

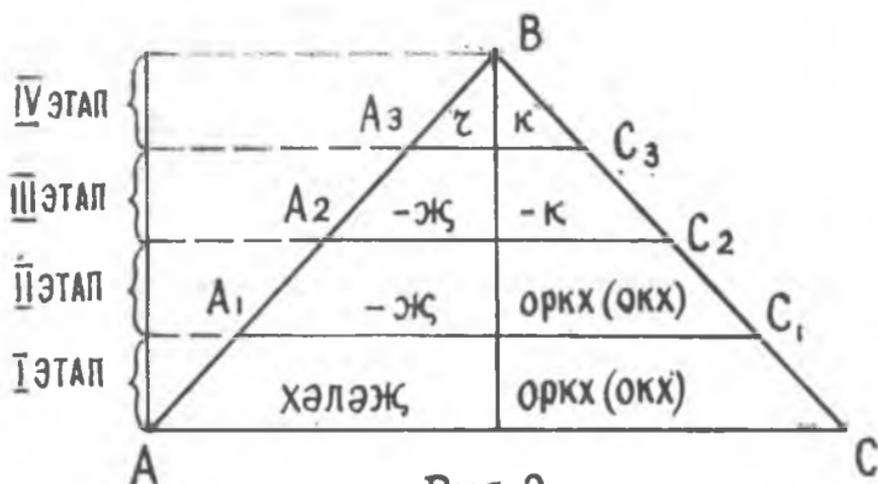

Рис. 2

голов. Затем оно развивается в аналитическую форму глагола со значением предельности действия, которое выражается сложным формативом -ж оркх /окх/. Выпадение двух начальных звуков служебного глагола оркх /окх/ привело к образованию формата -чк, которое по значению вступило в отношение противопоставления с аффиксом -жа// -жэ.

Здесь следует обратить внимание на то, что возникновение аффиксов -чк и -жа// -жэ не повлекло за собой исчезновения соответствующих аналитических форм глагола хэлэж бээх и хэлэж оркх /окх/. Они функционируют в современном калмыцком языке наряду с аффиксами, но в разных плоскостях. Аналитические формы глагола выражают категориальное значение способов действия. Чтобы в этом убедиться, приведем несколько примеров: Улан альчурта күүкн, күүкд улс хэлэж бээһэд, тингж келв. /Манжин Н./. «Девушка в красной косынке, рассматривая женщин, так сказала». Гериннь өрк хэрүлж оркад, хэрү герт орад нүүрэн унаж оркад, барун бийд уята бичкн халзн туһлыг тээлж авад харв. /Манжин Н./. «Открыв дымник юрты, возвратившись назад в юрту, умыв лицо, отвязав находившегося с правой стороны маленького, с белой полоской на лбу, теленка, вывела его

наружу». В этих примерах интересуют нас аналитические формы глаголов хэлэж бээһэд «рассматривая», өрк хэрүлж оркад «открыв дымник», уһаж оркад «умывшись».

К внешним причинам появления аффиксов можно отнести языковые контакты и двуязычие, которые создают благоприятную почву для всевозможных заимствований, в том числе и аффиксальных. В отношении калмыцкого языка сейчас трудно сказать, какие в нем аффиксы являются заимствованиями, т. к. этот вопрос в калмыцком языкознании не изучался. Можно только предполагать, что какие-то аффиксы в нем иноязычного происхождения. Вместе с тем известно, что аффиксы калмыцкого языка могут иметь параллели в родственных языках /монгольских/ и предполагаемых родственных языках /тюркских и тунгусо-маньчжурских/.

Особого внимания заслуживают структура и состав аффиксов калмыцкого языка. По своей структуре они могут быть представлены гласными фонемами /например: зур-а «план»/, согласными /например: дуу-л-х «петь», пег-д-х «соединяться»/ и их сочетаниями /например: үкр-мүд «коровы»/. Большинство аффиксов современного калмыцкого языка представлено сочетанием фонем.

Роль гласных и согласных фонем в составе аффиксов калмыцкого языка не одинакова. Главную роль, безусловно, играют согласные. Это проявляется хотя бы в том, что в составе аффиксов встречаются почти все согласные фонетической системы калмыцкого языка, а из гласных — только три: -у//ү, -а//э, -ы//и. При этом они выступают в двух вариантах /алломорфах/, которые вызываются по закону сингармонизма. Следовательно, из всего богатства вокалической системы калмыцкого языка /из 18 фонем/ в составе аффиксов встречаются только три. В то время как в составе корня они встречаются все. Таким образом, опорными звуками для передачи смысла в составе аффиксов являются согласные фонемы. Этим, вероятно, объясняется и бедность их чередований в составе аффиксов.

В зависимости от фонемного состава аффиксы можно еще разделить на два вида. К первому виду относятся те, которые содержат в своем составе гласные фонемы /например: совхоз-ин «совхозный», гер-ин «домашний»/. Ко второму виду относятся не содержащие в своем сос-

таве гласные фонемы /например: һар-в «вышел», өг-сн «отдавший», ид-гд-х «быть съеденным»/. Вместе с тем в составе аффиксов могут присутствовать гласные звуки, не обладающие статусом фонем, их смыслоразличительной функцией. Такие гласные звуки характеризуются нечеткой артикуляцией и подвижностью в составе слова. Они подвержены редукации и русечению. В калмыцком языкознании они известны под термином «неясные гласные». К примеру, в слове һар-д-ачи-нар «руководители» такими гласными звуками будут те, которые обозначены буквами «и» и «а».

В современной орфографии «неясные» гласные не нашли своего обозначения в связи с тем, что в ней действуют два принципа — фонематический и морфологический. В настоящее время калмыковеды обсуждают вопрос об отражении «неясных» гласных на письме. Но единства пока в решении этого вопроса нет. Одни считают, что эти гласные необходимо восстанавливать повсеместно во всех словах, следуя за фонематико-слоговым принципом /П. Ц. Биткеев, И. К. Илишкин и др.). Другие — за частичное восстановление «неясных» гласных на письме /Д. А. Павлов, У. У. Очиров/.

Глава III. АНАЛИЗ ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА

1. Производное слово и его типы в калмыцком языке

Конечным продуктом словообразования является производное слово, которое для исследователя представляет основной материал для изучения механизма словообразования.

При исследовании производных слов необходимо учитывать их объем и состав. Объем производного слова устанавливается при его сравнении с непродводными словами, аналитическими формами, словосочетаниями и фразеологическими единицами. Состав производного слова определяется в процессе анализа его структуры.

Статус производного слова как единицы словообразовательной системы до сих пор не получил однозначного определения. Так, П. А. Соболева, описывая словообразовательную систему, в качестве единицы словообразовательного уровня выдвигает деривационный шаг,

под которым подразумевается процесс присоединения форманта к производящему⁸³. В. В. Лопатин и И. С. Улуханов единицей структуры языка на словообразовательном уровне признают формант, «представляющий собой структурную схему, общую для всех образований одного типа и, следовательно, являющуюся носителем словообразовательного значения»⁸⁴.

Иное понимание единицы системы словообразования выдвинуто Е. С. Кубряковой. Такой единицей утверждается производное. В термин «производное» вкладывается ею весьма широкое содержание. Производными, в буквальном смысле этого слова, являются и аффиксальные образования, и сложные слова, и аббревиатуры, и конвертированные единицы /т. е. образованные без специального словообразовательного элемента, ср.: пыль—пылить, зелень—зеленеть/ и т. д. и все прочие виды вторичных словообразовательных конструкций⁸⁵. Наше понимание производного слова как единицы словообразовательной системы совпадает с последним мнением.

Производные слова, являясь вторичными образованиями, могут быть разложимы на составляющие их компоненты.

Все производные слова в калмыцком языке можно разделить на два типа. К первому типу относятся те, которые мотивированы одной основой, например, бэрц «дань», «подношение» от бэр-«дать», ко второму типу — те, которые мотивированы двумя основами, например, гер-мал «хозяйство» от гер «дом» и мал «скот». Те производные слова, которые мотивированы одной основой, мы называем аффиксальными, а те, которые двумя основами и больше, — сложными.

Простые аффиксальные производные следует отличать от непродвиженных слов, от форм слов, а сложные производные — от переменных словосочетаний, аналитических форм и фразеологических единиц.

⁸³ Соболева П. А. Словообразование как объект моделирования. — В сб. «Проблемы прикладной лингвистики», ч. II. Тезисы межвузовской конференции. М., 1969.

⁸⁴ Лопатин В. В., Улуханов И. С. К соотношению единиц словообразования и морфологии. — В сб. «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., «Наука», 1969, стр. 122—123.

⁸⁵ Кубрякова Е. С. Что такое словообразование, стр. 24.

Простые производные отличаются от непроизводных тем, что имеют внутреннюю форму. Их лексическое значение опирается на значение составных частей слова, в то время как непроизводные слова в калмыцком языке внутренней формы не имеют. Например: слово ах-л-ач «руководитель» является производным, его лексико-грамматическое значение определяется значением его составных частей /корня ах-, суффиксов -л, -ач/, где ах— «старший», л- обозначение «действия», -ач- обозначение «лица». Кроме того, слово ахлач мотивировано словом ахл-, где значения частей основы ахл- уже известны и в свою очередь мотивировано словом ах «старший».

В диахроническом аспекте между некоторыми производными и непроизводными словами нет резких границ, т. к. производные могут переходить в непроизводные. Например, слово һазр «земля», «почва» в прошлом было производным словом, т. к. в нем выделяется корень һаз-, который встречается и в слове һаза «вне, снаружи». В современном калмыцком языке слово «һазр» является непроизводным.

В составе простого производного следует выделять производящую основу. Например, в слове хөөчд «чабану» производная основа хөөч, а производящая хөө- «овца». Следовательно, производящая основа это такая, которая принимает участие в образовании производного слова. Лексическое значение производного часто мотивируется значением производящей основы.

Простые производные следует отличать от грамматических форм одного и того же слова. Например, каждая падежная форма имени существительного темэн «верблюд» /ср.: им. п. темэн «верблюд», род. п. темэнэ «верблюдицы», дат. п. темэнд «верблюду», вин. п. темэг «верблюда», тв. п. темэнэр «верблюдом», соедин. п. темэнлэ «с верблюдом», совм. п. темэтэ «с верблюдом», исход. п. темэнэс «от верблюда», напр. п. темэнүр «к верблюду»/ отличается от производного темэч «пастух верблюдов» тем, что она является членом падежной парадигмы единственного числа, в то время как производное темэч является единицей словарного состава и имеет свою собственную парадигму.

Сложные производные в калмыцком языкознании, как мы уже отмечали, до сих пор не получили удовлет-

ворительного описания. В монгольском языкознании тоже нет единого мнения по поводу того, что считать сложным производным словом, каковы способы его образования; нет, следовательно, и единства взглядов на то, каков его состав, каковы его основные различительные признаки. Такое положение существует в монголистике несмотря на то, что его отдельные типы /например, парные слова/ достаточно широко описывались в специальных работах и грамматиках. Недостаточная изученность сложных слов в монгольских языках еще раз была подчеркнута в одной из последних работ Т. А. Бертагаева⁸⁶.

К сложным производным словам в монгольских языках одни исследователи относят парные слова и редуPLICATION, например, типа бурят. шэмэ «продуктивность», ан—зан «обычай» /А. А. Дарбеева, У.-Ж. Ш. Дондуков, Т. А. Бертагаев, Г. Д. Санжеев/. К числу сложных слов относят и синтаксические словосочетания, типа бурят. хазаар морин «объезженная лошадь» /Г. Д. Санжеев/, калм. эм хулддг гер «аптека» /дословно: «дом, где продают лекарство»/⁸⁷.

Обобщая известные работы по данному вопросу, можно назвать следующие признаки, выдвинутые в качестве критерия определения сложного производного слова в монгольских языках: устойчивость и целостность значения, обобщенность значения /Т. А. Бертагаев, Г. Д. Санжеев, Б. Х. Тодаева, А. А. Дарбеева, У.-Ж. Ш. Дондуков/, неспособность в рамках семантического тождества к синонимическим заменам, к распространению одного из своих элементов поясняемым словом, отсутствие многозначности /Г. Ц. Пюрбеев/.

Между тем анализ сложных слов калмыцкого языка в фонетическом, лексико-семантическом, грамматическом и синтаксическом аспектах позволяет утверждать, что определены не все категориальные признаки сложных слов.

Вопросы в области изучения сложных слов могут быть сформулированы следующим образом: что представляет собой сложное производное слово, каковы его

⁸⁶ Бертагаев Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков. М., «Наука», стр. 238.

⁸⁷ Ба д м а е в Б. Б. Грамматика калмыцкого языка, стр. 10.

различительные /категориальные/ признаки, каков его морфемный состав, какова структура, чем отличаются сложные слова от синтаксических словосочетаний, аналитических форм, фразеологических единиц.

Чтобы дать определение сложному слову в калмыцком языке, требуется: во-первых, определить состав таких единиц в языке. Это можно сделать при условии, если будут найдены объективные признаки сложных слов, по которым они будут выделяться в самостоятельную единицу. Во-вторых, следует последовательно, четко разграничивать сложные слова и сочетания слов, которые стоят на пути перехода их в сложные слова, но не ставшие ими. В зависимости от того, насколько точно будут определены признаки сложных слов, настолько будут объективны приемы вычленения сложных слов в калмыцком языке.

Каковы же основные различительные признаки производного сложного слова? Различительные признаки сложного слова — это такие, которые в совокупности присущи только сложному слову. Отсутствие даже одного из признаков у интересующей нас единицы свидетельствует о том, что эта единица не принадлежит к разряду сложных слов, но находится на пути перехода в этот разряд. К числу различительных признаков сложных слов следует относить: лексическое значение, структуру слова /морфологическую и словообразовательную/, наличие грамматических категорий и грамматической формы. Для подтверждения того, что указанные признаки в своей совокупности присущи только сложному слову в калмыцком языке, необходимо сопоставить сложное слово, во-первых, с простым производным словом, которое имеет с ним некоторые общие черты; во-вторых, со словосочетанием, поскольку именно оно является чаще всего источником образования сложных слов; в-третьих, с аналитической формой /конструкцией/, в-четвертых — с фразеологической единицей.

Сложные и простые производные слова имеют общие признаки: лексическое значение и грамматические категории. Сложные слова, как и простые, служат для обозначения предметов, понятий, явлений, действий, признаков и т. д., например: орн-нутг «страна», шар-цобхр «желто-пегий» и т. д. Производные сложные слова характерны для всех частей речи. Например: имя сущ.:

хур-чиг «дождь», килң эд «бархат»; имя прилаг.: хар-алг «черно-пестрый»; наречия: яг-таг «в пору», цаг-цагтан «как раз, изредка»; глаголы: хэрж ирх «вернуться», авч одх «отнести»; местоимение: цуг-цуһар «все»; числительное: нег-хойр «несколько»; междометие: дэрк-дэрк «ой-ой». Сложные слова бывают нарицательными и собственными. Ср.: Оод Мергн, Алг Арнэл /название лошадей/, Довж Цаһан, Бор Улан, Аю Чикт, Сомган Делдн, Ик Санан, Күдр Улан⁸⁸. Сложные слова имеют прямое и переносное значение. Так, в стихотворении А. Балакаева слово ах-дү «братья» употребляется в переносном значении:

Күч-көлсән коммунизм тосхлһнд өгти.
Коммунизм гиси—күмн-эмтни иргч.
Алдр багшин келсн тер үг —
Ах-дү кели-эмтни туг.
«Отдайте все силы строительству
коммунизма,
Коммунизм — это будущее всего
человечества.—
Эти слова великого учителя —
Знамя всех братских народов».
(Стих. «Октябрь — жирһлин эклц»).

В приведенном четверостишии ах-дү обозначает братьев не по крови, а по духу.

Сложные слова, в зависимости от принадлежности к той или иной части речи, обладают соответствующими грамматическими категориями, значениями, парадигматикой. Так, сложным именам существительным свойственны грамматические категории падежа, числа, притяжения. Носителем падежных и других аффиксов при этом становится второй, последний компонент сложного слова. Например: им. п. жүүкд күн «женщина», род. п. жүүкд күүнэ «женщины», дат. п. жүүкд күүнд «женщине» и т. д. Если сложное слово — имя прилагательное, то оно всегда встречается в позиции перед существительными и не имеет парадигмы падежа и числа. Например: им. п. хар улан күүкн «смуглая девушка», род. п. хар улан күүкнэ «смуглой девушки», дат. п. хар улан күүкнд «смуглой девушке» и т. д. Сложные глаголы характеризуются всеми грамматическими категория-

⁸⁸ Все эти имена взяты из сказки «Седклин күр».

ми, присущими простым производным глаголам: числа, вида, времени, залога, лица, наклонения, модальности, активности-пассивности. Сравните ниже грамматические формы, категории и значения сложного глагола авч одх «унести»: авч одх «унести» /будущее время, инфинитив/, авч одла «унес» /давно прошедшее время/, авч оч «унес» /прошедшее время/, авч одв «унес» /недавно прошедшее время/, авч одув «унес» /1 лицо, ед. число/, авч однач «уносишь» /2 лицо, ед. число/, авч очана «уносит» /3 лицо, ед. число/, авч одувидн /1 лицо, мн. число/, авч одцхана «уносят» /3 лицо, мн. число/, авч од «унеси» /повелительное наклонение/, авч одв «унес» /изъявительное наклонение/, авч одхмн бээж «надо было бы унести» /сослагательное наклонение/.

Анализ сложных глаголов показывает, что они, как и простые глаголы, могут обладать неполной парадигматикой. Так, если от рассмотренного нами выше сложного глагола образуется реальная форма совместного залога авч од-лц «помоги унести» /с кем-либо/, то форма страдательного залога авч од-гд-в «унес» /с элементом принуждения, побуждения/ является только потенциальной. Парадигматика глагола зависит от семантики глагола, его морфемного состава и сочетания морфем. Об этом подробнее смотреть в разделе «Закономерности сочетания морфем в слове».

Сложные слова, относящиеся к разным частям речи, отличаются и присущими им словообразовательными аффиксами, основами, способами образования. Подробнее об этом будет идти речь ниже. Сложным словам, в зависимости от принадлежности к той или иной части речи, присущи и специфические синтаксические функции, признаки, которые распадаются на две группы: 1 /функции слова в предложении и 2/ сочетаемость слова с другими словами /частями речи/. Так, сложное имя существительное выступает в функции подлежащего, определения, дополнения, сказуемого. Например: Цуг орнунгудын пролетармуд, негдцхэти! «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» /в роли определения/. Күүнэ үздүр бичэ хэлэ, ухан-билгинь хэлэ. /Үлгүр/. «Не смотри на внешность человека, а смотри на ум» /в роли дополнения/. Сложные имена существительные могут входить на правах составных частей в синтаксические словосочетания, фразеологические единицы, аналитические

формы, например: төрскн орн-нутг «родная страна», урн-хурц янз «художественная форма», сурһуль-эрдмтә улс «образованный народ» и др.

Сложные слова отличаются от простых производных только по структуре. Простые производные слова мотивированы одной основой, а сложные — двумя /иногда и тремя/. Сравнить: 1/ малч «пастух», где непосредственно составляющие — основа «мал» и аффикс -ч; 2/ гер-мал «хозяйство», где оба непосредственно составляющих — основы: гер «дом» и мал «скот».

Сложное слово ни по одному категориальному признаку не соотносится со словосочетанием. Всякое словосочетание /синтаксическое/ представляет собой сочетание знаменательных слов, которые при этом сохраняют все свои признаки, тогда как части сложного слова утрачивают все признаки самостоятельного слова, кроме их звукового состава. У сложного слова есть лексическое значение, а у словосочетания в целом его нет. Компоненты словосочетания, вступая в связи между собой, выражают значение синтаксическое /оказационное/. Ср.: значения сложных слов и словосочетаний: һазр-ушн «край» /букв. «земля-вода»/, орн-нутг «страна» /букв. «страна-кочевье»/; уулын хавчг «горное ущелье», зәңгин мөчмүд «члены предложения», күч-көлсәр хувалһн «разделение по труду». Как можно заметить, словосочетания состоят из лексических единиц — слов с их конкретным лексическим значением. Сложное слово состоит не из самостоятельных лексических единиц — слов, а из морфем, основ, т. к. оно само по себе является самостоятельной единицей языка с конкретным лексическим значением. Составные части сложного слова — это не слова, а значимые части слова. Сложные слова могут быть не только знаменательными, но и незнаменательными, служебными. В калмыцком языке к числу сложных слов относятся некоторые междометия и звукоподражательные слова. Например: междометие дәрк-дәрк «ой-ой», образительные слова гедс-һудс, изң-татң. Словосочетания, в отличие от сложных слов, состоят только из знаменательных слов. Следовательно, сложные слова можно распределить, классифицировать по частям речи, наряду с простыми производными словами. Но словосочетания имеют свою классификацию, отличную от классификации сложных слов. Все словосочетания делятся на

типы по характеру стержневого слова. Выделяются именные, глагольные, наречные, местоименные словосочетания.

Сложные слова и словосочетания различаются по их структуре. Словосочетания по структуре тоже делятся на простые и сложные. Простые словосочетания возникают на базе одного из видов связи слов /примыкания, управления/. Простые словосочетания всегда двучленны /ср.: эмтэхн шүүсн «сладкий сок», һал шатах «разводить огонь», эрэ-эрэ йовх «идти еле-еле»/. Сложные словосочетания образуются на базе простых словосочетаний путем распространения их членов; ик сана зүүх «проявлять нескромность», «важничать», ик өндр күн «большой высокий человек», мал өскдг улсин байр «радость людей, выращивающих скот».

Но между сложными словами и словосочетаниями нет резких границ, т. к. имеются случаи перехода словосочетаний в сложные слова. Переход словосочетания в сложное слово — это образование новой лексической единицы, нового слова. Сложные слова возникают на базе сочетаний слов с сочинительной и подчинительной связью. На базе словосочетаний с сочинительной связью вырастают так называемые «парные слова», на базе словосочетаний с подчинительной связью — «сращения» типа нүрздг «зеркало». Следовательно, если и существует связь между сложными словами и словосочетаниями, то эта связь — историческая, генетическая.

Сложное слово имеет общие свойства с фразеологической единицей. Это — наличие лексического и грамматического значений. Фразеологическая единица, как и сложное слово, обозначает предметы, явления, признаки и т. д. Может вступать в сочетания со словами предложения через согласование, управление или примыкание. Например: — Дорж бээсн болхла, ингж желхи уга билэч, — гиһэд, стол нааһас босад, хойр һарарн нүдэн халхлчкад, нульмсан һоожулад, бир тэвэд уульв. «Если бы был Дорджи, ты бы не мог так сказать, — промолвив, встала из-за стола и вдруг, закрыв лицо двумя руками, горько расплакалась». /Бадмаев А./ — Эн гергинчн болхла, гертк, һазак угаг—хогинь таслхар седжәнэ, — болж Цаһан шатжах һалд тос асхсн мет... «—Что касается твоей жены, то она готова до последнего все раздать

из хозяйства, — сказала Цаган и будто масло подлила в горящий огонь». /Бадмаев А./

Фразеологическая единица в предложении выступает по отношению к другим словам как единое лексико-семантическое целое. Но при этом следует учитывать, что в отличие от сложного слова компоненты фразеологической единицы иногда могут быть разъединены словами контекста, т. е. его компоненты могут без ущерба для смысла находиться в разных местах в предложении. Так, например, фразеологическая единица *күүк буулх* «сватать девушку» выступает в следующем предложении в «разъединенной» форме: *Буулж йовсн мит-сит күүкнтн ямаран?* «Как выглядит /или какова/ засватанная девушка» /«Седклин күр»/. Сложное слово характеризуется цельнооформленностью, а составляющие его компоненты /морфемы основы/ не поддаются «разрыву», как это наблюдается у фразеологических единиц. Кроме всего этого, состав сложного слова постоянен, в то время состав фразеологических единиц может изменяться, варьировать. Фразеологические единицы имеют варианты, сравнить: *гер авх, күүк авх* «жениться», *күүнд одх, залуд одх* «выйти замуж».

Как и сложное слово, фразеологическая единица может иметь исходную форму и парадигматические. По исходной форме определяется состав компонентов фразеологических единиц, их границы, варианты, структура, тип. Различают: именные /*берк йовдл* «происшествие», *гер авлһн* «женитьба», *мишгтэ ноосн* «увалень»/, глагольные /*эрк авч ирх* «сватать», *һарт бээх* «находиться в руках»/, адъективные /*көл нүцкн* «босой», *дээнэ көлд* «военное время»/, адвербиальные, междометные /*буйн болтха* «пожалуйста»/. Классификация фразеологических единиц, как можно заметить, тоже не совпадает с классификацией сложных слов.

Сложное слово имеет общие признаки с аналитической формой: грамматическое значение и структуру. Аналитическая форма, как и сложное слово, минимально состоит из двух компонентов, один из которых — знаменательное слово, другое — незнаменательное /служебное/. Такое сочетание двух слов используется для выражения грамматического значения /времени, числа, способов действия, лица, степени сравнения и т. п./. Как и сложное слово, аналитическая форма выступает в пред-

ложении как единое целое /грамматическое и лексическое целое/. Следует различать аналитические формы, образованные от простых слов и от сложных. Ср.: аналитическую форму простого слова авси болхинь «взять бы»/ сослагательное наклонение от глагола авх «брать»/ и сложного слова хулдж авси болхинь «купить бы» /форма сослагательного наклонения от сложного глагола хулдж авх «купить»/. Аналитическая форма простого глагола состоит из двух компонентов, а сложного глагола — из трех.

Различие между сложным словом и аналитической формой в том, что сложное слово, прежде всего, единица словаря, а аналитическая форма — член определенной парадигмы.

Итак, в калмыцком языке производные слова отличаются от непродерванных слов, словосочетаний, фразеологических единиц и аналитических форм.

Производные слова и их модели являются в калмыцком языке единицами словообразовательной системы.

2. Понятие основы. Типы основ в калмыцком языке

В связи с изучением структуры производного слова монголисты проявляли большой интерес, прежде всего, к вопросам определения основы слова, типологии основ, их классификации. Эти вопросы исследуются в работах Т. А. Бертагаева, Г. Д. Санжеева, Б. Б. Бадмаева, Б. Х. Тодаевой и др. Однако общепринятого определения основы слова в монгольском языкознании нет. Сравним дефиниции основы двух известных монголистов Г. Д. Санжеева и Т. А. Бертагаева: 1/ «Основой монгольского слова является его кратчайшая и в лексико-грамматическом отношении знаменательная часть⁸⁹. Основа — это в большинстве случаев одна из форм слова, которая служит исходной базой для образования других форм того же слова. Поэтому должно и можно говорить о совпадении основы с одной из форм слова»⁹⁰. 2/ «Основа — сегмент слова, выделяемый путем удаления из слова

⁸⁹ Санжеев Г. Д. Современный монгольский язык. М., «ИВЛ», 1960, стр. 42.

⁹⁰ Санжеев Г. Д. Несколько замечаний о структуре слова и его границах. — Сб.: «Морфологическая структура слова в языках различных типов», стр. 270—271.

аффикса; она не всегда бывает мельчайшей и не всегда несет смысловую нагрузку. Основа не является морфемой и не находится на одном уровне с морфемами, тем более со словом. Природа и назначение основы совершенно иные, чем у морфемы и слова. Поэтому по своей структуре и материальному выражению она не совпадает с ними. Любая часть слова, к которой может присоединиться аффикс, есть основа.

Как можно заметить, противоречие лежит уже в определении самого понятия основы. По определению Г. Д. Санжеева, основа — это кратчайшая лексико-грамматическая знаменательная часть слова. Под это определение могут быть подведены в калмыцком языке, между прочим, разные единицы: корень, суффикс, окончание, частица. Каждая из них претендует быть и кратчайшей, и знаменательной частью слова. Еще более широким становится определение основы, когда Г. Д. Санжеев пишет о совпадении основы с «одной из форм слова». Иное определение основы дает Т. А. Бертагаев, который подчеркивает, что основа не всегда бывает «мельчайшей единицей и не всегда несет смысловую нагрузку».

Нет единства взглядов и по вопросу классификации основ. Г. Д. Санжеев различает следующие типы основ: 1/ корневые, 2/ производные и 3/ производные, 4/ лексические основы /словообразовательные/ и 5/ формообразовательные⁹¹. Т. А. Бертагаев выделяет два типа основ: лексические и грамматические. Основы, от которых путем присоединения аффикса образуются новые слова — лексические основы, т. е. имеющие отношение к образованию слов. «Основы, к которым присоединяются аффиксы с грамматическим значением, являются грамматическими основами, т. е. имеющими отношение к образованию грамматических форм⁹². Т. А. Бертагаев выступает против отождествления основы с корнем: «основа — не морфема и тем более не слово, но основа может внешне соответствовать корню /например, производная/ и слову, но не совпадать с ними, быть тождественной. Полное материальное соответствие основы корню и слову на фонетическом уровне исключено⁹³.

⁹¹ Санжеев Г. Д. Современный монгольский язык, стр. 42.

⁹² Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках, стр. 13.

⁹³ Там же, стр. 13.

В работах Г. Д. Санжеева, Т. А. Бертагаева, Б. Х. Тодаевой обнаруживается стремление разграничить именные и глагольные основы.

Т. А. Бертагаев обращает внимание на то, что основа может изменяться, сокращаться, подвергаться усечению, наложению, включать строевые /структурные/ элементы, изменять фонемный состав и т. д. В связи с этим он вводит в оборот термин «вариант основы». Как отмечает далее Т. А. Бертагаев, «одно и то же слово в монгольских языках в пределах даже одной парадигмы может иметь несколько основ. Например, слово ус «вода» в монгольском языке имеет три основы: в род. п. усн-на, в дат. п. усан-д, в вин. п. ус-ыг/усн-, усан-, ус-⁹⁴. На материале бурятского языка он намечает десять вариантов основ⁹⁵. Т. А. Бертагаев прав, когда замечает, что в ряде случаев монголист оказывается в большом затруднении при выделении падежного аффикса. Ср.: хулгана «мышь», род. п. хулганан; сак «время», вин. п. саэ; орон «кровать», творит. п. ороор и т. п.

Трудности определения основы в монгольском языкознании связаны с тем, что термин «основа» служит для обозначения разных объектов: словообразовательных и формообразовательных /словоизменительных/. Следует различать, исходя из их функций, два вида основ: словообразовательные и формообразовательные

Словообразовательные основы — это такие, которые связаны со словообразовательным процессом, т. е. процессом образования новых слов. Следует различать в данном случае два вида основ: 1/ участвующие непосредственно в процессе словообразования, которые принято сейчас называть «производящими» основами⁹⁶ и 2/ получившиеся в результате процесса словообразования /производные основы/. Ср.: цээлһ-лт «определение», где производящая основа цээлһ-, т. к. она участвует в образовании нового слова; цээлһлт — это будет производная основа, т. к. является результатом словообразовательного процесса.

⁹⁴ Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках, стр. 12.

⁹⁵ Там же, стр. 16.

⁹⁶ Предлагаются и другие названия этого типа основ: мотивирующая основа (Б. Б. Лопатин и И. С. Улуханов), базовая основа (Н. А. Янко—Триницкая).

Формообразовательная основа — это такая, которая принимает участие в образовании грамматических форм одного слова. Ср.: им. п. дун «песня», род. п. дууна «песни», дат. п. дуунд «песне», вин. п. дууг «песню» и т. д., где в образовании падежных форм существительного участвуют три варианта одной формообразовательной основы — дун//дуун-//дуу-. Как можно убедиться, формообразовательная основа принципиально отличается от словообразовательной основы. Формообразовательные основы тоже делятся на два типа: формообразующие и формопроизводные основы. Так, основы дун-, дуун-, дуу- будут формообразующими, а дууна, дуунд, дууг и т. д. будут производными формообразованиями, которые в свою очередь могут служить основой для образования других грамматических форм, например, возвратного и лично-притяжательного склонения. Сравнить образцы склонения имени существительного дун «песня»:

Простое склонение ед. ч.	Возвратное ед. ч.	Лично-притяжательное ед. ч., 1 лицо
Им. п. дун «песня»	—	дум «моя песня»
Род.п. дууна «песни»	—	дуунам «моей песни»
Дат. п. дуунд «песне»	дуундан «своей песне»	дуунд «моей песне»
Вин. п. дууг «песню»	дууһан «свою песню»	дууһин «свою песню»
Твор. п. дууһар «песней»	дууһарн «своей песней»	дууһарм «моей песней»
Соед. п. дуунла «с песней»	дуунларн «со своей песней»	дуунлам «с моей песней»
Совм. п. дуута «с песней»	дуутаһан «со своей песней»	дуутам «с моей песней»
Исх. п. дуунас «от песни»	дуунаһн «от своей песни»	дуунаһм «от моей песни»
Напр. п. дуунур «к песне»	дуунурн «к своей песне»	дуунурм «к моей песне» и т. д.

Как можно убедиться, в калмыцком языке, как и в остальных монгольских языках, все падежные формы простого склонения выступают в качестве формообра-

зующей основы при образовании грамматических форм возвратного и лично-притяжательного склонения.

Анализ различных типов основ приводит к выводу, что в современном калмыцком языке необходимо различать формообразовательные и словообразовательные основы и их типы.

В русском теоретическом языкознании со времен Г. О. Винокура все основы делят на связанные и несвязанные. Связанные основы — это такие основы, которые всегда даны нам только в соединении с теми или иными аффиксами. Ср.: например, соотношение слов привыкнуть и от-выкнуть, где выделяется первичная основа вык-, неизвестная в свободном от аффиксов виде»⁹⁷.

В современном калмыцком языке тоже можно выделить связанные и несвязанные основы. К числу несвязанных относятся те, которые имеют словесные корреляты, например: үн «цена» /үн-лх «оценивать», үн тө «имеющий цену», үн-лт «стоимость»/; һанц- «один, единственный» /һанц-хн «одинокий», һанцарн «одинок»/. К числу связанных основ относятся следующие основы: гед- /ср.: гед-с «назад», гед-э-х «выгибать спину», гед-элһн «выгибание», гед-гр «с выпяченной грудью», гед-ргән «назад»/, бай- /ср.: бай-ж-х «богатеть», бай-р «радость», бай-с-х «радоваться»/; барв- /ср.: барв-х «быть лохматым», барв-һр «мохнатый» и др.

В качестве производящих основ в калмыцком языке могут выступать: корни /например: ха- «закрой» — хаа-ц «заслон»/, производные основы /например: сур-һ-уль — «учение» — сур-һ-уль-ч «ученик»/ и формообразовательные основы, /например: келгд — «быть сказанным» /форма страдательного залога/ — кел-гд-лһн «выражение» /ср.: нерлгчин келгдлһн «выражение подлежащего»/.

В связи с тем, что калмыцкий язык относится к агглютинативным языкам, здесь без особых трудностей можно определить направление производности. Например: бүлән «теплый» — — бүлэ-лх «подогревать» — — бүлэ-л /в/ тр «тепловатый»; ааль «уловка», «хитрость» — ааль-л-х «хитрить» — — ааль-л-лһн «хитрость»; сан-х «ду-

⁹⁷ Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 435.

мать» — — сан-ан «мысль» — — сан-а-мр «спокойный» — — сан-а-мр-д-х «успокоиться».

В калмыцком языке можно найти связанные и несвязанные варианты одной и той же основы. К примеру, из двух вариантов одной основы бай-р- // бай-с- «радость» первый вариант будет несвязанным, т. к. встречается без аффиксов в свободном виде, а второй вариант — связанным, т. к. встречается только в сочетании с аффиксами. Сравнить: **Байр** эмтнд белглж, балхси дунд дүңгәсн күрл мөңги бумбур күргн күүкн хойр, аав Ленинэ йөрэл авхар нааран ирнэ. /Көглтин Дава/ Балакан Алексей эврәннь дегтрмүдтән теегин серлт, өслт, мөңкрлт герчлхәр седнэ. Эн седвэриг шүлгүдин хураңһу умшад бас илдкж болхмн, үлгүрнь авхд, «Республикк **байсна**», Кишгтэ Хальмгм», «Элст» нань чигн шүлгүд. /Доржин Д. «Х. ү.»/.

Наличие звуковых вариантов одних и тех же основ объясняется живыми фонетическими процессами, которые имеют место при сочетании морфем, и историческими процессами, которые имели место в прошлом.

Деление основ на производящие и производные является относительным. Многие производящие основы по своей структуре могут быть производными или непроизводными. Непроизводными основами являются такие части слов, которые далее нечленимы на морфемы: Срав.: производящие непроизводные основы: **ик-дх** «увеличиваться», **нер-эдх** «посвящать», **эк-лх** «начинать», **эм-нх** «лечить», **тэв-ц** «вклад», **итк-мж** «доверие»; производящие производные основы: **ач-л-вр** «награда» /от ачл-«вознаграждать»/, **үүл-д-вр** «производство» /от үүлд-«делать»/.

Непроизводные основы в калмыцком языке делятся на две группы. К первой группе относятся основы, которые состоят только из корня. Ко второй группе относятся такие основы, которые в недалеком прошлом были членимыми, но в настоящее время потеряли эту способность благодаря действию морфологического процесса — опрощения. Например: **нөкд** «друг, товарищ» /из **нөкр** «друг» + **д**/, **төрскн** «родина, отечество» /из **тэрс** «родной» + **кн**/.

В калмыцком языке производящие основы обычно меньше производных на одну морфему /корень или аффикс/, поэтому интересно здесь остановиться на соотно-

шении их структур. Типы производящих основ: 1/ корень /к/, например: **ус-лх** «пойть», **дуу-лх** «петь»; 2/ к+аффикс /а/, например: **итк-мж-л** «доверие», **күц-э-мж** «успех»; 3/ к+а+а, например: **дуу-д-ул-лһн** «вызов» /от дуу-д-ул- «велеть вызвать»/; 4/ к+а+а+а, например: **сур-һ-мж-л-ач** «наставник» /от сурһ-мж-л- «воспитывать»/; 5/ к+к, например: **зер-зев** «оружие». Отсюда типы производных основ будут следующими: 1/ к+а; 2/ к+а+а; 3/ к+а+а+а; 4/к+а+а+а+а; 5/к+к; 6/ к+к+а.

В современном калмыцком языке, по нашим наблюдениям, часто встречаются три типа производных основ: 1/ к+а; 2/ к+а+а; 3/ к+к.

3. Виды анализа производного слова

Итак, структура слова не проста. Вот почему современная лингвистика различает четыре типа его анализа: этимологический /исторический/, морфемный, словообразовательный и формообразовательный /грамматический/.

Словообразовательный анализ раскрывает структуру производного слова, что является важнейшим понятием теории словообразования. Но, к сожалению, она изучена в монгольском языкознании слабее, чем морфологическая структура слова.

Морфологическая структура слова в монгольских языках отчасти описывалась в нормативных грамматиках⁹⁸, в исторических исследованиях⁹⁹, очерках¹⁰⁰, статьях¹⁰¹. Кроме того, имеется специальная монография Т. А. Бертагаева, посвященная этому вопросу¹⁰².

Несмотря на то, что описанию морфологической структуры слова посвящены интересные работы, все же в монголистике до сих пор нет еще общепринятого оп-

⁹⁸ Бадмаев Б. Б. Грамматика калмыцкого языка, стр. 22—24.

⁹⁹ Павлов Д. А. Некоторые вопросы развития фонетики калмыцкого языка по «Тодо бичг». Записки НИИЯЛИ, вып. 7, Элиста, 1969.

¹⁰⁰ Санжеев Г. Д. Современный монгольский язык. стр. 40—45.

¹⁰¹ Сусеева Д. А. Морфологическая структура слова в современном калмыцком языке. — Сб. Труды молодых ученых Калмыкии, Элиста, 1973.

¹⁰² Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., «Наука», 1969.

ределения, а вместе с тем и понимания специфики морфологической и словообразовательной структуры слова. Многие исследователи монгольских языков подчеркивают, что следует отличать вопросы словообразования от вопросов формообразования, словоизменения. Так, Г. Д. Санжеев пишет, «важно определить, когда в монгольском языке мы имеем дело с образованием новых лексических основ, или новых слов, т. е. со словообразованием, а в каких случаях оказывается перед нами формообразование, т. е. образование не новых лексических слов, а разных форм одного и того же наличного слова¹⁰³. В работах Т. А. Бертагаева также проводится разграничение словообразования и формообразования. Но критерии разграничения разных структур слова мы не находим. Резюмируя работы, посвященные интересующим нас здесь вопросам, можно заметить, что при изучении морфологической структуры слова в монголистике больше обращается внимание на типологические особенности и на агглютинативный характер структуры слова. Здесь высказаны два противоположных мнения на морфологическую структуру слова в монгольских языках. Одно из них принадлежит Г. Д. Санжееву, а другое — Т. А. Бертагаеву. В чем сущность каждого из них?

Г. Д. Санжеев в своих работах проводит мысль о том, что при изучении морфологической и словообразовательной структуры слова в монгольских языках следует исходить из того, что эти языки — агглютинативные. Это значит, «во-первых, что корень, основа и суффиксы, из коих состоят слова, в ходе словообразования и словоизменения остаются неизменными, если не считать известные, позиционно-обусловленные вариации звукового состава суффиксов, зависящие от звукового же состава корня или основы... Во-вторых, суффиксы в монгольском языке однозначны... В-третьих, поскольку монгольский язык не знает категорий грамматического рода и в словоизменяемых морфемах — числа, по звуковому составу лексических основ невозможно определить, к какой части речи относится данное слово, особенно если оно оказывается непроизводным»¹⁰⁴. Как можно заме-

¹⁰³ Санжеев Г. Д. Современный монгольский язык, стр. 42.

¹⁰⁴ Санжеев Г. Д. Современный монгольский язык, стр. 40.

тить, Г. Д. Санжеев уделяет больше внимания при рассмотрении структуры слова агглютинативным /типологическим/ признакам. Т. А. Бертагаев, в отличие от Г. Д. Санжеева, считает, что при изучении структуры слова в монгольских языках следует исходить не из их агглютинативной природы, а из того, что в этих языках имеются, помимо агглютинации, и фузия, и символизация, и внутренняя флексия, и аналитизм, и вариантность основы, и неоднозначность многих аффиксов¹⁰⁵. Т. А. Бертагаев в работе «Морфологическая структура слова в монгольских языках» по существу высказывает новый взгляд на морфологическую природу монгольских языков, доказывая, что агглютинация в этих языках тесно переплетается с аналитизмом, флексией. Он отходит от традиционного мнения о том, что монгольские языки относятся к типичным агглютинативным языкам.

В работах Г. Д. Санжеева и Т. А. Бертагаева анализ морфологической и словообразовательной структуры слова проводился больше в аспекте описания типологического строя монгольских языков, чем в плане их разграничения.

Здесь, в соответствии с основной целью работы мы подробнее остановимся на словообразовательной структуре слова и на критериях отграничения его от морфемного состава слова /морфологической структуры слова/.

Все производные слова в современном калмыцком языке характеризуются определенным строением, в составе которого следует различать три уровня: 1/ уровень морфемного членения слова, 2/ уровень словообразовательной структуры, 3/ уровень формообразовательной структуры. В соответствии с выделенными уровнями необходимо четко различать и три типа современного анализа слова: 1/ морфемный, 2/ словообразовательный, 3/ грамматический /или морфологический/.

На первом уровне основные единицы слова — это вычленимые морфемы, которые в совокупности и образуют морфемный состав слова. Ср.: морфемный состав следующих слов в тексте:—Нэ, нөк-д-нр, эн дав-сн ахр бол-зг-ин дунд би-д-н, даа-лн-сн жерг-ин хамг-ин дашката энг-и-нь күцэ-чк-вдн ги-ж би сан-ж-а-на-в. Керг-ин

¹⁰⁵ Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках, стр. 13.

ик-и-к-и-нь ке-чк-вдн. Бол-в, сан-а-мр-д-х-мн биш. Энтн—эн ик ги-дг төр-ин зуг-л эк-л-ц-нь. «Ну, товарищи, я думаю, что мы за короткий отрезок времени самую трудную часть порученного нам дела выполнили. Большую часть мы сделали. Но нет места для успокоения. Это только начало очень большого и ответственного мероприятия» /Доржин Басн, «Чик хаалһ»/.

Основой для вычленения морфем в приведенном тексте послужила структурная соотнесенность слов, под которой понимается наличие у целой серии слов общности значения при частичном их формальном совпадении¹⁰⁶. Другими словами, морфемы вычленяются в тексте потому, что они повторяются и в других текстах с тем же значением и в одинаковой звуковой форме. При изучении морфемного состава слова обращается внимание на значимость выделенных морфем, или на морфемный статус выделяемых частей слова.

На втором уровне выделяются только производные слова, производящие основы и словообразовательные аффиксы. Совокупность значимых частей слова, участвующих в образовании производных, составляет словообразовательную структуру слов. Сравнить словообразовательную структуру слов в том же тексте: — Нэ, нөк-д-нр, эн давсн ахр болзгин дун-д бидн даа-лһ-сн кергин хамгин дашката эңгинь күцэчквдн гиж би санжанав. Кергин ик-и-к-и-нь кечквдн. Болв, сан-а-мр-д-х-мн биш. Энтн—эн ик гидг төрин зуг-л эк-л-ц-нь. При словообразовательном анализе слов приведенного текста нас интересуют не все слова, а только производные. Их всего — 4: нөк-д-нр, сан-а-мр-д-х-мн, ик-и-к-и-нь, эк-л-ц-нь.

На уровне словообразовательного анализа важно определить в структуре слова не только производящие и производные единицы, но и выявить лексические различия между ними¹⁰⁷. Словообразовательный анализ в структуре слова определяет функции и значение деривационных аффиксов и основ.

На третьем уровне в слове выделяются в качестве основных единиц те значимые части, которые участвуют в образовании разных грамматических форм одного и

¹⁰⁶ Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа. М., «Наука», 1974, стр. 39.

¹⁰⁷ Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа, стр. 220.

того же слова. В их роли функционируют суффиксы и частицы. Совокупность значимых частей слова, участвующих в образовании грамматических и синтаксических форм слова, составляет формообразовательную /словоизменятельную/ структуру слова. Сравнить формообразовательную структуру тех же слов разбираемого текста:—Нэ, нөкднр, эн давси ахр болзгин дунд бидн даалһ-си кєрг-ин хамг-ин дашка-та энг-и-нь күцэчквдн гиж би санжана-в. Кєрг-ин икк-и-нь кечк-вдн. Болв, санамрд-х-мн биш. Энтн—эн ик ги-дг төр-ин зугл эклц-нь.

Как известно, формообразовательные /грамматические/ морфемы служат для соединения слов в предложении. Этим они отличаются от единиц словообразования.

От указанных трех типов анализа структуры слова следует отличать еще этимологический анализ. При этимологическом анализе, например, в непрямой основе нөкд- можно выделить первоначальный корень нөк-/р/ «помощник» и бывшее окончание множественного числа -д. Опрощение, выпадение согласного -р на морфемном шве привели к образованию нового корня нөкд-

Этимологический анализ выявляет происхождение и историю морфем. Например, при словообразовательном анализе слова шааврдх «бить колотушкой» исследователя интересует производная основа шааврд, которая образована от производящего слова шаавр «колотушка» с помощью деривационного аффикса -д, служащего для образования переходных глаголов. Исследователя интересует и то, что производящее слово шаавр тоже является производным. Оно образовано от основы глагола шаа- «втыкать» с помощью деривационного аффикса -вр, обозначающего предмет. Следовательно, при словообразовательном анализе интерес представляет не только состав производного слова, но и направление производства слов. Срав.: шаах — — шаавр — — шааврдх. При морфемном анализе глагола шааврдх в поле зрения исследователя попадают не только те морфемы, которые участвуют в его образовании, но и те, которые причастны к его формообразованию, в частности аффикс причастия будущего времени -х. Кроме того, интерес представляют способы сочетания и порядок следования морфем в слове. Этимологический анализ глагола шааврдх в отличие от морфемного сводится к тому, что отыски-

ваются «родословные» морфем, входящих в его состав. Так, к примеру, анализ корневой морфемы шаа- «втыкать, колоть» свидетельствует о семантической близости с корнями шаав- // шаг- // шах- // шив- // шиг-, содержащиеся в словах шавх «шпаклевать», шав «рана», шахх «жать, давить», шаглар «строчка», шаглх «строчить», шивх «бросать, метать», шивэлдх «прятаться, окапываться», шигдх «проникать», шиг «гвоздь для подковы» и нек. др. Эта близость корней не случайна, т. к. все они исторически восходят к одному древнему корню, который в своем составе имел звуковой комплекс «гласный + согласный + гласный», развившийся в одних словах в долгий гласный-аа благодаря выпадению интервокального согласного, как, например, в слове шаах «втыкать», а в других словах сохранивший этот интервокальный согласный, как, например, в словах, указанных выше. Б. Я. Владимирцов в свое время отметил, что в корнях тюркских языков, соответствующих монгольскому шаа- «выжимать, вбивать, вколачивать», интервокальный согласный сохранился тоже¹⁰⁸. Следовательно, при этимологическом анализе корня шаа- восстанавливаются его связи с родственными корнями и их древнее состояние.

Итак, четыре типа анализа слова свидетельствуют о существенных различиях между ними. Эти различия увеличиваются в связи с тем, что каждый тип анализа оперирует своими определениями корня, основы, аффикса, структуры слова.

4. Закономерности сочетания морфем в производном слове

В процессе коммуникации и номинации в калмыцком языке сложились закономерности сочетания морфем, которые необходимо учитывать при анализе производных слов и формообразования. К числу таких закономерностей можно отнести: лексико-семантические и формальные.

Семантическая сочетаемость морфем

В калмыцком языке морфемы обладают различной сочетаемостью, которая в определенной мере зависит от

¹⁰⁸ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия, стр. 198.

их семантики. Так, широкой сочетаемостью характеризуется суффикс, обозначающий действующее лицо -ч // -ач // -эч, который сочетается с основами имен существительных, прилагательных и глаголов. Например: мод-ч «плотник» /от модн «дерево»/, хатуч «скупой» /от хату «твердый»/, кермч «охотник на белок» /от кермн «белка»/, ажл-ач «труженик» /от ажл «работать»/, көгл-эч «руководитель» /от көгл «вести»/, керч-эч «резальщик» /от керч «резать»/.

Суффиксы-лһн, обозначающий «действие», -лт, обозначающий «процесс, состояние», -ур// -үр, обозначающий «орудие действия», сочетаются из-за своей семантики только с основами глаголов. Например: агчлһн «сокращение» /от агч—«сокращаться»/, зүтклһн «спор» /от зүтк—«спорить»/, үнтәр-лһн «удорожание» /от үнтәр—«дорожать»/, малт-ур «скребок» /от малт—«копать»/, тосл-ур «масленка» /от тосл—«смазывать маслом»/, керч-үр «отрез, кусок» /от керч—«резать»/, тосх-лт «строительство» /от тосх—«строить», селв-лт «обсуждение» /от селв—«советовать»/.

В калмыцком языке имеются суффиксы, которые сочетаются только с определенными группами слов. Так, например, с суффиксом -жн сочетаются только основы трех числительных: һурвн «три», дөрвн «четыре» и тавн «пять». Сравнить: һун -жн «трехлетняя самка крупных животных», дөн-жн «четырёхлетняя», туу-л-жн «пятилетняя». А вот суффикс -мш сочетается только с одной глагольной основой көдл—«работать», образуя отглагольное имя существительное көдлмш «работа».

При сочетании морфем в калмыцком языке действуют определенные семантические ограничения, которые вызываются семантической несовместимостью основ и аффиксов. Это обнаруживается при сравнении производных слов. Рассмотрим семантические ограничения на материале отглагольных производных, представленных ниже в таблице.

Как показывает наша таблица, в калмыцком языке имеются большие потенциальные возможности для сочетания морфем, но не все они реализуются. Так, глагольная основа авр- «избавлять», «спасать» сочетается со всеми суффиксами, представленными на таблице, образуя соответствующие производные, которые, являясь реальными словами, зафиксированы в нормативных

№№ пп	-ач, -ач, обознач. «лицо»	-лн, обознач. «действие»	-лт, обознач. «процесс», «состояние»	-л (м), обознач. «результат»	-л, -ур, -ур, обознач. «орудие действия»
1. авр-х «избавлять, спасать»	авр-ач «спаситель» +	авр-лн «спасение»	авр-лт «защита»	авр-л «спасе- ние»	авр-л «тиски, клещи»
2. таш-х «шлепать, ударять»	+ таш-ач	таш-лн «рукопес- кание, по- щечина»	таш-лт	+ +	таш-м-ур «кляк- лепка»
3. адл-х «спешить»	+ адл-ач	адл-лн «спешка»	+	адл-м «спешка»	—
4. адл-а-х	+ керч-ач	керч-лн «резание»	+	+ керч-м «отрез, кусок»	— керч-ур «рзак»
5. керч-х «резать»	«резаль- щик» +	дар-лн «давление», «сжатие»	дар-лт «давление, нагнет»	+	дар-ул «гнет, тяжесть»
6. дар-х «давить»	вх-л-ач «началь- ник»	вх-л-лн «главенст- во»	+	+	—
7. вх-л-х «главел- ствовать»	агсм-ч «буян»	агсм-лн «буйство»	+	+	—
8. агсм-нх «буйнить»					

Примечание: знаком «плюс» обозначаем потенциальные (возможные) образования, а знаком «минус» — невозможные случаи образования слов.

словарях. Но остальные глагольные основы, представленные на таблице, ведут себя иначе. Так, глагольные основы керч—«резать» и дар—«давить» не образуют ряд производных, хотя потенциально они возможны, например: дар-ач «тот, кто давит», дар-лт «давление», керч-лт «резьба». Эти слова и им подобные являются потенциальными, поскольку их нет в реальности, они не зафиксированы в словарях. Здесь налицо парадокс: калмыцкий язык позволяет образовывать новые слова, но в то же время язык до сих пор не реализовал эту возможность. Аналогичный случай мы имеем при параллельных глагольных основах типа адh- // адhа- «спешить», различающиеся значением «переходности—непереходности». Реальные производные образуются только от одной основы /адh-лhn, адhm/, а от другой основы образуются потенциальные производные. Кстати, подобная картина наблюдается не во всех случаях с параллельными основами. В том случае, если «переходность—непереходность» связана с изменением лексического значения производящих слов, то производные образуются от обеих основ. Об этом наглядно свидетельствуют производные от основ күц—«догонять», «исполняться» // күцэ—«выполнять, исполнять». Сравнить: от күц-: күц-лhn «исполнение», күц-лт «успех»; от күцэ-: күцэ-лhn «исполнение, выполнение», күцэ-лт «выполнение, исполнение», күцэ-мж «достижение», күцэ-h-эч «исполнитель».

Вместе с тем, из приведенной нами таблицы видно, что имеются случаи, когда действуют семантические ограничения из-за несовместимости морфем. Так, легко выделяются глагольные основы агсмн—«буяннить», адh—«спешить, торопиться», адh—«торопись», ахл—«главенствовать», которые не могут сочетаться с суффиксом, обозначающим «орудие действия», из-за своих конкретных лексических значений, которые связаны с обозначением состояния человека. Следовательно, образования типа агсмн-ур «то, с помощью чего буйствовать», адh-ур «то, с помощью чего спешить», ахл-ур «то, с помощью чего главенствовать» в калмыцком языке нереальны.

Анализ семантической сочетаемости морфем показывает, что в калмыцком языке действует глубинная парадигматика — словообразовательная, которая отличается от грамматической /морфологической/ парадигматики меньшей регулярностью из-за наличия случаев

семантической несовместимости морфем. Кстати, и грамматическая парадигматика калмыцкого языка дает нам сколько угодно случаев, когда слова имеют неполные парадигмы. Например, глагол саах «доить» не образует форму взаимного залога саа-лд-х, так как лексическое значение корневой морфемы несовместимо со значением суффикса -лд.

Семантическая сочетаемость морфем — категория историческая. Ряд производных слов калмыцкого языка свидетельствует об общности семантической сочетаемости морфем с современным монгольским языком. Сравнить: монг. нүү-дэл «кочевка», эмсч-ол «одеяние», гүй-дэл «бег», сург-ууль «школа» и соответствующие калм. нүү-дл, өмск-үл, гүү-дл, сурh-уль. Вместе с тем наблюдаются и заметные расхождения. К примеру, от именной основы нүд /эн/ — «глаз» в современном монгольском языке образован производный глагол нүд-лэ «замечать, запоминать». В калмыцком языке аналогичное производное отсутствует, хотя в принципе оно возможно. Другой пример. В монгольском языке от глагола нугара — «стигаться, гнуться» образовано отглагольное существительное нугара-ач «акробат». В калмыцком языке подобное образование отсутствует, т. к. вместо него употребляется заимствованное слово «акробат». И наоборот. В калмыцком языке образованы производные слова нүүр-л-эч «передовик» /от нүүр-л — «быть впереди»/, һар-д-вр «руководство» /от һар-д — «руководить»/, которые в свою очередь отсутствуют в современном монгольском языке, хотя потенциально они возможны и там. Анализ производных слов калмыцкого и монгольского языков позволяет нам сделать следующий вывод: несмотря на однотипность словообразовательной парадигматики в родственных языках, производные в них могут различаться, т. к. их происхождение и сохранность зависят от условий бытования и функционирования конкретных языков.

Итак, семантическая сочетаемость морфем в калмыцком языке определяется как значением аффиксов, так и производящих основ.

Формальная сочетаемость морфем

Изучением формальной сочетаемости морфем занимается особый раздел языкознания — морфоноло-

гия. Кроме того, морфонология изучает связь между фонологией и морфологией, использование фонологических средств при словообразовании и словоизменении. «Задача морфонологии — установить: а/ фонемный состав морфов разных видов; б/ правила соединения морфов в слове, т. е. условия взаимоприспособления /варьирования/ морфов при их объединении; в/ порядок следования морфов»¹⁰⁹.

Как показывает современный калмыцкий язык, при сочетании морфем могут происходить следующие явления: позиционные чередования звуков, интерфиксация, наложение, усечение, фузия, символизм, сингармонизм. В свое время эти явления были описаны на историческом и диалектном материале Б. Я. Владимирцовым¹¹⁰, Т. А. Бертагаевым¹¹¹, Д. А. Павловым¹¹², А. Ш. Кичиковым¹¹³. В данной части нашей работы мы остановимся только на тех моментах, которые имеют отношение к словообразованию современного калмыцкого языка.

Позиционные чередования звуков представлены в калмыцком языке ассимиляцией. Например: переходный глагол босхх «поднимать» образован от непереходного бос-х «подниматься» с помощью суффикса -h, который при присоединении суффикса причастия будущего времени -х ассимилировался в глухой щелевой -х. Другой случай: слово эц-цн «худой, истощенный» представляло в прошлом причастную форму на -сн, где начальная согласная аффикса -с ассимилировалась в -ц под влиянием конечного согласного корня. Оба указанных случая закреплены современной орфографией. Здесь интересно отметить, что наряду с ассимилятивным вариантом в языке функционирует и нормальная причастная форма на -сн эц-сн «исхудалый, похудевший» /от эцх—«худеть, тощать»/.

В калмыцком языке многие ассимилятивные варианты закреплены орфографически, что привело к различ-

¹⁰⁹ Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., «Просвещение», 1973, стр. 77.

¹¹⁰ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия.

¹¹¹ Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках.

¹¹² Павлов Д. А. Современный калмыцкий язык. Элиста, Калмиздат, 1968.

¹¹³ Кичиков А. Ш. Дербетский говор. Элиста, 1968.

ному написанию одних и тех же морфем. Так, конечный переднеязычный носовой сонант -н в некоторых корневых морфемах перед суффиксами, которые начинаются с согласных һ, г, х, к, с, переходит в заднеязычный носовой -ң. Например: түрүң-к «начальный», «передний» /от түрүн «первый, головной»/, суң-һа-х «вытягивать, растягивать» /от сун-х — «вытягивать, растягивать»/. В результате мы имеем два написания одной корневой морфемы түрүңк- // түрүн- и суң- // сун-.

Наряду с позиционными чередованиями звуков в калмыцком языке имеют место грамматические чередования, которые не зависят от их современной позиции в слове. К их числу относятся чередования -ц// -ч, -г// -ж, -р// -с, -г// -һ, -ж// -ш// -ч в следующих словах: байр-л-х «радоваться, торжествовать» и байс-х «радоваться, восторгаться», ац-ан «груз» и ач-х «грузить», негн «одил» и неж-эдэр «по-одному», цуг «все» и цуһ-ар «вместе, все» һар-ч одв «вышел» и гүү-ж одв «выбежал», ис-к-х «заквасить» и иш-к-лң «кислый».

Грамматические чередования, в отличие от позиционных, отражают фонетические процессы, имевшие место в прошлом.

Итак, позиционные и грамматические чередования свидетельствуют о том, что морфемы при сочетании взаимоприспосабливаются.

Другой распространенный способ соединения морфем—интерфиксация. Суть этого явления заключается в том, что между двумя морфемами при словообразовании или словоизменении появляется асемантическая /незначимая/ прокладка, устраняющая нежелательные для калмыцкого языка сочетания фонем. А сами эти звуки, имеющие чисто соединительную функцию, называются интерфиксами¹¹⁴.

В калмыцком языке к числу интерфиксов относятся два соединительных звука— һ и -н/ң/. Например: муу-һ-ар «плохо» /от му—«плохой»/, сээ-н-эр «хорошо» /от сэн — «хороший»/, ик-ң-к-нь «большая» /часть/ /от ик— «большой»/. В приведенных примерах интерфиксы устранили нетипичные для калмыцкого языка сочетания гласных уу-а, ээ-э и согласных к-к.

Интерфиксы в современном калмыцком языке спо-

¹¹⁴ Земская Е. А. Современный русский язык, стр. 113.

собствуют расширению круга производящих основ. Так, без соединительного согласного -h нельзя образовать некоторые отглагольные имена существительные типа гүү-h-эч «бегун» /от гүү—«бежать»/, наречия типа һаза-h-ур «вне, снаружи» /от һаза — «вне, снаружи»/, наречия -h-а «осенью» /от намра—«осенний»/.

Большую роль при сочетании морфем играет сингармонизм. Суть этого явления заключается в том, что состав гласных аффиксов определяется составом гласных предшествующих корневым морфем. Например: хуһр-мтха «хрупкий, ломкий» /от хуһр — «переломиться, сломаться»/, хувр-мтхэ «изменчивый» /от хувр — «изменяться, превращаться», цаһ-мтха «быстро ощущающий жажду» /от цаһ — «испытывать жажду»/, чимк-эр «отделка, обшивка» /от чимк — «отделять, обшивать»/.

Из приведенных примеров видно, что гласные корня определяют гласные аффиксов по их ряду. Если в корнях гласные переднего ряда, то в аффиксах то же самое. Если в корнях гласные заднего ряда, то и в аффиксах то же самое. Вместе с тем следует здесь заметить, что в аффиксальных морфемах встречаются только три гласные фонемы: -у // ү, -а // э, -и // ы. Это, видимо, связано с действием закона сингармонизма.

В процессе производства новых слов в калмыцком языке наблюдаются случаи наложения морфем. Суть этого процесса заключается в том, что на стыке морфем происходит совмещение конца одного и начала другого морфа. Например, частица -нь, участвуя в субстантивации числительных, прилагательных и причастий, может совмещаться с конечным н- корнем причастий, прилагательных и числительных, ср.: Тигэд бээтлнь, хол һазрас күлгин сээг унж, залусин сэнь ирж... «Между тем издали приехали лучшие мужчины на лучших конях... /«Седкилин күр»/. В субстантивированном прилагательном сэнь — «лучшие» произошел процесс наложения согласной частицы -нь с конечным согласным -н корня: сэн + нь = сэнь.

В калмыцком языке на морфемных швах при сочетании морфем появляются спайки звуков, которые Т. А. Бертагаев называет термином «символизация»¹¹⁵. Суть

¹¹⁵ Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках, стр. 75.

символизации заключается в том, что соседствующие звуки двух морфем в отдельных случаях способны сливаться, образуя качественно новый звук. Например: в словах шач одв «сгорел», наачацхана «играют» звук -ч представляет собой результат символизации, слияния двух согласных: согласной корня /шат—«гореть» и наа-д—«играть»/ и суффикса соединительного деепричастия, выраженного звонкой аффрикатой -ж. Первоначально были шат-ж- и наа-д-ж-, а затем они уже превратились в шач- и наач-.

Но, пожалуй, самым мощным источником формальных преобразований в слове является стяжение морфем, основ, слов с последующим усечением их отдельных частей. Т. А. Бертагаев назвал это явление термином «фузия»¹¹⁶. Суть его заключается в том, что морфемы, основы и слова при сочетании друг с другом обладают способностью стягиваться, сокращаться и упрощаться, например: невчк «немного, слегка» из нег бичкн «один маленький», эндр «сегодня» из эн өдр «этот день» и др.

¹¹⁶ Бертагаев Т. А. Морфологическая структура в монгольском языке, стр. 52—74.

Часть II. СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

Глава I. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СПОСОБОВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Научное изучение способов словообразования калмыцкого языка началось еще в первой половине 19 столетия. В 1848 году вышла «Грамматика монгольско-калмыцкого языка» А. Бобровникова¹¹⁷, годом раньше «Грамматика калмыцкого языка» А. Попова¹¹⁸, в которых впервые дается описание словообразовательных средств калмыцкого языка. Так, А. Бобровников отметил целый ряд словообразовательных суффиксов калмыцкого языка. Например, в производстве «имен предметных» участвуют следующие суффиксы /по Бобровникову «наращения слога»/: -бчи /например, далабчи «бурка»/, -л /например, медел «знание»/, -лһе /например, меделһе «познание», -дал /например, йобудал «ходьба»/.

В грамматиках А. Бобровникова и А. Попова описан только один словообразовательный способ калмыцкого языка — суффиксальный, остальные оставлены без внимания. Существенным недостатком этих двух первых грамматик является то, что в них рассматривался в основном книжный язык, а не живой разговорный. Поэтому сведения о способах словообразования в калмыцком языке, отраженные в этих грамматиках, не полные.

Значительный материал по калмыцкому словообразованию можно извлечь из словарей А. Позднеева¹¹⁹ и Г. Рамстедта¹²⁰. В них нашли отражение многие продуктивные модели образования калмыцких слов. Так, в сло-

¹¹⁷ Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1848.

¹¹⁸ Попов А. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847.

¹¹⁹ Позднеев А. Калмычко-русский словарь. С-Петербург, 1911.

¹²⁰ Рамстедт Г. Калмыцкий словарь. Хельсинки, 1935.

варе А. Позднеева находят место производные слова уйудал «шов» /ср.: тенгерийин уйудал «млечный путь»¹²¹, хоожуур «водопад»¹²², шара-боро «желто-серый» и др. В словаре Г. Рамстедта: амсур /от амсх/ «маленькая палочка, которой при приготовлении водки пробуют ее крепость», алвти /алпти/ «подчиненные, крепостные», «ээмг алвти «государство, народ, племя» и мн. другие.

Указанные грамматики и словари сыграли большую роль в процессе изучения грамматического строя и словообразования калмыцкого языка.

Одной из первых работ по времени, где рассматривалось словообразование живого калмыцкого языка, является книга В. Котвича «Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка»¹²³. В этой работе он отмечает следующие словообразовательные суффиксы: -вч /тохавч «то, чем прикрывают локоть»/, -лк /рлк/ махлк «дородный, склонный к полноте», -та// -тэ /мэртэ «конный»/, -тн /эмтн «люди», живртн «пернатые», хумстн «когтистые»/, -хн// -кн/ сэн-сээхн, цө-цөөкн, жөөлн-жөөлкн «мягкий», саак-саахн «недавний»/, -вр /сэн-сээвр «довольно хороший», көгшн-көгшэвр «довольно старый»/, -шк /сэн-сээшк «льстивый», цаһан-цаһашк «беловатый»/, -ир /баһ-баһир «маловатый», гүн-гүүир «глубоковатый»/, -втр /ноһавтр «зеленоватый», көквтр «голубоватый», боровтр «сероватый»/, -рк /сэрк «получше», көгшрк «по-старше»/, -нху /шараңху «желтоватый»/, -шцг /уланшцг «словно красный»/, -гч /харагч «черная кобыла»/, -к /һазак «внешний», дотрк «внутренний», деерк «верхний»/, -кн// -хн /торһудакн «торгуты»/. Кроме того, В. Котвич отмечает и другие словообразовательные средства калмыцкого языка: словосложение /ср.: абчрхэ из абчэ + ирхэ; абчодбэ из абчэ + одбэ/, внутреннюю флексию /ср.: долан «семь» и далн «семьдесят», тавн «пять» и тэвн «пятьдесят»/. Он обращает внимание и на «приставки», с помощью которых в калмыцком языке образуются слова типа об олон «очень много», сэб сээхн «очень хороший», зөб зөвэр «как следует», «подходящий».

Заслуга В. Котвича заключается в том, что он рас-

¹²¹ Позднеев А. Калмыцко-русский словарь, стр. 51.

¹²² Там же, стр. 112.

¹²³ Котвич В. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка, Прага, 1929.

считывал в своей работе не книжную калмыцкую речь, а живую разговорную. Но ввиду отсутствия достаточно материала, способы калмыцкого словообразования у него не получили полного освещения.

С теоретической точки зрения существенные вопросы словообразования поднимает акад. Б. Я. Владимирцов. В своей известной работе «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия» /Введение и фонетика/ Б. Я. Владимирцов дает богатый фактический материал, раскрывающий некоторые интересные фонеморфологические процессы, происходящие в монгольских языках при словообразовании. К примеру, он обращает внимание на часто наблюдающиеся случаи чередования финалей корневых и аффиксальных морфем при словообразовании в словах типа халхасск. сонос — «слышать», /сонор «слух»/; үнүр «запах» /үнүс — «нюхать»/; баййар «радость» /баййас «радоваться»/ и т. п.¹²⁴ В названной работе впервые в монголистике ставятся вопросы словообразовательной морфонологии, что в настоящее время является весьма актуальным.

Кроме того, Б. Я. Владимирцов представил обширный материал, свидетельствующий о том, что в прошлом слова могли образовываться путем чередования звуков в корне. В связи с этим он пишет: «В монгольском письменном языке наблюдается следующее явление: существует довольно значительное количество слов, которые с фонетической точки зрения отличаются друг от друга только тем, что одни принадлежат к заднему—гutturальному ряду, а другие — к переднему—палатальному, сохраняя, по большей части, одно и то же значение, или же семантически они оказываются очень близкими. В языке, таким образом, получаются как бы парные слова, принадлежащие то к одному, то к другому ряду, но в то же время представляющиеся одними и теми же: слово одно, но является в двух облициях: гуттуральном и палатальном. Это в большинстве случаев.

Но часто также можно наблюдать, как язык использует эти две формы слова для того, чтобы отметить какой-либо оттенок значения; иногда слово гуттурального ряда обозначает мужской род, а слово палатального ря-

¹²⁴ Владимирцов Б. Я. Указ, работа, стр. 360.

да — женский¹²⁵. Как можно видеть из примеров, приведенных Б. Я. Владимирцовым, фонетический способ образования новых слов в монгольских языках некогда был очень активным.

Важное значение для разработки способов монгольского словообразования имеют труды Г. Д. Санжеева. В этих работах поставлены и решены многие теоретические вопросы.

В работе «Синтаксис монгольских языков» Г. Д. Санжеев обращает внимание на так называемые «пары» или «парные слова», образованные из двух самостоятельных слов типа эк-эцк «родители», хөн-яман «мелкий скот»¹²⁶. Более подробно они описываются в «Грамматике бурят-монгольского языка», где им посвящен специальный раздел «Сложение слов»¹²⁷. Сложение слов, в результате которого образуются парные слова, Г. Д. Санжеев относит к словообразованию и рассматривает как один из источников способов образования новых слов. Парные слова он делит на два типа: «В одном случае слова, входящие в пары, сохраняют свои значения и по существу не создают новых понятий; в другом — получается как бы совершенно новое слово, в котором его составные слова теряют свои значения. Иными словами, в первом случае мы имеем механическое сложение слов, а во втором — как бы нечто похожее на химическое соединение элементов»¹²⁸. К первому типу он относит слова типа ах-дү «братья», эк-эцк «родители», а ко второму — типа монгольского слова эб хамта «коммунизм» /букв. эб «согласие» и хамта «вместе»/. Парные слова Г. Д. Санжеев различает по составу и значению. В соответствии с этим, — пишет он, — мы имеем парные глаголы и парные имена /по составу/, и смежнопарные слова /по значению/. Парные глаголы: а/ смежные по значению: тээхэ нэбтэр үүлхе /монг./ «транспортировать», /букв. «класть и внедрять»/, гуйхэ

¹²⁵ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия, стр. 126—127.

¹²⁶ Санжеев Г. Д. Синтаксис монгольских языков. Издание НИАНКП, 1934, стр. 72—73

¹²⁷ Санжеев Г. Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М., АН СССР, 1941, стр. 118—122.

¹²⁸ Там же, стр. 118.

харайха «бегать» /букв. «бегать и прыгать»/; б/ контрастные по значению: үйлаха дуулаха «плакать» /букв. «плакать и петь»/; орхо гарха «входить и выходить». Парные имена: а/ смежные по значению: арга хэмжээ «мера» /как «акт», букв. «способ и мера измерения»/: фабрик завод «фабрика и завод», нам эблэл /монг./ «партия и союз»; в/ контрастные по значению: эхэ эсэгэ «родители» /букв. «мать и отец»/, эндэ тэндэ «кое-где» /букв. «здесь и там»/ ¹²⁹. Здесь же он характеризует семантику парных слов: «во-первых, смежные или контрастные слова, образовав пары, как бы выражают собирательные и отвлеченные понятия, например: эхэ эсэгэ «родители», во-вторых, эти пары выражают иногда неопределенность, например: фабрик заводоор ябаба «ходил не то по фабрике, не то по заводу» или «по фабрикам и заводам». В-третьих, эти пары сохраняют самостоятельность значения своих составных частей, например: нам эблэлын гөшүүд /монг./ «члены партии и союза».

В отдельных случаях частое употребление того или иного парного слова приводит к тому, что последнее как бы становится одним словом, в котором составные части его уже не осознаются, претерпевая при этом некоторые фонетические изменения. /В этом отношении характерно аларское /у бурят-монголов/ үхибүүд «дети», «ребенок», в котором аларцы уже не различают үхин «девочка» и хүбүүн «мальчик» /в этом сочетании выпали конечный и из үхин и начальный слог во второй его части хү из хүбүүн/, даже более того: теперь не всем аларцам известно слово үхин/ ¹³⁰.

В этой же работе Г. Д. Санжеев раскрывает генезис отдельных парных слов в монгольских языках и связь словосложения с синтаксисом ¹³¹.

В очерке «Современный монгольский язык» Г. Д. Санжеев показывает тесную связь словообразования с лексикой ¹³². В названной работе описывается пять словообразовательных способов: 1/ суффиксальный, напри-

¹²⁹ Санжеев Г. Д. Грамматика бурят-монгольского языка, стр. 119.

¹³⁰ Там же, стр. 120.

¹³¹ Там же, стр. 120—122.

¹³² Санжеев Г. Д. Современный монгольский язык, стр. 26—39.

мер, монг. хамтрал «колхоз», хамтра — «объединяться» плюс суффикс -л; 2/ синтаксический /путем сочинительного и подчинительного сочетания слов/, например, орлого зарлага «бюджет», «доход», «приход» и зарлага «расход»; 3/ внутренняя флексия, например, хайрцаг «ящичек» — хуурцаг «ящик», цагаан «белый» — цэгээн «светлый»; 4/перестановка слогов, например, хаш — «загораживать», «преграждать», «огораживать», «притеснять» хас—шах «жать», «прижимать», «выжимать», «напирать» с ха-; 5/ семантический, например, ногоо «овощи», прежде «трава». Здесь же Г. Д. Санжеев указывает на продуктивные и непродуктивные способы словообразования.

В очерке «Старописьменный монгольский язык» словообразование рассматривается в разделе, посвященном описанию грамматической системы¹³³. В этой части работы автор преимущественно останавливается на описании словообразовательных аффиксов старописьменного монгольского языка, изучение которых, по мнению Г. Д. Санжеева, раскрывает новый аспект исследования: «Дело в том, что специальное исследование этих суффиксов именно в их орфографическом оформлении старописьменного монгольского языка представляет собой интерес в морфологическом отношении, если при этом иметь ввиду исторический аспект такого изучения. Объясняется это тем обстоятельством, что этот язык со своими орфографическими особенностями в наибольшей степени отражает то общее, что объединяет все современные монгольские языки, некогда местные или племенные диалекты единого монгольского языка. Сказанное относится преимущественно к вокализму словообразовательных суффиксов, в значительной степени отражающему и характеризующему вокализм непервых слогов вообще»¹³⁴. Далее в своей работе Г. Д. Санжеев рассматривает подробно образование имен существительных и глаголов с приведением соответствующих словообразовательных суффиксов и указанием на их продуктивность и непродуктивность.

Из названных работ видно, что Г. Д. Санжеев, признавая всю важность изучения словообразовательных яв-

¹³³ Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык, стр. 54—58.

¹³⁴ Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык, стр. 54.

лений, ограничивается их попутным рассмотрением либо в рамках синтаксиса, либо лексики, либо морфологии. Поэтому, как нам представляется, вопрос о способах словообразования не получил у него законченного решения. Это отчасти объясняется тем, что Г. Д. Санжеев не преследовал специальной цели — изучение словообразования.

В известном исследовании «Сравнительная грамматика монгольских языков» Г. Д. Санжеев последовательно проводит разграничение словообразовательных и словозменительных суффиксов. К примеру, разбирая суффикс -л, который служит для образования форм глагола, обозначающих многократность действия, например, халх. цохил — «бить», «биться» от цохь — «бить», он предупреждает, что этот суффикс не следует смешивать с глаголообразующим -л//-ла, с помощью которого, например, образовано халх. мал-ла — «заниматься скотоводством» от мал «скот»¹³⁵.

Глубокое воздействие на разработку способов монгольского словообразования оказывают работы Т. А. Бертагаева. Заметным явлением в свое время была работа его «К исследованию лексики монгольских языков», в которой он отмечает своеобразие и необычность способов образования новых слов в каждом изучаемом им монгольском говоре и диалекте. К примеру, в мухоршибирском и эхиритбулагатском говорах бурятского языка наблюдаются следующие особенности в образовании слов: ср.: оройлто и оройлго «портянки», агнуури и агналга «охота» и др. «Наряду со словами, имеющими в каждом говоре «свои» словообразовательные суффиксы, — пишет Т. А. Бертагаев, — наблюдаются слова, возникшие от таких основ, от которых не образовано и не образуется слово в другом говоре. Не свойственны эхиритскому говору образования такого рода, как сээжэлхэ «запоминать», тайлаха Цолга «открывать дверь», алватаха «приказывать», амьярдаха Зангин «обособиться, быть одному» и др., имеющиеся в восточных говорах, а мухоршибирскому говору — такие слова, как охордохо «быть коротким», намарха «ошибиться», тайха

¹³⁵ Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, стр. 65.

«умилостивлять», тойгойлхо «колоситься»¹³⁶. В анализируемой работе Т. А. Бертагаев впервые в монголистике демонстрирует целый ряд интересных приемов образования новых слов в говорах и диалектах монгольских языков.

Наиболее важные способы монгольского словообразования рассматриваются в следующих работах Т. А. Бертагаева: «О морфологическом строе бурятского языка» /1960/, «Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении» /1964/, «Морфологическая структура слова в монгольских языках» /1969/, «Сочетания слов и современная терминология» /1971/, «Лексика современных монгольских языков» /1974/.

Т. А. Бертагаев, разграничивая словоизменительные и словообразовательные суффиксы в бурятском языке, отмечает, что они не так резко противопоставлены, как в некоторых других языках мира. Например, «все суффиксы падежей существительных играют одновременно роль словообразовательных суффиксов по отношению к прилагательным и числительным, которые, принимая формы склонения и изменяясь по падежам, становятся существительными. Такую же роль в прилагательном играют и суффиксы множественного числа и притяжательные частицы»¹³⁷. Синкретический характер словоизменительных суффиксов, переход их в разряд словообразовательных заслуживает того, чтобы они были предметом специального исследования. Указание на синкретичность словоизменительных суффиксов в монгольских языках — большая заслуга Т. А. Бертагаева.

В работе «О морфологическом строе бурятского языка» Т. А. Бертагаев описывает наряду с уже известными способами производства слов — редупликацию. Ср.: хапхар «темный» /из хаб хара «совсем темный»/.

В своих монографиях «Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении» и «Сочетания слов и современная терминология» Т. А. Бертагаев большое внимание уделяет парным словам. Без какой-либо натяжки можно говорить о создании им оригинальной теории парных слов. Прежде всего он обосновал

¹³⁶ Бертагаев Т. А. К исследованию лексики монгольских языков. Улан-Удэ, Бурятиздат, 1961, стр. 36—37.

¹³⁷ Бертагаев Т. А. О морфологическом строе бурятского языка, стр. 9.

ывает связь и различие парных слов со свободными синтаксическими словосочетаниями¹³⁸.

Парные слова — это сочетания двух морфологически и семантически однородных слов на равных синтаксических началах. «Например, монгольское парное сочетание улс төр «политика» состоит из существительных «государство» и «строй» /социальный/, семантически они тоже однородны, оба слова относятся к общественно-политической лексике и означают понятия об устройстве социальной жизни. В состав подобных парных номинантов иногда входят слова-антонимы, семантически однородные и объединяемые общим значением того же рода, но более высокой ступени: монг., бур. ах дүү «старший—младший /брат/»—«братья»...¹³⁹.

Парные слова или биномы, в зависимости от структурно-морфологических свойств исследователь делит на четыре основных типа: 1/ парные слова, состоящие из знаменательных слов; 2/ парные слова, состоящие из изобразительных и звукоподражательных слов; 3/ парные слова, состоящие из незнаменательных слов, из слов зависимых, несвободных и архаизированных или омертвевших; 4/ парные слова с формализованными компонентами¹⁴⁰.

В указанной работе автор рассматривает отношение парных слов к другим сложным словам, их функции в литературном языке.

Важным шагом в исследовании словообразования в монгольском языкознании является книга Т. А. Бертагаева «Лексика современных монгольских литературных языков», где исследуется семантическая сторона словообразовательных процессов¹⁴¹. В этой же работе он предлагает свою классификацию способов словообразования. Т. А. Бертагаев описывает четыре способа: 1/ семантический, 2/ морфологический, 3/ синтаксический и 4/ фонетический, каждому из которых посвящена целая глава.

¹³⁸ Бертагаев Т. А. О морфологическом строе бурятского языка, стр. 27.

¹³⁹ Бертагаев Т. А. Сочетания слов и современная терминология. М., «Наука», 1964, стр. 12.

¹⁴⁰ Там же, стр. 19.

¹⁴¹ Бертагаев Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков. М., «Наука», 1974.

Большой вклад в дело изучения монгольских языков внесла Б. Х. Тодаева. Ее заслуга в развитии монгольского словообразования заключается прежде всего в том, что она ввела в научный обиход соответствующий материал по монгольским языкам и диалектам Китая¹⁴², баоаньскому¹⁴³, дунсянскому¹⁴⁴, монгорскому¹⁴⁵. Б. Х. Тодаева указывает на активность суффиксального способа в этих языках, например: -лон, -лосе «голодать, проголодаться» — лосегулон «голод», «голодовка»; -ше: Иде — «есть, кушать» -Идеше — «еда, кушанье»; дагурск. -р: буда — «красить» — будар «краска». Помимо суффиксального способа словообразования, как мы отметили выше, Б. Х. Тодаева описывает и словосложение. «Сложные слова образуются сочетанием двух синтаксически равноправных основ имен существительных, каждая из которых может функционировать как самостоятельное слово. Это главным образом имена существительные, обозначающие родственные или семейные отношения, например: һадунмэкэ «свекровь» /һадун «родня»//по жене или мужу/, экэ «мать»; эрэмэ «супруги» /эрэ күн/ «мужчина», эмэ /күн/ «женщина»; һадунмаһа «деверь» /аһа «старший брат»/¹⁴⁶.

Описывая баоаньский язык, Б. Х. Тодаева отмечает парные слова. «Парные слова обычно представляют собой сочетание двух слов, имеющих единое лексическое значение. Это значение слагается из синтеза значений составляющих его компонентов»¹⁴⁷. «Своеобразие парных слов в монгольских языках составляет то, что они морфологически однородны. Оба компонента такого сочетания относятся к одной и той же части речи /ср.: калм. санан седкл/ сущ./, ичх эмэх /гл./, күчр күнд/прил./ и ограничены определенными семантическими рамками, относясь к одному кругу понятий»¹⁴⁸. Кроме парных слов, в своей монографии «Баоаньский язык» она останавливается на удвоениях /редупликатах/: «Наряду с подобными парными словами в баоаньском встречается

¹⁴² Тодаева Б. Х. Монгольские языки и диалекты Китая. М., «ИВЛ», 1960.

¹⁴³ Тодаева Б. Х. Баоаньский язык. М., «Наука», 1964.

¹⁴⁴ Тодаева Б. Х. Дунсянский язык. М., «ИВЛ», 1961.

¹⁴⁵ Тодаева Б. Х. Монгорский язык. М., «Наука», 1973.

¹⁴⁶ Тодаева Б. Х. Дунсянский язык, стр. 24.

¹⁴⁷ Тодаева Б. Х. Баоаньский язык, стр. 33—34.

¹⁴⁸ Там же.

и особый тип парных существительных, образованных сочетанием двух слов, второе из которых лишено самостоятельного значения и представляет собой как бы фонетический дуплет, отзвук первого компонента сочетания. Основное значение несет в себе первое слово, второй же компонент его придает всему сочетанию особый оттенок неопределенности, множественности, который всегда подразумевается: шэлэ мэлэ «стол и прочее» /при шэлэ «стол»/; айиһэ майиһэ «всякие там чашки», «чашка и прочее» /при айиһэ «чашка»/ и др. Сочетания этого типа распространены во всех монгольских языках. Ср.: например, в современном монгольском: сонин монин «всякие там известия» или в калмыцком: цэ мэ «чай и прочее» /т. е. чай и все, что положено в этом случае к чаю/»¹⁴⁹.

Обращает на себя внимание тот факт, что в разных монгольских языках нет полного соответствия в составе словообразовательных суффиксов. Так, в частности, Б. Х. Тодаева при исследовании баоаньского языка вынуждена была отметить, что «по сравнению с остальными монгольскими языками /например, современный монгольский, бурятский, калмыцкий, дагурский/ баоаньский язык беден словообразовательными суффиксами. В нем пока не зафиксированы такие суффиксы, которые широко представлены в других монгольских языках и весьма продуктивны /например: -л, -лага, -лта, -ул, -ас -ан, -гчи и некоторые другие/»¹⁵⁰.

Важной вехой на пути развития монгольского словообразования являются работы А. А. Дарбеевой. Впервые в монголистике она подробно описывает субстантивацию имен прилагательных как один из способов производства новых слов¹⁵¹. Субстантивация — это переход имен прилагательных в класс существительных. Как известно, имена прилагательные в монгольских языках не обладают формами словоизменения, как, например, в русском языке. Но выступая в функции существительного, монгольские прилагательные приобретают все их грамматические свойства /изменение по падежам, числам и т. д./ А. А. Дарбеева различает два типа субстан-

¹⁴⁹ Тодаева Б. Х. Баоаньский язык, стр. 35.

¹⁵⁰ Там же, стр. 34.

¹⁵¹ Дарбеева А. А. О субстантивации имен прилагательных в бурятском языке. — Сб. «Филология и история монгольских народов». М., АН СССР, 1958, стр. 152—164.

тивации прилагательных: окказиональный и узуальный.

В своей статье «К вопросу о парных словах в бурятском языке» А. А. Дарбеева достаточно подробно освещает значения парных слов бурятского языка, их структуру, функции, генезис и некоторую общность с парными словами тюркских языков¹⁵². Специальную работу А. А. Дарбеева посвящает фонетическим способам парных слов¹⁵³.

Особый интерес представляет статья А. А. Дарбеевой «Повторы и удвоения в бурятском языке», где описывается своеобразие особого способа производства новых слов — удвоения, которому свойственны ряд специфических черт.

В анализируемой нами работе автор останавливается на вопросах разграничения удвоения и повторов, классификации типов удвоения, функциях удвоения в бурятском языке.

В своей работе «Развитие общественных функций монгольских языков в советскую эпоху» А. А. Дарбеева обращает свое внимание на некоторую зависимость словообразования от факторов экстралингвистического порядка, в частности, от взаимодействия языков, расширения общественных функций языка¹⁵⁴. «В последние годы, — пишет А. А. Дарбеева, — среди бурятской интеллигенции встречаются женские имена типа Эржена, Чимита, Сэржэна, Саяна, Туяна, Баяна, Баира и т. д. В исконно бурятском языке имена Эржэн, Сэржэн, Чимит и т. д. давали лицам обоих полов. Под влиянием русского языка наметилась тенденция родовой дифференциации личных имен. Родовая дифференциация фамилий уже прочно вошла в быт бурят, например: Шобонов—Шобонова, Хараев—Хараева, Шараев—Шараева и т. д. Образование отчества на -ович, -евич, -овна, -евна тоже появилось в разговорном языке под влиянием русского языка, например: Намсараевич—Намсараевна, Аюшевич—Аюшевна, Очирович—Очировна и т. д. В

¹⁵² Дарбеева А. А. К вопросу о парных словах в бурятском языке. — Сб. «Вопросы литературного языка». Улан-Удэ, Бурятияиздат, 1963.

¹⁵³ Дарбеева А. А. О некоторых фонетических свойствах парных слов. — «Краткие сообщения Ин-та народов Азии». Вып. 83. Монголоведение и тюркология. М., 1964.

¹⁵⁴ Дарбеева А. А. Развитие общественных функций монгольских языков в советскую эпоху. М., «Наука», 1969, стр. 112—115.

прошлом буряты не величали друг друга по имени и отчеству. Все это идет по линии функции разговорного языка, затем проникает в письменный язык.

Таким образом, общественные функции языка оказывают самое непосредственное влияние на развитие лексики бурятского языка. Каждая из них вносит свою долю в словообразование»¹⁵⁵.

Ощутимый вклад в дело разработки вопросов монгольского словообразования внесли М. Н. Орловская и З. В. Шевернина. Особенно интересны в этом плане их работы, посвященные способам словообразования¹⁵⁶.

Значительным событием для монголистики в целом является выход работы У.-Ж. Ш. Дондукова «Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке», которая, по существу, является единственной специальной книгой, посвященной целиком вопросам суффиксального словообразования одного из современных монгольских языков. В названной работе дан большой фактический материал по бурятским суффиксам, изучены специфика и роль производящих основ и словообразовательных суффиксов в образовании различных частей речи, а также выяснены семантическое значение и степень продуктивности словообразовательных суффиксов¹⁵⁷.

Из всех явлений монгольского словообразования, пожалуй, больше всего повезло парным словам. Это одна из излюбленных тем монголистов. Помимо уже названных работ Г. Д. Санжеева, Т. А. Бертагаева, Б. Х. Тодаевой, А. А. Дарбеевой, парные слова находят освещение и в работах У.-Ж. Ш. Дондукова¹⁵⁸. Описание парных слов в бурятском языке у него в основном не рас-

¹⁵⁵ Дарбеева А. А. Развитие общественных функций монгольского языка, стр. 115.

¹⁵⁶ Орловская М. Н. Способы образования производных наречий в монгольском языке; З. В. Шевернина. Редупликация деепричастия в монгольском языке. — Сб. «Исследования по восточной филологии», М., «Наука», 1974.

¹⁵⁷ Дондуков У.-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, Бурятиздат, 1964.

¹⁵⁸ Дондуков У.-Ж. Ш. Словообразование имен существительных в бурят-монгольском языке. Канд. дисс. Л., 1955; его же Парное словообразование имен существительных в бурятском языке — Сб. «Вопросы литературного бурятского языка», Улан-Удэ, 1963.

ходится с традиционным освещением их в монголистике. На материале бурятского языка У.-Ж. Ш. Дондуков четко формулирует мысль о том, что парные слова — это «разновидность сложных слов, присущих языкам тюркско-монгольской группы». Все парные существительные сначала он делит на два типа: а/ парные /сочинительные сложные/ существительные, представляющие собой сочетание компонентов с лексическим значением, б/ парные /сочинительные сложные/ существительные, один из компонентов лишен лексического значения¹⁵⁹. Позднее эту классификацию он уточняет. Ко второму типу он относит такие парные слова /существительные/, второй компонент которых служит усилителем значения первого¹⁶⁰.

В соавторстве с Н. Г. Данчиновой У.-Ж. Ш. Дондуков написал статью «К вопросу о парных словах в монгольских языках», где были подвергнуты анализу работы советских и зарубежных монголистов по соответствующей теме¹⁶¹.

Здесь следует отметить, что весьма интенсивно идет разработка бурятского словообразования, что, например, нашло отражение в «Грамматике бурятского языка» 1962 года, где по образованию каждой части речи представлен богатый фактический материал¹⁶². В названной грамматике словообразование дается не специальным разделом, а по ходу описания частей речи. Такой подход к освещению словообразования является в монголистике традиционным¹⁶³.

¹⁵⁹ Дондуков У.-Ж. Ш. Словообразование имен существительных..., Канд. дисс.

¹⁶⁰ Дондуков У.-Ж. Ш. Парное словообразование имен существительных в бурятском языке. — В сб. «Вопросы литературного бурятского языка».

¹⁶¹ Дондуков У.-Ж. Ш., Данчинова Н. Г. К вопросу о парных словах в монгольских языках. — Сб. «О зарубежных монголоведческих исследованиях по языку», Улан-Удэ, Бурятиздат, 1968.

¹⁶² Грамматика бурятского языка, М., «ИВЛ», 1962.

¹⁶³ Алексеев Д. А. Наречие в бурят-монгольском языке. Л., 1940; его же глава «Наречие» — в «Грамматике бурятского языка», 1962.

Санжеев Г. Д., глава «Глагол» — в «Грамматике бурятского языка», 1962 г., Дарбеева А. А. «Имя прилагательное» — в «Грамматике бурятского языка», 1962 г., Цыдендамбаев Ц. Б. Местоимения в

Калмыцкое словообразование в отличие от бурятского никогда не было предметом специального исследования. Только некоторые аспекты калмыцкого словообразования нашли освещение в работах калмыковедов. Так, Ц.-Д. Номинханов отмечает три способа образования слов в современном калмыцком языке: 1) семантический, 2) аффиксальный, 3) аббревиацию¹⁶⁴. И. К. Илишкин в ряде своих работ указывает на наиболее продуктивные суффиксы, участвующие в образовании новых слов¹⁶⁵. Г. Д. Санжеев останавливается на вопросах словообразования в связи с описанием грамматического строя калмыцкого языка¹⁶⁶.

Б. Б. Бадмаев один из первых калмыковедов стремится к созданию полного списка словообразовательных суффиксов современного калмыцкого языка¹⁶⁷. Д. А. Павлов рассматривает отдельные словообразовательные суффиксы в связи с описанием путей обогащения лексики калмыцкого языка¹⁶⁸. А. Л. Каляев¹⁶⁹ и

в монгольских языках. Автореферат канд. дисс. М., 1952; его же, глава «Местоимение» — в «Грамматике бурятского языка», 1962 г.; его же «Изобразительные слова в бурятском языке». — Сб. «Филология и история монгольских народов», «ИВЛ». М., 1958; Шагдаров Л. Ш. Изобразительные слова в современном бурятском языке. БКНШ СО АН СССР, Улан-Удэ, 1962.

¹⁶⁴ Номинханов Ц.-Д. Исследования по тюркским и монгольским языкам. (Доклад об опубликованных и выполненных работах по тюркским и монгольским языкам, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук), Алма-Ата, АДД, 1966, стр. 16—17.

¹⁶⁵ Илишкин И. К. О заимствованных словах и терминах в калмыцком языке. — Записки, выпуск 1, Элиста, 1960; его же. О некоторых вопросах, связанных с закономерностями развития калмыцкого литературного языка в советскую эпоху. — Сб. «Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху», Улан-Удэ, 1965; его же. Сопоставительная грамматика калмыцкого и русского языков. Элиста, Калмиздат, 1973.

¹⁶⁶ Санжеев Г. Д. Грамматика калмыцкого языка. М., АН СССР, 1940.

¹⁶⁷ Бадмаев Б. Б. Хальмг келнэ учебник. I хув, Фонетик болн морфолог, Элст, Хальмг дегтр харнач, 1959.

¹⁶⁸ Павлов Д. А. О развитии лексики калмыцкого языка за счет внутренних его ресурсов. — Сб. «Ученые записки», НИИЯЛИ, выпуск 7, серия филологическая, Элиста, 1969.

¹⁶⁹ Каляев А. Л. Морфологическая структура имен прилагательных в калмыцком языке. — Сб. «Ученые записки», НИИЯЛИ, вып. 7, Элиста, 1969 г.

М. У. Монраев¹⁷⁰ исследуют вопросы словообразования в связи с описанием имени прилагательного и наречия. А. Ш. Кичиков¹⁷¹ и Н. Н. Убушаев¹⁷² обращают свое внимание на фонетический состав отдельных суффиксов в калмыцких диалектах.

Исследования М. Онджановой, Г. Пюрбеева, хотя и не касаются вопросов словообразования, но вызывают определенный интерес в плане определения критериев разграничения сложных слов, с одной стороны, и аналитических конструкций¹⁷³, фразеологических единиц, с другой¹⁷⁴.

Итак, резюмируя работы, посвященные способам словообразования в монгольских языках, в том числе и калмыцком, следует отметить, что в них затрагиваются следующие вопросы: способы словообразования /Т. А. Бертагаев, Г. Д. Санжеев, Ц.-Д. Номинханов, А. А. Дарбеева, Б. Х. Тодаева, У.-Ж. Ш. Дондуков, Д. А. Абашеев/, классификация словообразовательных аффиксов /Ц.-Д. Номинханов, Б. Б. Бадмаев, Б. Х. Тодаева, У.-Ж. Ш. Дондуков/, этимология словообразовательных аффиксов /Т. А. Бертагаев, Г. Д. Санжеев, Ц.-Д. Номинханов/, парные слова /Г. Д. Санжеев, Т. А. Бертагаев, У.-Ж. Ш. Дондуков, А. А. Дарбеева, Д. А. Абашеев/, отличие сложных слов от словосочетаний, аналитических конструкций, фразеологизмов /Т. А. Бертагаев, М. Д. Онджанова, Ц. Ж. Цыдыпов, Д. А. Сусева, Г. Ц. Пюрбеев/, словообразование частей речи /У.-Ж. Ш. Дондуков, Д. А. Алексеев, Г. Д. Санжеев, А. А. Дарбеева, Ц. Б. Цыдендамбаев, Л. Ш. Шагдаров, А. Л. Каляев, М. У. Монраев и др./, фономорфологи-

¹⁷⁰ Монраев М. У. Наречия местоименного происхождения. — Сб. «Труды молодых ученых Калмыкии», вып. 3, Элиста, 1973.

¹⁷¹ Кичиков А. Ш. Дербетский говор. Элиста, 1964.

¹⁷² Убушаев Н. Н. Икицохуровский говор торгутского диалекта. — Сб. «Ученые записки», НИИЯЛИ, вып. 7, серия филологическая, Элиста, 1969.

¹⁷³ Онджанова М. Д. Аналитические формы вида в калмыцком языке. — Сб. «Развитие науки в Калмыцкой АССР», ч. 2, серия филологии, Элиста, 1968, стр. 145.

¹⁷⁴ Пюрбеев Г. Ц. Об особенностях фразеологических единиц монгольских языков. — Сб. «Развитие науки в Калмыцкой АССР», его же, К вопросу об устойчивых сочетаниях слов и фразеологизмах. (На материале монгольских языков), — Сб. «Система и уровни языка». М., «Наука», 1969.

ческие процессы при словообразовании /Б. Я. Владимиров, Т. А. Бертагаев/, соотношение экстралингвистических и внутрилингвистических факторов при словообразовании /А. А. Дарбеева/.

Однако здесь следует заметить, что перечисленные вопросы не исчерпывают всей проблематики способов словообразования в монгольских языках. Работы монголистов, подвергнутые здесь анализу, представляют собой этап в изучении способов словообразования и в дальнейшем будут служить базой для постановки и решения новых вопросов словообразования, т. к. монгольское языкознание развивается дальше, а вместе с тем будет расширяться фронт исследований и в области словообразования.

Как можно убедиться, в калмыцком языкознании, как и в монгольском языкознании, до сих пор нет устойчивых взглядов по вопросу о критериях выделения способов словообразования и их классификации, поэтому исследователи отмечают их разное количество и дают им противоречивые толкования. Поскольку вопросы разграничения способов словообразования и их классификации в монгольском языкознании специально не обсуждались, то уместно, видимо, здесь дать изложение наших взглядов, которых мы придерживаемся в данной работе.

Слова в калмыцком языке могут образовываться по-разному. В зависимости от того, какие средства используются при их образовании, можно выделить несколько способов. Ориентируясь на языковые единицы, принимающие участие в словопроизводстве калмыцкого языка, можно выделить три вида словообразования: морфологический, фонетический и синтаксический. При определении словообразовательного типа мы учитываем в образовании новых слов участие единиц, средств соответствующего языкового уровня.

Морфологический вид словообразования в калмыцком языке представлен тремя способами: аффиксацией, сложением корней /основ/ и редупликацией. Фонетический вид — чередованием звуков, синтаксический вид — конверсией и сращением.

Способы словообразования и их классификация могут соотноситься не только с языковыми уровнями, но и с другими аспектами языка. Так, способы словообразо-

вания могут быть соотносительны с одной мотивирующей /производящей/ основой или с более чем одной мотивирующей основой¹⁷⁵. В связи с этим способы словообразования делятся на две группы. К первой группе относятся: аффиксация, конверсия, удвоение /редупликация/. Способы самообразования второй группы делятся на сложение и сращение.

Определяя способы словообразования калмыцкого языка, мы учитываем их соотнесенность как с языковыми уровнями, так и с мотивирующими /производящими/ основами.

Способы словообразования в калмыцком языке по своему характеру различны. Одни способы являются регулярными /например, некоторые типы аффиксального словообразования/, другие — нерегулярными /например, фонетический способ/.

Способы словообразования необходимо отличать от результатов словопроизводства, от производных. К примеру, сложное слово күч-көлсч «труженик, трудящийся» образовалось не путем сложения, а аффиксальным способом из сложного слова күч-көлсн «труд, работа» и аффикса-ч, обозначающего «лицо». Следовательно, производное слово күч-көлсч, являясь по своей структуре сложным, образовано аффиксальным способом. Структура производного слова и способ словообразования — это принципиально разные вещи. Современное теоретическое словообразование их различает четко.

Способы словообразования, видимо, в каждую эпоху развития языка действуют по-разному. Об этом свидетельствует, в частности, фонетический способ образования слов, который в прошлом, по наблюдениям Б. Я. Владимирцова, Г. Д. Санжеева и Т. А. Бертагаева, действовал регулярно, а в настоящее время относится к числу нерегулярных способов, т. к. чередования звуков, приводящие к образованию новых слов, носят спонтанный характер.

¹⁷⁵ Лопатина В. В., Улукханов И. С. К соотношению единиц словообразования и морфологии. — «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., «Наука», 1969, стр. 123—124.

Вопрос об аффиксальном словообразовании калмыцкого языка является одним из самых важных и в то же время слабо разработанных вопросов калмыцкого языкознания. Важность этого вопроса заключается в том, что теория аффиксального словообразования является частью общей теории словообразования калмыцкого языка. Работа А. Бобровникова, А. Попова, В. Котвича, Г. И. Рамстедта, Б. Я. Владимирцова, Г. Д. Санжеева, Т. А. Бертагаева, Ц.-Д. Номинханова, Б. Б. Бадмаева, Д. А. Павлова, Б. Х. Тодаевой и других исследователей калмыцкого языка представляют собой большую ценность в той части, которая касается фактического материала по аффиксальному словообразованию¹⁷⁶. Вместе с тем бурное развитие современного литературного калмыцкого языка в последние десятилетия и уровень современного состояния разработки общей теории словообразования в науке о языке позволяют расширить наши представления об аффиксальном словообразовании.

Теория аффиксального словообразования, положенная в основу нашего анализа, исходит из того, что соответствующий способ словообразования имеет долгую историю, уходящую своими корнями к прамонгольскому языковому состоянию. В настоящее время этот способ присущ всем родственным монгольским языкам.

¹⁷⁶ Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1848; Попов А. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847; Рамстедт Г. И., Калмыцкий словарь, Хельсинки, 1935; Котвич В. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Прага, 1929; Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия (введение и фонетика), Л., 1929; Санжеев Г. Д. Грамматика калмыцкого языка. АН СССР, 1940; его же, Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. «ИВЛ». М., 1963; Бертагаев Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков. М., «Наука», 1974; Номинханов Ц.-Д. Исследования по тюркским и монгольским языкам. (Доклад об опубликованных и выполненных работах по тюркским и монгольским языкам, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук), Алма-Ата, 1966; Бадмаев Б. Б. Хальмг келнэ учебник, I хув. Фонетик болн морфолог, Элст, Хальмг дегтр нарһач, 1959; Д. А. Павлов. О развитии лексики калмыцкого языка за счет внутренних его ресурсов. — Сб. «Ученые записки», НИИЯЛИ, выпуск 7, серия филологическая. Элста, 1969.

Вместе с тем аффиксальное словообразование не остается одним и тем же в разные эпохи. Оно изменяется с развитием языка, претерпевает существенные преобразования, что сказывается на составе аффиксов, их значениях, продуктивности и фонетическом облике. В каждую эпоху в языке действует определенная аффиксальная система, развитие которой определяется как внутренними, так и внешними причинами. Так, если аффиксы порождаются внутренними законами развития языка (за исключением заимствованных), то их продуктивность будет зависеть от общества. К примеру, аффикс -ач'/-эч, обозначающий «лицо» (например, умш-ач «читатель») повысил в современном калмыцком языке свою активность в связи с тем, что в советское время появилась потребность в обозначении новых профессий, ранее неизвестных калмыкам.

Аффиксальное словообразование калмыцкого языка в настоящее время представляет собой богато развитую систему образования имен существительных, прилагательных, наречий, глаголов и других частей речи. Каждая часть речи имеет свои специальные аффиксы, отличные от аффиксов других частей речи. Например, аффиксы образования имен существительных не приложимы к глаголам и наоборот.

Основной ячейкой аффиксальной словообразовательной системы является словообразовательный тип, так как именно в его пределах и происходит образование новых слов¹⁷⁷. В связи с этим в нашей работе мы пользуемся понятием «словообразовательный тип», который представляет собой «схему» (формулу) строения производных слов, характеризуемых общностью трех элементов: 1) части речи производящей основы, 2) семантического соотношения между производимыми и производящими, 3) формального соотношения между производными и производящими (а именно — тождественностью аффикса)¹⁷⁸.

Словообразовательные типы в калмыцком языке в зависимости от словообразовательного значения делятся на две группы. К первой группе относятся такие производные, которые по лексическому значению тождественны

¹⁷⁷ Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., «Просвещение», 1973, стр. 182.

¹⁷⁸ Там же, стр. 182.

енны значению производящих. Ко второй группе относятся такие, производные которых не тождественны по лексическому значению производящим. Словообразовательные значения производных первой группы принято называть синтаксическими дериватами, а второй группы — лексическими. К области синтаксической деривации в калмыцком языке, к примеру, относятся отглагольные существительные со значением действия на -лһн (типа: йов-ул-лһн «отправление», лавл-лһн «подтверждение, орат-лһн «опоздание») и на -лт (типа: шиң-лт «переваривание», хоцр-лт «отставание», гүү-лт «бег»). Как можно заметить, производные слова йовул-лһн, лавллһн, оратлһн, шиңлт, хоцрлт, гүүлт имеют то же лексическое значение, что и их производящие, но выражены словами иной части речи. Срав.: йовулх «отправить», лавлх «подтверждать», оратх «опоздать», шиңгх «переваривать» хоцрлх «отставать», гүүх «бежать». Все перечисленные выше отглагольные существительные на -лһн и -лт, как и производящие их глаголы, обозначают отвлеченное действие, но только средствами имени существительного. Синтаксические дериваты зависимы по значению от контекста.

Лексические дериваты по значению не зависимы от контекста. Все они имеют конкретные значения. К их числу относятся, к примеру, күзүвч «ошейник», адуч «табунщик», зург «картина», утхур «черпалка».

Словообразовательные типы в калмыцком языке характеризуются продуктивностью и непродуктивностью. Те, которые принимают участие в образовании новых слов, будут продуктивными. А те, которые не принимают, — непродуктивными. Продуктивные словообразовательные типы разделяются на два вида. К первому виду относятся словообразовательные типы с высокой продуктивностью, а ко второму виду — со слабой продуктивностью.

1. СУФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Продуктивные суффиксы

Суффикс -ур// -үр// -ул// -үл

Имена существительные с указанным суффиксом образуются от основ глаголов. Производные, относящиеся

к области лексической деривации, имеют чисто инструментальное /орудийное значение/. Этот суффикс является одним из самых продуктивных в современном калмыцком языке. С его помощью существительные образуются в основном от непроезводных основ глаголов: например: утхур «черпалка» /утхх «черпать»/, тэвүр «подставка» /тэвх «подставить»/, маажур «грабли» /маажх «чесать»/, илүр «утюг» /илх «гладить»/, чимкүр «ухват» /чимкх «щипнуть»/, чавчур «тяпка» /чавчх «рубить»/, давшур «лестница» /давшх «лезть»/, хавчур «тиски», «пинцет» /хавчх «прищемить»/, өлгүр «вешалка» /өлгх «повесить»/, чирүл «прицеп» /чирх «тащить»/, ээрүл «веретено» /ээрх «крутить»/, бүслүр «обруч» /бүслх «опоясывать»/, зүлгүр «наждак» /зүлгх «тереть»/, хадур «серп» /хадх «жатыть»/, хааһул «занавеска» /хаах «закрывать»/, татур «задняя подпруга» /татх «тянуть»/.

В отдельных случаях имена существительные образуются от производных основ глаголов, например: эмнүл «лечение, процедура» (от эм-н- «лечить»). Приведем это слово в предложении: Теднд тус жүрглһнд өдгэ цага аппаратурар агсгдсн физиотерапевтичск энг, усна цурин эмнүл бээнэ («Х. ү.»).

Суффикс имеет четыре фонетических варианта: -ур// -үр// -ул// -үл. Этот суффикс имеет соответствия в других монгольских языках. В баоаньском языке ему соответствует суффикс -р, например: һадэр «коса» /һадэ- — «косить»/¹⁷⁹; в бурятском языке суффикс -уур// -үүр// -уул// -үүл, например: губшуур «невод» /губша «ловить неводом»/¹⁸⁰; в монгольском языке суффикс -уур// -үүр// -уул// -үүл, например: бариул «ручка»¹⁸¹; в монгольском языке суффикс -ур, например: гишгур «лестница»¹⁸².

Суффикс -ур// -үр// -ул// -үл может участвовать в образовании существительного, у которых значение инструментальности выступает не в чистом виде, а с некоторыми семантическими добавлениями, например: жигшүр «отвращение» от жигшх «брезговать», услур

¹⁷⁹ То да е ва Б. Х. Баоаньский язык, стр. 34.

¹⁸⁰ Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., «ИВЛ», 1962, стр. 56.

¹⁸¹ Орчин цагийн монгол хэл зүй. Улан-Батор, 1966, стр. 82.

¹⁸² То да е ва Б. Х. Монгольский язык, стр. 62.

«водопой» от услх «поить», кеерүл «украшение» от кеерх «украшать». В приведенных словах соответственно имеются дополнительные значения состояния, места, средства.

Суффикс -ур// -үр// -ул// -үл генетически близок суффиксу -вр, который встречается в следующих словах: һардвр «руководство», хэлэвр «смотреть», сундвр «выборы». В старописьменном монгольском языке им соответствует суффикс -бури// -бүри, например: тегегебүри «кладь» от тегеге — «класть»¹⁸³. Д. А. Павлов, изучая гласные в потоке речи, обосновал закономерность появления гласного -у// -ү вместо губно-губного -в.¹⁸⁴ О генетической близости суффиксов -ур// -үр// -ул// -үл и -вр свидетельствуют такие случаи, когда существуют два варианта одного слова типа татвр «отлив, спад» и татур «подпруга». В связи с разным звучанием суффиксов за словами, видимо, закрепились и разные лексические значения, хотя семантически они очень близки. В современном калмыцком языке суффиксы -ул// -үл и -вр являются разными суффиксами и имеют разные значения.

Суффикс -вр // -авр // -өвр // -вар // -вэр

Имена существительные с помощью указанного суффикса образуются от глагольных основ. Производные относятся к области лексической деривации. Отглагольные имена существительные образуются как от непроезводных, так и производных основ. От непроезводных основ образовались следующие слова: наавр «наклейка» от наа — «клеить», заавр «инструкция, указание» от заа — «указывать», шүү-вр «экзамен» от шүү — «проверять» «ревизовать», ясвр «исправление, починка» от яс — «исправлять, поправлять», заквр «приказ» от зак — «приказывать», шиидвр «решение, приговор» от шиид — «решить», күүндвр «разговор», «беседа» от күүнд — «говорить с кем-либо». От производных основ образовались следующие слова: ачлвр «награда» от ач-л — «наградить», дуудвр «обращение» от дуу-д — «звать»,

¹⁸³ Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык, стр. 55.

¹⁸⁴ Павлов Д. А. Современный калмыцкий язык. Элиста. Калмиздат, 1968, стр. 167.

тоолвр «мнение, рассуждение» от тоо-л—«считать», үүлдвр «производство» от үүл-д—«делать», һардвр «руководство» от һар-д—«руководить», эдлвр «использование» от эд-л—«пользоваться» и мн. другие.

В современном калмыцком языке суффикс -вр представлен еще следующими фонетическими вариантами -авр// -э -вр// -вар// -вэр, например: буслһавр «кипятильник» от буслһ—«кипятить», седвэр «инициатива, попытка» от сед—«замышлять, намереваться».

Отглагольные имена существительные с рассматриваемым суффиксом имеют значение отвлеченного действия.

В монгольском языке соответствует суффикс -вар// -вэр// -вор// -вэр, например: тасалбар «купон», олдвор «находка»¹⁸⁵. В бурятском языке соответствует суффикс -бари// -бори// -бэри, например: нугалбари «сгиб, складка» от нугал—«сгибать»¹⁸⁶.

Суффикс -лт

Имена существительные образуются от глагольных основ. Производные относятся к области синтаксической деривации. Лексические значения производящих и производных основ тождественны. Они обозначают действие. В отличие от производящих глаголов производные существительные значение действия выражают грамматическими средствами, присущими классу имен существительных.

Отглагольные имена существительные образуются от разных типов глагольных основ. От корневых непродвижных глагольных основ произошли следующие слова: өслт «рост, прирост» от өс—«расти», өсрлт «прыжок» от өср—«прыгать», тосхлт «строительство» от тосх—«строить», эрглт «вращение» от эрг—«вращаться, кружить», хаалт «препятствие, преграда» от хаа—«закрывать», бүрклт «укрытие» от бүрк—«покрывать», хэрлт «возвращение, отлив» от хэр—«возвращаться», харслт «защита» от харс—«защищать», дажрлт «ярмо, гнет» от дажр—«угнетать», ханлт «благодарность» от хан—«благодарить». От производных глагольных ос-

¹⁸⁵ Орчин цагийн монгол хэл зүй, стр. 84.

¹⁸⁶ Грамматика бурятского языка, стр. 60.

нов образовались следующие имена существительные: негдлт «единство, объединение» от негд — «объединяться, соединяться», гедрлт «ущерб, потеря» от гее-др — «теряться», мергжлт «квалификация» от мерг-ж — «совершенствоваться», церглт «служба» от церг-л — «служить», цецкэрлт «расцвет» от цецк-эр — «цвести», нөкэлт «взаимопомощь от нөк-ц — «помогать друг другу», делгрлт «развитие, расширение» от делг-р — «распространяться», девшлт «подъем, прогресс» от дев-ш — «выдвигаться, продвигаться».

Иногда суффикс -лт в терминологических словах приобретает значение предметности, например: заллт «управление» от зал «указывать».

Суффикс -лт общемонгольского происхождения. В монгольском языке имеется идентичный суффикс, например: өсөлт «рост» (от өсөх «расти»), боолт «повязка», бинт» (от боо — «завязывать»), ороолт «обертка, обмотка» (от ороо — «обернуть»). В бурятском языке существует идентичный суффикс -лта/-лто//лтэ например: амжалта «успех» (от амжа «успеть», «суметь»).

Суффикс -мж

Имена существительные с суффиксом -мж образуются в основном от глагольных основ. Например, от производных основ образовались следующие слова: үзмж «вид, наружность» от үз — «видеть», хэлэмж «присмотр, надзор» от хэлэ — «смотреть», өргмж «вдохновение, подъем» от өрг — «поднимать», күцмж «достижение, успех» от күц — «догонять, нагонять», сергмж «бодрствование, осторожность» от серг — «пробуждаться, оживать», бүрткмж «контроль» от бүртк — «проверяя, контролировать», таалмж «ласка» от таал — «ласкать», таасмж «привлекательность» от таас — «нравиться», дасмж «упражнение» от дас — «учить», хальдмж «влияние» от хальд — «влиять», өврмж «удивление» от өвр — «удивляться», иткмж «доверие» от итк — «доверять», бүрдэмж «организация» от бүрд — «организовать, создавать». От производных основ глаголов образовались следующие слова: күцэмж «успех, достижение», от күцэ — «достичь», сурһмж «воспитание» от сурһ — «учить», «воспитывать», багтамж «емкость» от багта — «вместать». За редким исключением с помощью суффикса

-мж образуются имена существительные и от именной основы, например: бахмж «восхищение» от бах — «удовольствие, радость».

Производные с суффиксом -мж относятся к области лексической деривации. Они могут иметь значение отвлеченного действия или состояния, отвлеченного качества или свойства.

Суффикс -мж общемонгольского происхождения. «В современном монгольском и бурятском языках, — как отмечал Т. А. Бертагаев, — деятельность его оживлена, и он выступает в ряду продуктивных суффиксов»¹⁸⁷.

В калмыцком языке суффикс -мж стал активным в процессе словопроизводства только в советское время.

Суффикс -лһн

Производные имена существительные с суффиксом -лһн относятся к области синтаксической деривации. Все они образованы от одной части речи — глагола. В качестве производящей основы могут выступать производные и непроизводные основы. Например, от непроизводных основ образованы следующие слова: хулдлһн «продажа, торговля», от хулд — «продавать, торговать», серглһн «пробуждение» от серг — «пробуждаться», лавлһн «подтверждение» от лавл — «осведомляться», авлһн «прием, набор» от ав — «брат». От производных основ образованы следующие: үвл-з-лһн «зимовка» от үвл-з — «зимовать», өөд-л-үл-лһн «повышение» от өөд-л-үл — «повышать», олз-л-лһн «использование» от олз-л — «приобретать, использовать». Производные основы, выступающие в роли производящих, могут быть как отглагольного происхождения (типа һар-һ-лһн «добыча» от һар-һ — «добывать», делг-р-үл-лһн «расширение» от делг-р-үл — «расширять»), так и отыменного происхождения (типа цецгэл-лһн «цветение» от цецгэл — «цвести», икд-л-лһн «увеличение» от ик-д-үл — «увеличивать»).

Имена существительные с суффиксом -лһн имеют лексические значения, которые тождественны лексическим значениям глаголов, от которых они образованы. Этим объясняется тот факт, что почти все существи-

¹⁸⁷ Бертагаев Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков, стр. 207.

тельные с суффиксом -лһн имеют очень абстрактные значения, которые конкретизируются в тексте. К примеру, что конкретно может означать отглагольное имя существительное белдлһн, образованное от глагола белд — «готовить, готовить». В разных предложениях это имя существительное приобретает дополнительные значения, которые обогащают его основное лексическое значение. Дополнительные значения разнообразны, и они обусловлены текстом, синтаксическим окружением. В современном калмыцком языке имя существительное белдлһн имеет следующие значения, контекстуально обусловленные: подготовка, заготовка, приготовление, сборы и нек. др. Например: Малын хот һарһлһнд девшлттэ технолог — сенаж, витаминн өвснэ һуйр, шимтэ гранул белдлһнд, солом силослһнд ик оньг тэвгдженэ. («Х. ү.») «Большое внимание уделяется выпуску корма для скота по прогрессивной технологии — приготовлению сенажа, витаминной сенной муки, сочных гранул, силосованию соломы». Өвс хадлһна кэдлмшт белдлһнг уданар татж болшго. («Х. ү.») «Нельзя долго затягивать подготовку к работе по сенокосу». Өвс хадлһна зура келхэрн, малын хот белдлһнд орлцх улснн тускар килмж һарһж, теднд культурн-бээцин ирлцнһү таал учрахин тускар санж тоолхн. («Х. ү.») «Выполняя план по сенокосу, необходимо проявить заботу о людях, участвующих в заготовке корма для скота, подумать о соответствующих для них культурно-бытовых условиях». В приведенных предложениях существительное белдлһн имеет три разных значения: приготовление (шимтэ гранул белдлһн «приготовление сочных гранул»), подготовка (кэдлмшт белдлһн «подготовка к работе») и заготовка (малын хот белдлһн «заготовка корма для скота»). В зависимости от текста значения могут быть и другие.

Имена существительные, образованные с помощью суффикса -лһн, по структуре можно разделить на две группы: простые и сложные. В составе простых отглагольных существительных содержится один корень, а в составе сложных — два корня. Например, к числу простых можно отнести следующие производные: тосхлһн «строительство» от тосх — «строить», хатхлһн «укол» от хатх — «колоть». К числу сложных относятся: шүүж авлһн «выбор, отбор» (например: Кадрмуд чикэр шүүж авлһнд, тедниг диглж тэвлһнд боли сурһлһнд һол онь-

ган тэвх. («Х. ү.») «Главное внимание уделять правильному отбору кадров, правильной их расстановке и воспитанию), дасж авлһн «изучение» (например: Цугсоюзин социалистическ дөрлдэнэ диилэчрин дамшлтыг дасж авлһ болн өргэр тархалһ бүрдэхмн. («Х. ү.») «Организовать широкое распространение и изучение опыта победителей Всесоюзного социалистического соревнования»).

Суффикс -ч//ач//эч

С помощью суффикса -ч//ач//эч имена существительные образуются от двух частей речи — имен существительных и глаголов. При образовании от имен существительных используется в основном один фонетический вариант суффикса -ч. Например: математикч «математик», эмч «врач» /от эм—«лекарство»/, мөрч «конюх» (от мөрн — «лошадь», адуч «табунщик» (от адун — «табун»), малч «пастух» (от мал — «скот»), шүлгч «поэт» (от шүлг — «стихотворение»), сурһульч «ученик» (от сурһуль — «учеба»), хөөч «чабан» (от хөн — «овца»), зарһч «судья» (от зарһ — «суд»), дууч «певец» (от дун — «песня»), цеггч «пехотинец» (от цегг — «армия»), жолач «ямщик» (от жола — «вожжи»), ховч «ябедник» (от хов — «ябеда»), фракторч «тракторист» (от—«трактор»), көдлмшч «рабочий» (от көдлмш — «работа»), толһач «руководитель» (от толһа — «голова»). Исключение составляет производное ацһуч «охотник», образованное от ац — «зверь», в котором на стыке корня и суффикса появилась звуковая прокладка из двух звуков -һу, именуемая интерфиксом.

В образовании отглагольных имен существительных принимают участие фонетические варианты -ач//эч. Например: һардач «руководитель» от һард—«руководить», залач «управляющий» от зал—«управлять», кирһэч «стригальщик» от кирһ — «стричь».

Между отыменными образованиями и отглагольными есть принципиальное различие, которое связано с их значением. Отыменные производные на -ч относятся к области лексической деривации. Их значения конкретны и независимы от контекста. Обычно такие производные не требуют при себе пояснительных слов. Так, в любом тексте производное үкрч будет иметь значение «гурто-

прав», т. е. человек, ухаживающий за коровами, а хээч будет иметь значение «чабан», т. е. «человек, ухаживающий за овцами». Иная картина складывается со значениями отглагольных имен существительных на -ач// -эч. Такие производные относятся к области синтаксической деривации. Их значения конкретизируются в тексте и зависимы от него. Вне контекста такие производные имеют абстрактные значения. Складывается такое впечатление, что суффикс -ач// -эч трансформирует лексические значения глаголов в класс имен существительных с общим значением «источника действия», а в тексте они обретают конкретные лексико-семантические значения «лица», «субъекта действия», «профессии», «источника действия» и т. п. Например: Николай эн совхоздан түрүн авгтан тосхачар көдлжәһэд, хөөннь тутрһ тәрэч болв. «Николай сначала в этом совхозе работал строителем, после стал рисоводом» (т. е. «сеятелем риса»). Хорха-хотн-цеврлэчнр хорлтта хорха-хотнд чидлнь күрч чаддго йовдл һардг мөн («Х. ү.»). «Выходит, что у насекомых-санитаров не хватает сил против вредных насекомых». Эн халх сән үүлдврән Күч-көлснә Улан Тугин орден зүүһэч «Степной» совхоз йилһржәнә. («Х. ү.») В этом плане выделяется хорошими делами орденоносец Трудового Красного Знамени совхоз «Степной». В приведенных трех примерах отглагольные имена существительные с суффиксом -ач//эч обозначают «профессию» (тутрһ тәрэч «рисовод»), «субъект действия» (хорха-хотн-цеврлэчнр «насекомые-санитары», букв. «насекомые-очистители») и «носителя признака» (орден зүүһэч совхоз «совхоз-орденоносец»). Поэтому, на наш взгляд, значение суффикса -ач// -эч нельзя сводить только к одному значению «лица». Значение его шире.

Производные с суффиксом -ч// -ач// -эч могут образовываться от непроеизводных и производных основ. От непроеизводных основ, к примеру, образовались следующие слова: от именных основ: туульч «сказитель» (от тууль — «сказка»), товч «артиллерист» (от тов — «пушка»); от глагольных основ: бригадын аң өскэч «зверовод бригады» (от өск — «растить»), колхозин кирһэч «колхозный стригальщик» (от кирһ — «стричь»). От производных основ образовались, к примеру, следующие слова: от именных основ: саальч «доярка» (от саа-ль «молоко разового удоя»), сурһмжлач «воспитатель» (от сур-һ-мж-л

«воспитывать»); от глагольных основ: совхозин һазр услач «совхозный поливальщик» (от ус-л—«поить»), мал услач «поильщик», Хальмг АССР-ин Деед Советин Президиумин ахлач «Председатель Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР» (от ах-л «председательствовать», «быть старшим»).

В современном калмыцком языке суффикс -ч// -ач// -эч относится к числу продуктивных.

В монгольском языке этому суффиксу соответствуют два: -ч (например: эмч «врач» от эм — «лекарство», жоолооч «водитель» от жолоо — «поводья») и -чин (например: адуучин «конюх» от адуун — «табун», хоньчин «чабан» от хонь — «овца») ¹⁸⁸. В бурятском языке соответствует суффикс -шан, например: адуушан «конюх, табунщик» (от адуун — «табун»), малшан «скотовод» (от мал — «скот»), хонишон «чабан» (от хонин — «овца») ¹⁸⁹, жолоо «поводья» и -чин (например «адуучин» «конюх» от адуун — «табун»).

Суффикс -дл

Имена существительные с помощью суффикса -дл образуются от одной части речи — глагола. Все производные относятся к области лексической деривации. Однако между ними существуют и заметные расхождения в значениях. Одни из них имеют конкретные лексические значения, например: уйдл «шов» (от уй — «шить»), нүүдл «кочевка» (от нүү — «кочевать»). Другие имеют абстрактные значения, например: бээдл «состояние», «вид» (от бээ — «быть»), йовдл «ходьба» (от йов — «идти»). Это уже зависит от конкретных значений производящих глаголов.

Имена существительные с суффиксом -дл образуются от производных и непроизводных основ. Выше мы приводили слова, образованные от непроизводных основ. Ниже приводим имя существительное, образованное от производной основы: үз-гд-л «явление» (от үз-гд-л «наблюдаться, виднеться, быть видимым»).

Суффикс -дл общемонгольского происхождения. Так, в монгольском языке есть идентичный суффикс -дал//дэл

¹⁸⁸ Орчин цагийн монгол хэл зүй, 1966, стр. 78—79.

¹⁸⁹ Грамматика бурятского языка, стр. 67.

//-дол//-дөл, например: нүүдэл «кочевье» (от нүү — «кочевать»), гүйдэл «бег» (от «гүй—бежать») ¹⁹⁰. В монгорском языке идентичный суффикс -дал, например: судал «место сидения» (от су — «сидеть») ¹⁹¹.

Отглагольные имена существительные в калмыцком языке с суффиксом -дл имеют значение «результата действия», «состояния», «процесса действия».

Суффикс -н//-эн//-ан

Имена существительные с суффиксом -н//-ан//-эн образуются от двух частей речи — глаголов и числительных. Производные относятся к области лексической деривации. Их лексические значения независимы от текста. Обычно эти имена существительные имеют общее деривационное значение «предметности». В зависимости от лексических значений производящих основ значение «предметности» конкретизируется, например, значение «предметности» присуще следующим словам: түлэн «топливо» (от түл — «топить»), ацан «груз» (от ач — «грузить»), идэн «еда, пища» (от ид — «есть»), шарклан «ревматизм» (от шаркл — «ломить в костях»). Значение «результативности» присуще таким словам: холян «смесь» (от холь — «смешивать»), наадн «игра» (от наад — «играть»), цуглран «собрание» (от цуглр — «собираться»), сольцан «смена» (от сольц — «сменить»), шууган «шум» (от шууг — «шуметь»), ниицэн «союз» (от нииц — «согласовываться; объединяться»), ноолдан «борьба» (от ноолд — «бороться»), санан «желание» (от сан — «думать»), үүмэн «паника» (от үүм — «паниковать»).

Имена существительные, образованные от числительных с помощью суффикса -н//-ан//-эн, обозначают возраст живых существ мужского пола, например: हुун «трехлетний», дөнн «четырёхлетний». Производные с суффиксом -н//-ан//-эн от основ числительных в калмыцком языке относятся к непродуктивному типу. В отличие от них производные от глагольных основ очень продуктивны. Они образуются как от производных основ (типа селв-лц-эн «совещание» от селв-лц — «совето-

¹⁹⁰ Орчин цагийн монгол хэл зүй, стр. 82.

¹⁹¹ То да е в а Б. Х. Монгорский язык, стр. 63.

ваться»), так и производных (типа селгэн «очередь, смена» от сел- «менять, сменять»).

В дунсянском языке этому калмыцкому суффиксу идентичен суффикс -н (например: тулиэн «топливо» от тулиэ — «топить»); в баоаньском языке -н (например: ачан «груз, поклажа» от ачэ — «грузить») ¹⁹².

В монгольском языке есть идентичный суффикс -аа// -аан// -ээ// -ээн// -оо// -оон// -оо// -оон, например, ачаа «груз, поклажа» (от ачих — «грузить, погрузить»/, түлээ «дрова» (от түлэх — «топить») ¹⁹³.

В бурятском языке есть идентичный суффикс -аан// -оон // -оон// -ээн// -чаан// -чоон, например: эшхэрээн «свист» (эшхэрэ «свистеть») ¹⁹⁴.

Фонетическими вариантами суффикса -н// -ан// -эн в калмыцком языке, видимо, следует признать и такие суффиксы, как -ң (например: үвлң «зимовка» от үвл-з «зимовать» и -а// -э (например: багла «связка» от багл — «завязывать», сала «обрыв» от сал — «разъединять», туна «отстой» от тун — «отстояться», бүркэ «крышка» от бүрк — «накрывать», цугла «портянка» от цугл — «заворачивать», өлгэ «колыбель» от өлг — «вешать», бөглэ «пробка» от бөгл — «закрывать»). Основанием для такого признания служат общность деривационного значения и факультативность конечного -н.

Как исключение, с помощью суффикса -н образовалось несколько имен существительных от именных основ, например: экн «ядро, семя» от эк — «мать».

Суффикс -л// -ал// -эл

Имена существительные с суффиксом -л// -ал// -эл образуются от глагольных основ. Производные относятся к области лексической деривации. Их значения разнообразны. Они означают «лицо», «результативность», «предметность» и другие абстрактные понятия. К примеру, значение «лица» присуще словам: төрл «родственник» (от төр — «родиться»), таньл «знакомый» (от тань — «знать»). Значение «результативности» присуще следующим словам: үдл «остаток» (от үлд — «остаться»), хун-

¹⁹² Годаева Б. Х. Баоаньский язык, стр. 34.

¹⁹³ Орчин цагийн монгол хэл зүй, стр. 82.

¹⁹⁴ Грамматика бурятского языка, стр. 55—56.

дл «досада» (от һунд—«досадовать»), жирһл «жизнь» (от жирһ—«жить»), санл «мысль» (от сан—«думать»), иткл «доверие» (от итк—«доверять»), дусал «капля» (от дуса—«капать»), йөрәл «благопожелание» (от йөрә—«чувствовать»), магтал «восхваление» (от магт—«хвалить»). Значение «предметности» присуще слову тежәл «корм» (от тежәх—«кормиться»).

В бурятском языке соответствует суффикс -аал//-оол// -ёөл-ээл, например: уряал «приглашение» (от ури—«звать») ¹⁹⁵.

Суффикс -ц

Имена существительные с суффиксом -ц образуются от одной части речи — глагола. Производные относятся к области лексической деривации. Для них характерно общее деривационное значение «результативности», «предметности», например, атхц «горсть» (от атх—«взять горсть»), орац «сверток» (от ора—«свертывать»), зальгц «глоток» (от зальг—«глотнуть»), хуһлц «огрызок» (от хуһл—«ломать»), урһц «урожай» (от урһ—«расти»), хэләц «взор» (от хэлә—«смотреть»), делгц «подстилка» (от делг—«стелить»), нууц «тайна» (от нуу—«скрывать»), түлкц «толчок» (от түлк—«толкать»), эргц «оборот» (от эрг—«вертеть»), зурц «зарисовка» (от зур—«рисовать»). Как исключение, значение «лица» присуще суффиксу -ц в слове зарц «слуга», которое образовано от глагола зарх «угнетать».

В современном калмыцком языке появились неологизмы с суффиксом -ц, например: бэәц «быт». Приведем это слово в предложении: Маднд, кеер көдлжәх улст, бэәцин халхар сән таал тогтав. («Х. ү.»). «Нам, работающим в степи людям, по линии быта создали хорошие условия».

Имена существительные с суффиксом -ц образуются как от непроеизводных основ, так и производных. От непроеизводных основ образовались слова: утхц «черпак» (от утх—«черпать»), түркц «мазок» (от түрк—«мазать»), өлгц «вешалка» (от өлг—«вешать»), бәрц «подношение духовному лицу», (от бәр—«держать»), һар-ц «выпуск» (от һар—«выйти»). От производных основ об-

¹⁹⁵ Грамматика бурятского языка, стр. 63.

разуются имена существительные с суффиксом -ц реже, например: эклц «начало» от эк-л «начинать».

В бурятском языке соответствует суффикс -са// -со// -сэ, например: алхаса «шаг, поступь» (от алха — «шагать») ¹⁹⁶, в монгольском языке — идентичный суффикс -ц, например: нооц «сбережения» (от ноо — «запастись») ¹⁹⁷.

Суффикс -г

Имена существительные с суффиксом -г образуются только от глаголов. Производные относятся к области лексической деривации и образуются в основном от непроемных основ, например: хавчг «щипцы» (от хавч — «сдавливаться», «сжимать»), түшг «опора» (от түш — «опираться»), будг «краска» (от буд — «марать»), хусг «кусок» (от хус — «скоблить»), засг «кара» (от зас — «карачь»), тундгаг «осадок» (от тундга — «оседать»), бичи «письмо» (от бич — «писать»), зург «рисунок» (от зур — «рисовать»), харг «оглавление» (от хар — «выходить»), хург «съезд» (от хур — «собориться»).

Суффикс -г общемонгольского происхождения. В бурятском языке есть идентичный суффикс -г, например: зураг «рисунок» (от зура — «чертить, рисовать») ¹⁹⁸. В баоаньском языке идентичный суффикс -г, например: пэджэг «письмо» (от пэджэ — «писать») ¹⁹⁹, в монгольском языке — идентичный суффикс -г, например: зураг «рисунок», бичиг «письмо» ²⁰⁰.

Суффикс -р

Имена существительные с суффиксом -р образуются от глаголов. Производные относятся к области лексической деривации и имеют значение «результативности», например: хавдр «опухоль» (от хавд — «опухать»), кевтр «лежка» (от кевт — «лежать»), немр «слагаемое» (от нем — «прибавить»), зөөр «богатство» (от зөө — «возить»). Отдельные существительные имеют значение

¹⁹⁶ Грамматика бурятского языка, стр. 61.

¹⁹⁷ Орчин цагийн монгол хэл зүй, стр. 82.

¹⁹⁸ Грамматика бурятского языка, стр. 59.

¹⁹⁹ То да е ва Б. Х. Баоаньский язык, стр. 34.

²⁰⁰ Орчин цагийн монгол хэл зүй, стр. 81.

«орудие действия», например: шүр — «сачок», «сито» (от шүү — «выбирать, отбирать»).

В бурятском языке соответствуют ему суффиксы -гн// -ра и -р например: байра «место» от бай — «быть», «находиться», бэлшээри «пастбище, выгон» от бэлшээ — «выгонять на пастбище», зоори «состояние, имущество» от зоо — «возить, таскать», болзор «срок» от болзо — болзолдо «договариваться о сроке»²⁰¹; в монгольском языке суффикс -р// -рь (например: хавдар «опухоль», нэмэр «слагаемое», хэвтэр «лежанка», образованные соответственно от глаголов хавдах «отекасть», нэмэх «добавлять» и хэвтэх «ложиться»²⁰², в монгольском языке есть суффикс -р, идентичный калмыцкому суффиксу -р, например: һадир «коса», «серп» (от һад — «косить»)²⁰³.

В прошлом с помощью суффикса -р образовывались имена существительные от основ имен существительных, например: хавср «скобки» (от хавсн — «ребро»), һазр «земля» (срав. һаза «на улице»). В современном языке подобные образования не наблюдаются.

Суффикс -да// -дэ

Имена существительные с суффиксом -да// -дэ образуются от основ существительных и прилагательных. Производные относятся к области лексической деривации и имеют значение «признака». Например, от основ прилагательных образовались следующие слова: харада «ласточка» (от хар — «черный»), Боролда — собственное имя (от бор — «серый»), Цаһада — собственное имя (от цаһан — «белый»); от основ имен существительных образовались следующие слова: үкрдэ «линь» (от үкр — «корова»), гүрвлдэ «ящерица». Суффикс относится к числу малопродуктивных.

Суффикс -ла// -лэ

С помощью суффикса -ла// -лэ образуются имена существительные от непроеизводных основ существительных,

²⁰¹ Грамматика бурятского языка, стр. 62—63.

²⁰² Орчин цагийн монгол хэл зүй, стр. 83.

²⁰³ То даева Б. Х. Монгольский язык, стр. 62.

например: ноһала «зайчонок, родившийся весной» (от ноһан—«трава»), девэлэ «зайчонок, родившийся летом» (от девэ — «луг, альпийские луга»), кирүлэ «зайчонок, родившийся осенью» (от кирү — «иней»), багла «гроздь» (от баг — «группа»), Нүүдлэ собственное имя (от нүдн — «глаз»). Суффикс -ла// -лэ относится к числу малопродуктивных.

Суффикс -у// -ү

С помощью суффикса -у// -ү образованы имена существительные от основ непроеизводных глаголов, например: һару «убыток» (от һар — «выйти»), ору «доход» (от ор — «войти»), түрү «нужда» (от түр — «нуждаться»), зергү «параллелизм» (от зергл — «поставить в ряд»). Суффикс относится к числу малопродуктивных.

Суффикс -вч

Существительные, образованные с помощью суффикса -вч, обозначают предметы, являющиеся прикрытием, футляром для других предметов, например: элквч «нагрудник» (элкн — «живот»), омрувч «нагрудник» (омру — «грудь»), күзүвч «ошейник» (күзүн — «шея»), далвч «наплечник» (дал — «лопатка»), хурвч «наперсток» (хурһн — «палец»), үзүрвч «наконечник» (үзүр — «кончик»), чеежвч «манишка» (чееж — «грудь»), ханцвч «муфта» (ханцн — «рукав»), хоңшавч «намордник» (хоңшар — «клюв»).

Имена существительные образуются от основ имен существительных. В монгольском языке идентичен суффикс -вч, например: хуруувч «наперсток» от хуруу — «палец», далавч «наплечник» от дала — «лопатка, плечи»²⁰⁴. В бурятском языке соответствует суффикс -бша// бшо// -бшэ, например: далабша «накидка» от дала — «лопатка», нюдэбшэ «повязка для глаз» от нюдэн — «глаз», оройбшо «тубетейка» от орой — «голова, темя»²⁰⁵.

²⁰⁴ Орчин цагийн монгол хэл зүй, стр. 79.

²⁰⁵ Грамматика бурятского языка, стр. 67.

Суффикс -ха//хэ

От основ производных и непроизводных глаголов образуются имена существительные с помощью суффикса-ха//хэ, например: тасрха «обрывок» (от тасрх—«порваться»), хамхрха «обломок» (от хамхрх—«ломаться»), шуурха «щель» (от шуурх—«рваться»). Суффикс относится к числу малопродуктивных.

Суффикс -нь

Имена существительные, образованные с помощью данного суффикса, составляют заметный пласт в лексике калмыцкого языка. Эти имена существительные, образованные от основ прилагательных, обозначают отвлеченные качества, свойства, признаки, например: дотркнь (от дотрк—«внутренний»), дееркнь «верх» (от деерк—«верхний»), өндрнь «высота» (от өндр—«высокий»).

Непродуктивные суффиксы

Заметную группу в калмыцком языке составляют суффиксы, которые при морфемном членении слова сравнительно легко вычленяются, но не являются продуктивными. Видимо, в прошлом они принимали активное участие в образовании новых слов, но сейчас они сохранились лишь в составе производных слов. Ниже рассмотрим их.

Суффикс -һа

В образовании существительных от основ имен существительных когда-то активно участвовал суффикс -һа, например: һолһа «толстая кишка» (һол—«сердцевина»), амһа «удила» (амн—«рот»). Сравнить: Мана аав мартчкад, мөрнәннь амһа эс авч. /«Седклин күр»/. «Наш отец, забыв, не взял удила».

Суффикс -цг

В образовании ряда имен существительных участвовал суффикс -цг, например: баһлцг «кисть руки», моһл-

цг «шар», түнгрцг «кошелек, кiset», боднцг «картофель» (ср.: бодн «кабан»), билцг «кольцо», тиирцг «панамa», хээрцг «шкатулка», тоорцг «колпак, головной убор», хорханцг «ракушка» (хорха — «червь»).

Суффикс -мг

С помощью суффикса -мг образовались имена существительные, обозначающие продукты питания, например: аадмг «сырковая масса», шүүрмг «сырок», ээдмг «молочная масса», үүрмг «крошки», өдмг «хлеб», Суффикс относится в современном языке к числу непродуктивных.

В бурятском языке идентичен суффикс -маг//-мог//-мэг (например: ээдэмэг «простокваша» от ээдэ — «кваситься, прокисать»). В монгольском языке совпадает суффикс -маг//мэг//-мог (например: хайлмаг «кушанье из растопленной пенки» от хайлах — «плавиться, таять») ²⁰⁶.

Суффикс -h//-лжн

В образовании имен существительных, обозначающих насекомых, участвовал суффикс -/h/-лжн, например: шорhлжн «муравей» /срав. шора «пыль»). Такого же образования, вероятно, и слово аралжн «паук».

Указанный суффикс, видимо, содержится в слове хорhлжн «свинец».

Суффикс -з

С помощью суффикса -з образовалось имя существительное олз «прибыль» (от глагола ол — «найти»). Других производных нет.

В бурятском языке идентичен суффикс -за// -зоj/-з например: гарза «убыток» (гара — «выходить»).

Суффикс -лң

С помощью суффикса -лң образовались имена существительные, которые имеют значение «внутреннего

²⁰⁶ Орчин цагийн монгол хэл зүй, стр. 84.

состояния», например: зовлң «скорбь, страдание, муки» (от зов—«страдать»), байсхлң «радость» (от байс — «радоваться»), серглң «бодрость», (от серг—приобретаться»).

Суффикс -дн

Существительные, образованные с помощью суффикса -дн, обозначают действие или состояние, например, инэдн «смех» (инэх «смеяться»), ханядн «кашель» (ханях «кашлять»). Существительные, образованные с помощью суффикса -дн, встречаются в современном языке редко.

В дунсянском языке ему соответствует суффикс -дун, например: шиниэдун «смех» (шиниэ — «смеяться»); в баоаньском языке соответствует суффикс -дон, например: шинэдон, «смех» (шинэ—«смеяться»); в бурятском языке — суффикс -даһан//-доһон//-дэһэн, например: энеэдэһэн «смех» (энеэ—«смеяться») и суффикс -дан //-дон//-дэн.

Суффикс -һ

К числу непродуктивных суффиксов относится суффикс -һ, например: зарһ «суд» (зарх — «посылать, отправлять»).

Суффикс -зң

Непродуктивным является и суффикс -зң, например: һээзң «пакость» (от һэ — «нехороший», ср. кишго һэ «очень плохой»).

Суффикс -уд

Иногда имена существительные образуются от глагольных основ с помощью суффикса -уд, например: йовуд «хождение» (йовх — «идти»). Суффикс относится к числу непродуктивных.

Суффикс -мш

В образовании имен существительных участвовал суффикс -мш, который относится в современном языке

к числу непродуктивных, например: көдлмш «работа» (от көдлх — «работать»).

Суффикс -мр

От непроеизводных основ глаголов образуются имена существительные с суффиксом -мр, например: үзмр «наглядность» (үзх — «видеть»). Суффикс малопродуктивный.

Суффикс -тр

От глагольной основы сал — «разойтись» образовалось существительное салтр «разветвление» с помощью суффикса -тр.

Суффикс -жн

С помощью суффикса -жн образовались имена существительные, значение которых указывает на возраст животных женского пола. Имена существительные образованы от непроеизводных основ числительных, например: гунжн «трехлетняя», дөнжн «четырёхлетняя», туулжн «пятилетняя».

Суффикс -лжн

С помощью суффикса -лжн образовались имена существительные от основ числительных, например: һурвлжн «треугольник» (от һурвн — «три»), дөрвлжн «четырёхугольник» (от дөрвн — «четыре»).

Суффикс -мл

К числу непродуктивных относится суффикс -мл, с помощью которого имена существительные образовывались от глагольных основ, например: урһмл «растение» (урһх «расти»), урсхмл «раствор» (от урсх «растворяться»).

В монгольском языке соответствует суффикс -мал// -мэл// -мол// -мөл, например: малтамал «ископаемый» (от малтах — «копать, рыть»), ургамал «растение, растительность» (от ургах — «расти»)²⁰⁷.

²⁰⁷ Орчин цагийн монгол хэл зүй, стр 83.

Суффикс -м

С суффиксом -м образовались имена существительные от глагольных основ со значением «результата действия» и «предмета», например: ишкм «шаг» (от ишкх — «шагать»), тохм «потник» (от тохх — «накладывать потник на спину лошади»).

Сравнить бурятский суффикс -м (например: алхам «шаг» от алха — «шагать») ²⁰⁸ и монгольский суффикс -м ²⁰⁹.

Суффикс -уль

С оттенком «результативности действия» выступают имена существительные, образованные с помощью суффикса -уль, например: сурһуль «учеба» (от сурһх — «учить»), зуруль «чертеж» (от зурх — «рисовать»), дахуль «спутник» (от дахх — «следовать, сопровождать»). Исключение составляет производное слово кэкүл «сосунок» (о ребенке), которое образовано от глагола кэхх «сосать».

В монгольском языке соответствует суффикс -үүрь// -үүр//-ууль, например: сургууль «учеба, занятие» (от сургах «учить, обучать») ²¹⁰.

Суффикс -мул

К числу непродуктивных относится суффикс -мул, например: һуужмул «птенчик» от һуужах — «сидеть на яйцах» (о птицах).

Суффикс -һһу

Суффикс -һһу участвует в образовании имен существительных от непроезводных основ глагола, например, хураһһу «сборник» (от хурах — «собрать»). Суффикс непродуктивный.

²⁰⁸ Грамматика бурятского языка, стр. 65.

²⁰⁹ Орчин цагийн монгол хэл зүй, стр. 83.

²¹⁰ Там же.

Суффикс -лур

Суффикс -лур относится к числу непродуктивных. С его помощью образовалось одно имя существительное от непроеизводной основы глагола — цоклур «удод» (от цокх—«бить»).

Суффикс -э/кэ

Суффикс непродуктивный. Имя существительное образуется от непроеизводной глагольной основы, например: эрвэка «бабочка» (от эрвлэх — «трепетать»).

Суффикс -/н/цг//-н/чг

От непроеизводных основ глаголов образуются имена существительные с помощью суффикса -/н/цг//-н/чг, например: шаанцг «клин» (шаах — «вбивать, забивать»), хатханчг «колючка» (хатхх — «колоть»). В настоящее время суффикс — непродуктивный.

Суффикс -кр

К числу непродуктивных относится и суффикс -кр, с помощью которого имя существительное образуется от непроеизводной глагольной основы, например: девскр «половик» (девсх «стелить»).

Суффикс -ар// -эр

От непроеизводных основ глаголов образуются имена существительные и с помощью суффикса -ар// -эр, например: хавчар «скрепка» (хавчх — «прищепить»), чимкэр «кант» (чимкх — «щипать»), бөглэр (син. таглар) «кляп» (бөглх — «закрывать»). В современном калмыцком языке этот суффикс относится к числу непродуктивных.

Суффикс -мср

С помощью суффикса -мср образовалось имя существительное от непроеизводной основы глагола — тоох «уважать», тоомср «авторитет».

Суффикс -жм

Единичные образования встречаются с суффиксом -жм, например: көгжм «музыка» (от көг — «мелодия»).

Суффикс -ш

К числу непродуктивных относится суффикс -ш, с помощью которого имена существительные образуются от непроеводной основы имени существительного, например: тоһш «баранка» (ср. төгә «колесо»), и глагола, например: идш «подножный корм» (от глагола ид — «есть»).

Суффикс -к

С суффиксом -к образовалось существительное келкә «заика» от непроеводной основы имени существительного (келн — «язык»).

Суффикс -лһ

С помощью суффикса -лһ образованы единичные имена существительные, например: хучлһ «покрывало» (от хучх — «покрываться»), суулһ «ведро» (от суух — «сидеть»). Имена существительные образованы от непроеводных глагольных основ. Суффикс является непродуктивным.

Суффикс -һ

С помощью суффикса -һ образовалось имя существительное шаңһ «уполовник, ковш».

В бурятском языке ему соответствует суффикс -га// -/-го// -г сравнить: шанага «ковш» (от шана — «варить»).

Суффикс -/д/һа

С помощью суффикса -/д/һа образовались имена существительные от непроеводных основ глагола, например: наадһа «кукла» (от наадх — «играть»), боодһа «пачка, связка» (от боох — «связывать»).

Суффикс -/н/жл

Суффикс -/н/жл участвовал в образовании имен существительных сернжл «занавеска, марля», конжл «одеяло».

Суффикс -/а/сн

Суффикс -/а/сн участвовал в образовании отглагольных имен существительных со значением «предмета», например: хадасн «гвоздь» (от хадх — «прибивать»).

В монгорском языке ему соответствует суффикс -се, например: һадасе «гвоздь» от һада — «вбивать»²¹¹.

Суффикс -вш

К числу непродуктивных относится и суффикс -вш, с помощью которого имя существительное образовалось от непроезводной основы имени прилагательного, например: көквш «синица» (от көк — «синий»).

Суффикс -гчн

Суффикс -гчн участвовал в образовании имен существительных, служащих для обозначения животных женского пола по их масти /цвету/. Имена существительные образовались от непроезводных основ имен прилагательных, например: улагчн «краснушка» (от улан — «красный»), харгчн «чернушка» (от хар — «черный»), шаргчн «сайгачиха», буквально «желтушка» (срав. оон «самец-сайгак»).

Суффикс -лжрһн

Суффикс -лжрһн в современном калмыцком языке является непродуктивным. Производные с ним представляют собой единицы, например: көглжрһн «голубь» көк — «голубой»). С помощью этого суффикса образуются имена существительные и от основ существительных, например: темэлжрһн «стрекоза» (от темән — «верблюд»).

²¹¹ Го да е ва Б. Х. Монгорский язык, стр. 63.

Суффикс -тнха

С помощью суффикса -тнха образовано существительное устнха «волдырь» (от усн — «вода»).

Суффикс -ж

Суффикс -ж относится к числу непродуктивных. С его помощью образуются имена существительные от непроизводных основ прилагательных, например: кәж «плесень» (от көк — «зеленый»).

Суффикс -т

От основ прилагательных имена существительные могли образовываться и с помощью суффикса -т, например: ишклт «кислота» (ишкл «кислый»). В прошлом этот суффикс, видимо, был очень продуктивным, т. к. имеется значительное количество производных (типа номт «ученый»).

Суффикс -нху

С помощью суффикса -нху образовались имена существительные от основ прилагательных, например: шарнху «желтизна» (от шар — «желтый»).

Суффикс -лжн

С помощью суффикса -лжн образовались имена существительные от непроизводных основ имен прилагательных, например: шарлжн «бурьян» (от шар — «желтый»).

Суффикс -һн

Суффикс -һн принимал участие в образовании имени существительного от непроизводной основы прилагательного, например: мәрн улаһн «калина», где улаһн образовалось, видимо, от ула/н/ красный+суффикс -һн.

Суффикс -шң

Суффикс -шң вычленяется в слове бәэшң «крепость»,

которое образовано от глагола бээх «быть». Суффикс относится к числу непродуктивных.

Суффикс -h//ha

Имена существительные, образованные с помощью суффикса -h, обозначают людей, например: баавha «баба» (срав.: баав «мать», баажa «брат»), авh «дядя» (срав.: аав «дед»).

Суффикс -гн

С помощью суффикса -гн в калмыцком языке образованы имена существительные типа эмгн «старуха», өвгн «старик», бергн «старшая невестка» (срав. бер «невестка»), күргн «зять».

В монгольском языке соответствует суффикс -ган// -гэн, например: эмгэн «старушка», бэргэн «старшая невестка», удган «шаманка».

Суффикс -тн

Имена существительные, образованные с помощью суффикса -тн, имеют собирательное значение, например: эмтн «люди», (от эмн—«жизнь»), живртн «крылатые» (от живр—«крыло»), хумстн «когтистые» (от хумсн—«когти»).

2. СУФФИКСАЛЬНЫЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Продуктивные суффиксы

Суффикс -a//-э

При помощи суффикса -a// -э образуются притяжательно-относительные прилагательные от основ имен существительных, например, хөөнэ махн «баранье мясо», үкрэ махн «говяжье мясо», цэргэ хувцн «военная одежда», мөрнэ махн «конское мясо», өөмлнэ хувцн «купальный костюм», /от өөмлн—«купание», өөмх -- «купаться»/.

Притяжательно-относительные прилагательные об-

разуются как от производных основ существительных, так и непродводных. Их образование относится к области синтаксической деривации. Значения их зависимы от текста, синтаксического окружения.

Суффикс -лыг//-рлыг

К числу продуктивных относится суффикс -лыг//-рлыг. Относительные прилагательные, образованные с помощью названного суффикса от основ имен существительных, выражают полноту какого-либо качества или свойства, например: ухарлыг күн «умный человек» /от ухан — «мысль»/, махлыг күн «полный человек», «дорожный» /от махн — «мясо»/, урлыг «умелый» /от урн — «мастер»/.

В бурятском языке идентичен суффикс -лиг, например: уһалиг «изобилующий водой».

Суффикс -рхг//-ркг

Живым и продуктивным в калмыцком языке является суффикс -рхг//-ркг, обозначающий обилие чего-либо, например: ус-рхг «водянистый» /от усн—«вода»/, нойрхг «властный» /от нойн—«князь»/, дээсрхг «воинствующий» /от дээсн—«враг»/, үсрхг «волосатый» /от үсн — «волос»/, бийрхг «вызывающий» /от бий—«я»/, йосрхг «недантический» /от йосн—«закон»/, чолурхг «каменистый» /от чолун — «камень»/, эзрхг «властный» /от эзн — «власть»/, ээмрхг «плечистый» /от ээм — «плечо»/, уулархг «гористый» /от уул — «гора»/.

В бурятском языке есть идентичный суффикс -рхаг// -рхэг//-рхог, например: шулуурхаг «каменистый».

Прилагательные с суффиксом -рхг//-ркг относятся к области лексической деривации. При их образовании в роли производящих основ обычно выступают основы имен существительных.

Суффикс -сг

Очень много прилагательных от основ имен существительных образовано с помощью суффикса -сг, например: махсг «любящий мясо» /от махн — «мясо»/, нөөрсг /от нөр — «сон»/, хурсг «дождливый» /от хур —

«дождь»/, ннэгсг «дружелюбный» /от ннэг — «друг»/. Производные прилагательные относятся к области лексической деривации.

Суффикс -та//тэ

Другим продуктивным суффиксом является -та//тэ. С помощью этого суффикса образуются качественные и относительные прилагательные от основ существительных. Суффикс -та//тэ имеет значение «имеющий или содержащий что-либо», например: ичртэ «имеющий стыд», «конфузливый» /от ичр — «конфуз»/, яста «содержащий кости», «костистый» /от ясн — «кость»/, цус-та «содержащий кровь», «кровоавый» /от цусн — «кровь»/, хатхмрта «кружевной» /от хатхмр — «кружево»/, хамтхаста «лиственный» /от хамтхасн — «лист»/, «хундлта «обидный» /от хундл — «обида»/, билгтэ «талантливый» /от билг — «способность»/, ухата «умный» /от ухан — «ум»/.

С помощью этого суффикса имена прилагательные образуются от производных и непродводных основ существительных, например: сэн айста «благозвучный», цаһан саната «благодушный», тоомср-та номт «почетный ученый».

В бурятском языке соответствует -тай/-тэй/-той, например: шингтэй «влажный» /от шинг — «влажность»/, хүсэтэй «сильный» /от хүсэн — «сила»/.

Производные прилагательные с суффиксом -та//тэ относятся к области синтаксической деривации. Их значения конкретизируются в зависимости от текста, в котором они употребляются. Этим отличаются синтаксические дериваты от лексических.

Суффикс -шг//-шн

С помощью суффикса -шг//шн образуются качественные прилагательные со значением «подобный чему-либо», например: залушн «мужественный» /от залу — «мужчина»/, килцшг «бархатистый» /от килц — «бархат»/, күүншн «человекообразный» /от күн — «человек»/, алтншн «подобный золоту» /от алтн — «золото»/, цаһашг «беловатый» /от цаһан — «белый»/.

В бурятском языке соответствует суффикс -шуу//

-шүү, например: алтаншуу «похожий на золото», халхиншуу «подобный ветру» от халхин — «ветер».

Производные прилагательные на -шг//-шц относятся к области лексической деривации. Образуются они от основ имен существительных.

Суффикс -вр//-втр//-вцр//-цр

С помощью указанного суффикса прилагательные образуются от основ прилагательных, обозначающих цвета. Суффикс -вр//-втр указывает на степень окраски, например: цаһавр «белесый» /от цаһан—«белый»/, улавр, улавтр, «красноватый» /от улан—«красный»/, харвтр, харцр «черноватый» /от хар — «черный»/.

Суффикс -к

Прилагательные с суффиксом -к образуются от основ прилагательных типа икнк «самый большой» /от ик— «большой» и от основ наречий /типа кезэнк «давнишний»/, /от кезэнэ «давным-давно»/. В современном калмыцком языке производные прилагательные с суффиксом -к относятся к области лексической деривации. Они очень часто употребляются в речи. Приведем еще примеры: Маңдурк урһцд — эндрк килмж. «Завтрашнему урожаю — сегодняшнее внимание».

Суффикс -хн//-кн

Посредством суффикса -хн//-кн образуются качественные прилагательные с уменьшительно-ласкательным значением. Это один из самых продуктивных суффиксов в калмыцком языке, с помощью которого образуются качественные прилагательные, например: сээхн «хорошенький» /от сэн — «хороший»/, нэрхн «тоненький» /от нэрн — «тонкий»/, уйхн «гибкий» /от уйн—«гибкий»/. Производные прилагательные с суффиксом -хн//-кн образуются от основ прилагательных и относятся к области лексической деривации.

Суффикс -мһа//-мха//-мһэ//-мхэ

С помощью суффикса -мһа//-мха образуются прилагательные от основ глагола, например: мартмһа «беспа-

мятный» /от мартх — «забывать»/, келмнэ «говорливый»// от кел — «говорить»/, олмнэ «догадливый» /от ол — «найти»/, идмнэ «едкий» /от идх — «есть»/, кеермхэ «любящий наряжаться» /от кеерх — «украшаться»/, бурмха «болтливый» /от бурх — «болтать»/, шунмнэ «активный» /от шун — «стараться»/, чадмнэ «способный», «умелый» /от чад — «мочь»/.

Прилагательные, образованные с помощью названного суффикса, имеют общее значение «склонный к какому-либо действию». Суффикс относится к числу продуктивных, а производные — к области лексической деривации.

В монгольском языке соответствует суффикс -мгай// -мхий// -мхой// -мгий// -мтгай// -мтгой// -мтгий, например: оромтгой «вхожий» /от орх — «войти»/. В бурятском языке соответствует суффикс -мхай// -мхэй// -мхой// -мгай// -мгэй// -мгой, например: мартамхай «забывчивый», гоожомхой «протекающий» /от гоожо — «течь»/, шадамгай «умелый» /от шада — «уметь»/, ханамгай «догадливый» /от хань — «вспоминать»/.

В современном калмыцком языке производные с суффиксом -мнэ// -мха// -мнэ// -мхэ встречаются очень часто.

Суффикс -мг

Прилагательные с суффиксом -мг образуются от одной части речи — глагола. Производные относятся к области лексической деривации. В основном они образуются от непроезженных основ, например: зөрмг «смелый» /от зөр — «стремиться к чему-либо»/, үүрмг мелкий /от үүрх — «раздробиться, размельчаться»/, көөмг «пухлый», «опухший» /от көөх — «пухнуть»/, чадмг «ловкий» /от чадх — «мочь»/.

Суффикс -мг общемонгольского происхождения, т. к. идентичные суффиксы есть и в монгольском /например: чадмг «умелый», зоримог — «смелый», уйрмэг «сыпучий» /и в бурятском языках, /например: ядамаг — «немогущий»/.

Суффикс -у// -ү

Живым и продуктивным является в калмыцком языке суффикс -у// -ү, с помощью которого образуются при-

лагательные от основ производных глаголов, например: хагсу «сухой» /от хагс — «сохнуть»/, эргү «глупый» /от эрг — «крутиться»/, салу «отдельный» /от сал — «разойтись»/, тару «разбросанный» /от тар — «рассеять»/, һуцню «гнусавый» /от һуцн — «гнусавить»/.

Производные прилагательные с суффиксом -у// -ү относятся к области лексической деривации.

Суффикс -г

К числу продуктивных можно отнести суффикс -г, с помощью которого образуются прилагательные от основ производных глаголов, например, омгрхг «горделивый» /от омгрх — «гордиться»/, сергг «оживленный» /от сергх — «оживляться»/, зүүлг «дурной» /от зүүлх — «дуреть»/. Производные прилагательные относятся к области лексической деривации.

Суффикс -һр// -хр

Прилагательные с суффиксом -һр// -хр образуются от глагольных основ. Производные относятся к области лексической деривации. Образуются они как от производных, так и от производных основ. К примеру, от производной основы образованы следующие слова: матьхр «кривой» /от мати — «гнуть, кривиться»/, сөрсхр «стоящий дыбом» /от сөрсә — «взъерошиться»/, унжһр «свисающий» /от унж — «свисать»/, сертхр «торчащий» /от сертә — «выступать, торчать»/, монтхр «круглый» /от монца — «быть выпуклым»/, лаңхр «открытый» /от лаңха — «знять»/. От производной основы, например: бөгдһр «горбатый» /от бөгди — «горбиться»/.

Непродуктивные суффиксы

В современном калмыцком языке имеется целый ряд суффиксов, которые вычлняются в составе производных прилагательных, но не являются продуктивными. К их числу можно отнести следующие суффиксы: -һн /например, номһн «молчаливый» образовался от основы имени существительного ном — «книга», «учение»/, -р /например, күчр «тяжелый», «сильный» от күчн — «сила»/, -рг /например, төгрг чирә «круглое лицо» от төгә — «коле-

со»/, -рун /например, модьрун «грубый» от мод — «дерево»/, -вку- /например, усвуку «водянистый» от ус — «вода»/, -улц /например, утулц мөрн чирэ «продолговатое лицо», букв. «удлиненное как у лошади лицо»/, -ңкг// -цхг /например, муңхг «глупый» от му — «плохой», икңкг «пребольшой» от ик — «большой»/, -ңһу// -ңһү /например, харңһу «темный» от хар — «черный»/, -ң /например, доһлң «хромой» от доһл — «хромать», дүүрң «полный» от дүүр — «наполняться»/, -мр /например, өлгмр «вязанный» от өлг — «вязать», хатмл «сухощавый» от хат — «сохнуть», будмл «крашенный» от буд — «марать»/, -цн /например, эцн «худой» от эц — «худеть»/ и нек. др.

3. СУФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ

Продуктивные суффиксы

Суффикс -т// -д

С помощью суффикса -т// -д образуются глаголы от имен существительных, прилагательных и наречий. Производные глаголы от имен существительных имеют значение «создавать известное качество или состояние», например: гемтх «болеть» (гем — «болезнь»), шавтх «пораниться» (от шав — «ранение»), киртх «грязнеть» (от кир — «грязь»). Производные глаголы от имен прилагательных и наречий имеют значение «делаться, становиться каким-то», например: күрңгтх «буреть» (от күрң — «коричневый, бурый»), цоохрдх «пестреть» (от цоохр — «пестрый»), уладулх «делать красным, оказываться чрезмерно красным» (от улан — «красный»), халудх «нагреваться» (от халун — «горячий»), муудх «делаться плохим» (от му — «плохой»), сээдх «быть хорошим» (от сэн — «хороший»), цеврдх «очищаться» (от цевр — «чистый»), сохрдх «ослепнуть» (от сохр — «слепой»), арһулдх «не торопиться» (от арһул — «медленно»). Производные глаголы с суффиксом -т// -д образуются и от основы числительного, например: негдх «соединяться» (от нег — «один»), хойрдх «удвоиться» (от хойр — «два»). Такие глаголы имеют значение «увеличиваться».

Все глаголы с суффиксом -т// -д относятся к числу переходных глаголов.

Суффикс -д// -эд

С помощью суффикса -д// -эд образуются глаголы от имен существительных со значением «осуществлять что-либо», «делать что-либо», например: ширдх «красить» (от шир — «краска»), маажурдх «боронить» (от маажур — «борона»), күзүдх «обвить шею» (от күзүн — «шея»), нерэдх «назвать» (от нерн — «имя»), дуудх «звать» (от дун — «голос»).

Все глаголы с суффиксом -д// -эд относятся к числу переходных глаголов.

Суффикс -ц

Глаголы с суффиксом -ц образуются от основ имен существительных и прилагательных, например: үгцх «условиться, договориться» (от үг — «слово»), эвцх «мириться» (от эв — «мир», «согласие»), хэрүцх «огрызаться» (от хэрү — «ответ»), эдлцх «стать одинаковым» (от эдл — «одинаковый»), зарһцх «судиться» (от зарһ — «суд»), көзрцх «играть в карты» (от көзр — «карты»).

Производные глаголы с суффиксом -ц, имея значение «совершать обоюдное или совместное действие», относятся к числу непереходных глаголов.

Суффикс -л

С помощью суффикса -л образуются глаголы от основ имен существительных и прилагательных. Производные глаголы от имен существительных имеют значение «совершать что-либо», «делать что-либо», например: товчлх «застегивать» (от товч — «пуговицы»), сүрглх «собираться стадами» (от сүрг — «стадо, стая»), репетицлх «репетировать» (от репетиц — «репетиция»), олзлх «использовать» (от олз — «польза, выгода»), темдглх «отмечать» (от темдг — «примета, признак») төрклх «гостить у своих родителей» (от төркн — «родители, родня»), тавглх «вставать на ноги» (от тавг — «стопа, ступня»), мөрлх «премировать» (от мөр — «премия»), нерлх «звать по имени» (от нерн — «имя»), зарлх «объявлять», «оповещать» (от зар — «объявление, извещение»), давслх «подсолить» (от давсн — «соль»).

Производные глаголы от имен прилагательных име-

ют значение «создавать известное качество или признак», например: батлх «укреплять» (от бат — «крепкий»), мөцклх «увечковечить» (от мөцк — «вечный, вечность»), сээлх «улучшать» (от сэн — «хороший»), дулалх «утеплить» (от дулан — «теплый»), шарлх «желтеть» (от шар — «желтый»).

Производные глаголы с суффиксом -л относятся к числу переходных глаголов.

Фонетическим вариантом суффикса -л будет суффикс -н, который имеет идентичное значение при образовании как от имен существительных, так и имен прилагательных, например: эмнх «лечить» (от эм — «лекарство»), гемнх «обвинять» (от гем — «вина»), зацнх «капризничать» (от зац — «характер»). Звук -л переходит в звук -н в результате ассимиляции с рядом стоящими звуками.

Суффикс -р

Глаголы с помощью суффикса -р образуются от основ имен существительных и прилагательных. Производные глаголы имеют значение «приходить в какое-либо состояние» или «подвергаться какому-либо воздействию», например: көгшрх «стареть» (от көгшн — «старый»), сээрх «поправиться» (от сэн — «хороший»), үмкэрх «перегнить» (от үмкэ — «затхлый, гнилой»), эжгэрх «опустеть» (от эжго — «пустынный»), халурх «становиться горячим» (о природе) (от халун — «горячий»), батрх «укрепляться» (от бат — «крепкий»), өнчрх «осиротеть» (от өнчн — «сирота»), уларх «становиться красным» (от улан — «красный»), угарх «становиться бедным», «беднеть» (от уга — «отсутствие»), көкрх «синеть» (от көк — «синий»).

Производные глаголы с суффиксом -р относятся к числу непереходных глаголов.

Суффикс -ж//-ш

Глаголы с помощью суффикса -ж//-ш образуются от основ имен прилагательных. Производные глаголы имеют значение «делаться, становиться таким-то», например: байжх «богатеть» (от байн — «богатый»), холжх

«удаляться» (от хол — «далекий»), ховржх «редеть» (от ховр — «редкий»).

Производные глаголы с суффиксом -ж относятся к числу непереходных глаголов.

Суффикс -рх

С помощью суффикса -рх образуются глаголы от основ имен существительных, глаголов и прилагательных. Производные глаголы имеют значение «показывать, проявлять какое-либо качество, признак», например: сээрхх «важничать» (от сэн — «хороший»), догшрхх «ожесточаться» (от догшн — «свирепый», «сильный»), икрхх «высокомерничать, заноситься» (от ик — «большой, крупный»), нээжрхх «вести себя по-дружески» (от нээж — «друг, приятель»), байжрхх «хвастаться своим богатством» (от байж — «богатеть»), насрхх «кичиться возрастом» (от насн — «возраст»).

Производные глаголы с суффиксом -рх относятся к числу непереходных глаголов.

Суффикс -ш

Глаголы с помощью суффикса -ш образуются от основ имен существительных и прилагательных. Производные глаголы имеют значение «проявлять какое-либо качество или признак», например: зөргшх «проявлять смелость» (от зөрг — «смелость, отвага, храбрость»), омгшх «гордиться» (от омг — «гордый, надменный»), нутгшх «долго находиться в одной местности» (от нутг — «родное место»), бээршх «жить оседло», «долго жить в одной местности» (от бээрн — «место»), деершх «быть лучшим» (от деер — «наверху»).

Производные глаголы с суффиксом -ш относятся к числу непереходных глаголов.

Непродуктивные суффиксы

В калмыцком языке легко вычленяются несколько суффиксов, которые в современном словообразовании не проявляют своей активности. К их числу относятся: -ч (например: усчх «плыть» от усн — «вода»), -з (например: үвлзх «зимовать» от үвл — «зима»), -дк (например:

цевдрдкх «чистить, обелить»), -тх (например: муутхх «кляузничать» от му—«плохой»), -лр (например: цуглрх «собратся» от цуг—«весь»), -лк (например: деерлхх «проявлять превосходство», «быть высокомерным»), -жңн (например: жиржңнх «журчать» от звукоподражательного слова жир-жир; күржңнх «грохотать» от күр-күр; шаржңнх «греметь» от шар-шар), -с (например: хужрсах «испытывать недостаток в соли» от хужр — «солончак») и нек. др.

4. СУФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ НАРЕЧИЙ

Продуктивные суффиксы

Суффикс -гшан// -гшән// -кшан// -кшән

С помощью суффикса -гшан// -гшән// -кшан// -кшән наречия образуются от основ имен существительных, прилагательных, наречий, послелогов. Все они имеют значение либо «места», либо «направления», например: пазагшан «наружу» (от һаза — «вне», на улице)/, ардакшан «назад», «позади» /от ард — «сзади», «за спиной»/, өмнэгшән «вперед» /от өмн — «перед, передний»/, цаарагшан «дальше» /от цааран — «дальше, далее»/ деерэгшән «вверх» /от деер — «наверху», «вверху»/, доракшан «вниз» /от дора — «низкий»/, дотракшан «вовнутрь» /от дотр — «внутренности»/.

Суффикс -аһа// -әһә// -һа// -һә

С помощью суффикса -аһа// -әһә наречия образуются от основ имен существительных, наречий, местоимений, например: үвләһә «зимой» /от үвл — «зима»/, намраһа «осенью» /от намр — «осень»/, зунаһа «летом» /от зун — «лето»/, эртинәһә «раньше, прежде» /от эртинә — «раньше»/, тендәһә «тогда» /от тенд — «там»/.

Производные наречия приобретают значение времени.

Суффикс -дан// -дән// -тан// -тән

Наречия с помощью суффикса -дан// -дән// -тан// -тән образуются от основ прилагательных, существительных,

наречий, например: дурндан «своевольно» /от дурн — «желание, охота»/, зэрмдэн «иногда, отчасти» /от зэрм — «некоторый, частичный»/, талдан «обособленно, отдельно», «другой» /от тал — «сторона», «место»/, ондан «обособленно, нейтральный» /от онц — «особый, особенный»/. Производные наречия имеют значение «признака».

Суффикс -д

С помощью суффикса -д наречия образуются от основ наречий, существительных, прилагательных, например: мөңкинд «навечно, навсегда» /от мөңкпн — «вечный»/, оньдинд «всегда» /от оньдин — «всегда»/, даңгинд «всегда, постоянно» /от даңгин — «постоянный»/.

Производные наречия имеют значение «обстоятельства».

Суффикс -аран// -эрэн

Наречия с помощью суффикса -аран// -эрэн образуются от основ наречий, существительных, например: өмэрэн «вперед» /от өмн — «перед, передний»/, цааран «дальше, далее» /от ца — «за, сзади»/. Производные наречия имеют значение «направление».

Суффикс -улн

С помощью суффикса -улн образуются наречия от основ числительных, например, тавулн йовла «шли пятером» /от тавн — «пять»/, хурвулн одла «пошли вторым» /от хурвн — «три»/. Производные наречия приобретают значение «совместности».

Непродуктивные суффиксы

В калмыцком языке имеются суффиксы, которые не принимают активного участия в образовании новых наречий, например: -кэн/шинкэн «только что» от шин — «новый»/, -хн /одахн «недавно» от ода — «теперь, сейчас»/. Мы их относим к числу непродуктивных.

1. СПОСОБ СЛОЖЕНИЯ

Сложение после суффиксации в калмыцком языке является наиболее активным способом образования новых слов. Различие между суффиксацией и сложением сводится к тому, что при суффиксации производное слово мотивировано одной основой, а при сложении — двумя. При сложении новое слово образуется путем объединения в одну лексическую единицу двух знаменательных слов, основ, корней.

Сложные слова представляют собой не сумму входящих в него компонентов /слов, основ, корней/, а лексико-грамматическую единицу, новую единицу словарного состава. Например: көл-һар «конечности» /букв. «ноги-руки»/, орн-нутг «страна» /букв. «страна-кочевье»/, эк-толһа «порядок» /букв. «начало-голова»/.

Следует различать чистое сложение и сложение, сопровождаемое суффиксацией. Чистое сложение мы имеем в том случае, если слово образуется в результате соединения в одно целое двух корней без каких-либо дополнительных словообразовательных суффиксов, например: хур-чиг «влажность» /букв. «дождь-сырость»/, зерзев «оружие», эв-арһ «способ, метод», эд-тавр «товар». Сложное слово возникает и в результате объединения производных основ, например күүкд күн «женщина», көвүд-күүкд «дети».

Производные, возникающие в результате сложения, в монголистике больше известны как парные слова. Мы в нашей работе за ними тоже сохранили их традиционное обозначение с тем, чтобы отличать их от других сложных слов, возникающих другими способами /путем удвоения, сращения/.

Имена существительные, образованные способом сложения

Парные имена существительные в отличие от других сложных слов в калмыцком языке возникают на базе сочетаний слов с сочинительной связью. Несмотря на генетическую связь парных слов с соответствующими сочетаниями слов между ними существует принципи-

альное различие. Парное слово всегда является единицей словарного состава и в предложении характеризуется цельнооформленностью. Цельнооформленность парных имен существительных в калмыцком языке проявляется в единстве ударения, в отсутствии интонации перечисления входящих в него компонентов /что характерно для сочетаний слов/, в грамматической нейтрализации первого компонента /основы, корня/, в строгом порядке следования компонентов, в наличии единой парадигмы.

Семантический анализ парных имен существительных позволяет их разделить на несколько групп.

Парные имена существительные, образованные из слов-синонимов

К этой группе относится значительное количество слов. Эти имена существительные обычно имеют абстрактное или собирательное значение. Срав.: элгн-садн «родня» /букв. «родной-кровный»/, хог-бог «мусор» /букв. «труха-сор»/, ө-һундл «печаль» /букв. «обида-печаль»/, э-чимэн «отзвук» /букв. «звук-отзвук»/, нэр-наадн «пир, веселье» /букв. «праздник-игра»/, хур-чиг «влага, влажность» /букв. «дождь-сырость»/ арһ-чидл «возможность» /букв. «возможность-сила»/, ичр-һутр «стыд» /букв. «стыд-совесть»/, гегэн-герл «свет» /букв. «свет-свет»/, темдг-мөр «след» /букв. «знак-след»/, эң-зах «край, граница» /букв. «ширина-край»/, өслт-өргмж «рост» /букв. «рост-подъем»/.

Парные имена существительные, образованные из слов, принадлежащих одному семантическому полю²¹²

К этой группе относится значительное количество слов. С учетом семантики составляющих их компонентов производные можно подразделить на следующие подгруппы: 1. Термины родства: ах-дү «братья» /букв. «старший-младший»/, эк-эцк «родители» /букв. «мать-отец»/, ээж-аав «родители» /букв. «бабушка-дедушка»/.

²¹² Термин «семантическое поле» нами употребляется в значении «совокупности слов и выражений, составляющих тематический ряд». см. Ахманова О. С. «Словарь лингвистических терминов», М., «Просвещение», 1966.

2. Слова, обозначающие части тела: къл-һар «конечности» /букв. «ноги-руки»/, чирэ-зүсн /букв. «лицо-цвет»/, һол-судцн «аорта» /букв. «сердцевина-вена»/, толһа-шиир «конечности» /букв. «голова-ножки»/. 3. Слова, обозначающие пищу, продукты: хот-хол «пища», эдл-ууш «продукты», үсн-чигән «все молочное», зер-земш «овощи». 4. Слова, связанные с хозяйством калмыков: гер-мал «хозяйство» /букв. «дом-скот»/, мал-адусн «скот» /букв. «скот-животные»/. 5. Слова, обозначающие насекомых, животных: хорха-меклә «мелочь» /букв. «насекомое-лягушка»/. 6. Слова, обозначающие абстрактные понятия: ухан-күцл «идея», учр-утх «смысл» /букв. «причина-содержание»/, санан-седкл «мнение» /букв. «мысль-желание»/, санан-серл «сознание» /букв. «мысль-дух»/, өр-өвч «душа». 7. Религиозные термины: бурхн-шажн «буддизм» /букв. «бог-религия»/. 8. Слова, обозначающие явления природы: чиг-боран «ненастье» /букв. «сырость-буран»/, усн-цасн «слякоть»/, /букв. «вода-снег»/. 9. Слова, обозначающие предметы домашнего обихода: хувцн-хунр «одежда», сур-деесн «веревка», ааһ-сав «посуда», ор-дер «постель» /букв. «кровать-подушка»/, өлг-эд «имущество». 10. Слова, обозначающие размеры, цвет, признаки, например: өөкн-чолун «галька», укр-чолун «булыжник», мөри ялмн «тушканчик», «хө-бөөлжрһн «рябина», оошк цецг «роза».

Парные имена существительные, образованные из антонимичных по значению слов

К этой группе относится незначительное количество имен существительных, например: олз-ору «прибыль» /букв. «прибыль-доход»/, өдр-сө «сутки» /букв. «день-ночь»/.

Парные имена существительные, образованные из слов, соотносящихся между собой по значению как общее и частное

К этой группе относятся парные слова типа: аң-адусн «зверье», /букв. «зверь-животное»/, күмн-эмтн «человечество» /букв. «человек-люди»/, ө-модн «лес» /букв. «тайга-дерево»/, үрн-садн «дети» /букв. «ребенок-родственники»/.

При сложении некоторые основы, корни могут повторяться в нескольких производных. Так, к числу повторяющихся компонентов в калмыцком языке можно отнести: усн /өвсн-усн «родина», һазр-усн «место-жительство»/, тоосн /өвсн-тоосн «сено», шора-тоосн «пыль»/, жирһл /нәр-жирһл «праздник», бөөдл-жирһл «жизнь»/, бүл /гер-бүл «семья», өрк-бүл «семья»/, садн /төрл-садн «родня», элгн-садн «родня», үрн-садн «дети»/, диг /то-диг «порядок», диг-даран «порядок»/, чидл /күчн чидл «мощь», чидл-медрл «знания»/, нәр /нәр-жирһл «праздник», нәр-наадн «праздник»/.

Парные слова широко употребляются во всех стилях калмыцкого литературного языка. Так, например, в романе современного калмыцкого писателя Тимофея Бембева «Бамб цецг» использовано 77 существительных, представляющих собой парные образования. Например: шикр-балта «сладости», нүдн-амн болх «проявлять заботу /букв. «глаза-рот»/, элгн-садн «родственники», диг-даран «порядок», нәр-жирһл «праздник», хог-бог «сор», то-диг «счет», тоорм-тоосн «пыль», өрк-бүл «семья», зер-зев «оружие», сур-деесн «веревка», үг-күр «беседа», чирэ-зүсн «внешность», нәр-наадн «веселье», гер-бүл «семья», ээж-аав «родители», зөв-учр «причина», эк-эцк «родители», мал-гер «хозяйство», күүтр-хотн «поселение», эв-арһ «способ», зовлң-түрү «переживания», орн-нутг «страна», керг-үүл «дело», өдр-сө «сутки», хур-чиг «влага», ухан-седкл «разум», хувцн-хунр «одежда», һазр-усн «родина», эдл-аху «хозяйство», хов-худл «сплетни», күчн-чидл «сила», ор-дер «постель», эрдни-шишэ «күкуруза», дән-дажг «война», байр-жирһл «счастье», ааһ-сав «посуда» и др.

Имена прилагательные, образованные способом сложения

Значительное количество прилагательных в калмыцком языке образовалось путем сложения. Они образуются по тому же принципу, что и имена существительные, поэтому производные имена прилагательные удобно тоже называть парными словами, например: түрү-зүдү цаг «бедственное время», хар алг мөрн «черно-бурья лошадь». Все парные прилагательные по семантике можно разделить на группы:

Прилагательные, обозначающие различные цветовые оттенки: хар-улан «смуглый» /букв. «черный-красный»/, шар-цоохр «желто-пестрый» /букв. «желтый-пестрый»/, бор-цоохр «серо-пестрый» /букв. «серый-пестрый»/, хар-цоохр «черно-пестрый» /букв. «черный-пестрый»/, хар-алг «черно-пестрый» /букв. «черный-пестрый»/, шар-улан «желто-красный», цусн-улан «алый» /букв. «кровь-красный»/, оошк-улан «розовый» /букв. «розовый-красный»/.

Прилагательные, обозначающие человеческие качества, свойства, признаки, например: байрта-бахта «жизнерадостный» /букв. «радостный-восхищенный»/, далта-ээмтэ «широкоплечий» /букв. «с лопаткой-с плечом»/ нүдтэ-нүүртэ «глазастый-ловкий», /букв. «с глазами-лицом»/, келтэ-амта «языкастый» /букв. «с языком-ртом»/, нурһта-турһта «видный» /букв. «со спиной-крупный»/, шулун-шудрм «энергичный» /букв. «быстрый-живой»/, махта-шөлтэ «упитанный» /букв. «с мясом-бульоном»/, чаң-чиирг «выносливый» /букв. «крепкий-сильный»/. номһн-жөөлн «мирный» /букв. «тихий-мягкий»/, ке-сээхн «красивый» (букв. «красивый-хорошенький»/, саг-сергг «бдительный» /букв. «осторожный-оживленный»/, хан-рха-буурха «дырявый» /букв. «рванный-порванный»/ эм-тэ-кинтэ «живой» /букв. «живой-дышащий», уга-яду «бедный» /букв. нет-не имеющий»/.

В образовании парных прилагательных принимают активное участие прилагательные-синонимы, например: байрта-бахта зэңг «жизнерадостная весть»; прилагательные одного семантического поля, например, обозначающие части тела—далта-ээмтэ залу «широкоплечий мужчина».

Значения производных прилагательных могут далеко расходиться со значением производящих основ /корней/. Ср.: махта-шөлтэ күн «упитанный человек» /букв. «с мясом-бульоном»/.

В морфологическом отношении эти парные прилагательные бывают двух типов:

а/ оба компонента представляют собой основы прилагательных, например: хар-улан күүкн «смуглая девушка», көк-бор өңг «голубовато-серый цвет», көк-хар өңг «сине-черный цвет», у-өргн тег «широкая степь», көк-буурл өңг «сизый цвет»;

б/ первый компонент является основой существительного, а второй — основой прилагательного, например:

көл нуцки көвүн «босоногий мальчик» /букв. «нога босая»/, цусн-улан өңг «алый цвет» /букв. «кровь красная»/.

Глаголы, образованные путем сложения

Парные глаголы, образованные путем сложения двух знаменательных глаголов, связанных сочинительной связью, в монголистике пока никем не отмечались, хотя они в живых монгольских языках употребительны так же, как и парные имена существительные и прилагательные. Парные глаголы образуются в основном из синонимичных глаголов, например: Му биш. Уралһ күүкн. Юмн болхмн. Бэн-бээж улм дасад-дамшадл бээхгов, тер /Доржин Басн/. «Не плохо. Живая девушка. Кое-что получится. Поживем, еще более привыкнет и научится она». Болв кецү күнд болв чигн, дуту-дунд бээв чигн, цуцрдг-муурдг болв чигн, түрүн өдрмүдин көдлмшин ашан үзж эдн байр-бахмж кенэ (Доржин Басн). «Хотя было чрезвычайно трудно, были недостатки, утомлялись и переутомлялись, увидев итоги работы первых дней, они радовались». Болв Серкэн Бату бас бий тустан сагллго, амрар делүһэн делгэд, дала-нала болад, байрлад-бахтад одх зөв уга билэ (Доржин Басн). «Хотя Баату себя и не настораживал, жил спокойной и полной жизнью, причины радоваться у него не было» /смысловой перевод/.

Наречия, образованные путем сложения

Парные наречия образуются в результате сложения двух наречий, а также адвербиализованных существительных, прилагательных, местоимений, числительных. Парные наречия образуются обычно из антонимичных или синонимичных слов, например: энд-тенд көк ноһан экләд һарчана, «кое-где пробивается зеленая травка», нар-цар гүүһэд «бегая туда-сюда».

2. СПОСОБ СРАЩЕНИЯ

Сращение — способ производства новых слов, при котором производные возникают путем слияния, сращения в одно слово компонентов словосочетания с подчи-

нительной связью /примыкание, управление/. Производные слова, образованные этим способом, мы называем сращением. Семантика сращений заметно отличается от семантики парных слов. Парные слова всегда имеют значение более широкое, чем значение каждого из составляющих их компонентов. Например: өдр-сө «сутки» — парное слово, значение которого шире, чем значение слова өдр «день» или сө «ночь» в отдельности. Сращение всегда имеет значение более узкое, чем значение главного его компонента, например: эндр «сегодня», образованное из словосочетания эн өдр «этот день», где ведущим компонентом является слово өдр «день».

С помощью сращения образуются имена существительные, прилагательные, глаголы и наречия.

Имена существительные, образованные способом сращения

В калмыцком языке способом сращения образовались имена существительные, например: сана авлһн «передышка», кел бэргдлһн «плен», ааль һарһлһн «плутовство», аца ачлһн «погрузка», толһа эрглһн «головокружение», заһс бэрлһн «рыболовство», тэрэ тэрлһн «сез», нөкд боллһн «помощь», ил медүллһн «гласность», тэрэ хуралһн «жатва», гер авлһн «женитьба», мал өсклһн «животноводство» и т. д.

Имена существительные-сращения образуются по двум моделям: а/ первый компонент представлен именной основой, а второй — глагольной основой, например: аң аңглһн «охота»; б/ оба компонента — именные основы, например: төмр-бетон «железобетон», телеүзгдл «телевидение», радиосоңсхач «радиослушатель», полит-зәңгләч «пропагандист», орден зүүнәч «орденоносец».

В процессе развития языка в некоторых сращениях произошли фонетические изменения, которые привели к слиянию компонентов, например: нүрздг «зеркало».

Имена прилагательные, образованные путем сращения

Имена прилагательные-сращения образуются по трем моделям: а/ первый компонент представляет собой прилагательное, а второй — имя существительное в тво-

рительном падеже, например: баһ наста күн «молодой человек»; б/ оба компонента — прилагательные, например: Малың хот белдэчир дунд **цээлһврин**-политическ көдлмш өргэр кегджэнэ («Х. ү.»). «Среди заготовителей корма для скота широко проводится политико-разъяснительная работа»; в/ оба компонента — имена существительные в форме родительного падежа, например: номин-шинжлтин институт «научно-исследовательский институт».

Наречия, образованные способом сращения

Наречия-сращения образуются на основе самых различных типов словосочетаний с подчинительной связью. Наречия-сращения образуются на основе глагольных словосочетаний, например: нег дэж «однажды», эрэ гиж «еле-еле»; на основе именных словосочетаний, например: маңдур «завтра», өцклдүр «вчера», невчкн «немного» /из нег бичкн/ и др.

Глаголы, образованные способом сращения

В калмыцком языке одним из самых продуктивных способов образования глаголов является сращение. Сложные глаголы, образованные этим способом, мы предлагаем называть сращениями, например: олж авх «найти», нисж йовх «лететь», бэрж авх «поймать», хулдж авх «купить», тоолж авх «сосчитать», авч һарх «вынести», орад һарх «зайти», гүүж ирх «прибежать», орж ирх «войти», «зайти», көдлж йовх «работать», дахж йовх «сопровождать», келж өгх «сказать», һарч одх «выходить», хамхлад оркх «сломать», давж исх «перекинуть».

Глаголы-сращения в калмыцком языке образуются по двум моделям: а/ первый компонент представляет собой глагол только в форме соединительного причастия на -ж, например: илжрж одх «сгнуть», танж авх «познакомиться»; б/ первый компонент представляет собой глагол в форме разделительного деепричастия на -ад// -эд, например: давшад орх «перелезть», хагсаһад авх «высушить».

В отношении семантики сращения-глаголы можно разделить на три подгруппы:

а/ когда в образовании участвуют глаголы, близкие по значению, например: бэрж авх «поймать» /букв. «держать-взять»/, хэрж ирх «вернуться» /букв. «вернуться-прийти»/, бээж жирһх «существовать» /букв. «быть-жить»/;

б/ когда в образовании участвуют глаголы, антонимичные по значению, например: хулдж авх «купить» /«купить-взять»/, орад һарх «зайти» /букв. «войти-выйти»/;

в/ когда участвуют глаголы, разные по значению, например: гүүж һарх «выбежать» /букв. «бежать-выйти»/, би-чж авх «написать» /букв. «писать-взять»/. Эта группа парных глаголов наиболее многочисленна.

Сращения-глаголы в современном калмыцком языке составляют значительный пласт среди всех производных глаголов. Заметно выделяются среди них такие, где вторым компонентом выступает глагол авх «взять», например: татж авх «вытянуть» /букв. «вытащить-взять», һарһж авх «вытащить» /букв. «вытащить-взять»/, үлдэж авх «оставить» /букв. «оставить-взять»/, таньж авх «узнать, познакомиться» /букв. «узнать-взять»/, наар гиж авх «позвать» /букв. «позвать-взять»/, малтж авх «выкопать» /букв. «копать-взять»/, босж авх «поднять» /букв. «встать-взять»/, суулһж авх «посадить» /букв. «посадить-взять»/, тээлж авх «открыть» /букв. «открыть-взять»/, кеж авх «сделать» /букв. «делать-взять»/, өргж авх «поднять» /букв. «поднять-взять», сурж авх «спросить» /букв. «спросить-взять», олж авх «найти» /букв. «найти-взять»/, шүүһэд авх «выбрать» /букв. «выбрать-взять»/, дахулад авх «сопровождать» /букв. «сопровождать-взять»/, хагсаһад авх «высушить» /букв. «сушить-взять»/.

Первый компонент в этих сращениях-глаголах может быть и производным. Сравнить: орулж авх «принять» /букв. «впуская-взять»/, и орж авх «вступить, войти», /букв. «войдя-взять»/. Как можно заметить, в подобных случаях наблюдаются семантические различия.

Большую группу образуют сращения-глаголы, где вторым компонентом выступает глагол һарх «выйти», например: гүүж һарх «выбежать» /букв. «бежать-выйти»/, нисж һарх «вылететь» /букв. «лететь-выйти»/, һат-лж һарх «перейти» /реку/, /букв. «переходить-выйти»/, авч һарх «вынести» /букв. «взять-выйти»/, ус-чж һарх «переплыть» /букв. «плыть-выйти»/, мордад па-

рх «поскакать» /букв. «скакать-выйти»/, үвлэж нарх «перезимовать» /букв. «зимовать-выйти»/.

Сращения-глаголы образуются и с помощью глагола ирх «прийти», например, орад ирх «прибыть» /букв. «войти-прийти»/, хэрж ирх /хэрэд ирх/ «вернуться» /букв. «вернуться-прийти»/, нарч ирх, нарад ирх «выйти» /наружу/ /букв. «выйти-прийти»/, гүүж ирх «прибежать» /букв. прибежать-прийти»/, авч ирх «принести» /букв. «принести-прийти»/, күрч ирх «прийти» /букв. достичь-прийти»/, өөрдэд ирх «приблизиться» /букв. «приблизиться-прийти»/, күцэж ирх «закончить» /букв. «закончить-прийти»/, тасрад ирх «порваться» /букв. «порваться-прийти»/.

Продуктивным типом являются образования сращения-глаголов с глаголом йовх «идти», например: кэдлж йовх «работать» /букв. «работать-идти»/, цээж йовх «рассветать» /букв. «рассветать-идти»/, көөж йовх «гонять» /букв. «гонять-идти»/, чилэж йовх «кончать» /букв. «кончать-идти»/, дахж йовх «сопровождать» /букв. «сопровождать-идти»/, гүүж йовх «бежать» /букв. «бежать-идти»/, үүрч йовх «тащить».

Нерегулярные образования встречаются с глаголом кех «делать», например: белн кех «готовить» /букв. «готовый-делать»/, өлгж кех «вязать» /букв. «вязать-делать»/.

Продуктивными являются образования сращения-глаголов с глаголом өгх «дать», например: келж өгх «сказать» /букв. «сказать-дать»/, чанж өгх «сварить» /букв. «варить-дать»/, олж өгх «найти» /букв. найти-дать»/, дүүргж өгх «наполнить» /букв. «наполнить-дать»/, орулж өгх «занести» /букв. «ввести-дать»/, хаяд өгх, хайж өгх «бросить» /букв. «бросить-дать»/, тэзж өгх «поставить» /букв. «поставить-дать»/, цээлж өгх «пояснить» /букв. «пояснить-дать»/, авч өгх «купить» /букв. «взять-дать»/, нарж өгх «вытащить» /букв. «вытащить-дать»/.

Продуктивными являются образования с глаголом одх «пойти», например: көрч одх «замерзнуть» /букв. «мерзнуть-идти»/, үкж одх «умереть» /букв. «умереть-идти»/, нарч одх «выходить» /букв. «выходить-идти»/, унтж одх «заснуть» /букв. «спать-идти»/, орж одх «зайти» /букв. «войти-идти»/, авч одх «отнести» /букв. «взять-идти»/, йовж одх «уйти» /букв. «идти-уй-»/.

ти»/, канкнад одх «запахнуть» /букв. «пахнуть-идти»/, дальжиж одх «скривиться» /об обуви/, /букв. «скривиться-идти»/, нарад одх «выйдет» /букв. «выйти-идти»/, тарад одх «рассыпется» /букв. «рассыпаться-идти»/, гилвкэд одх «заблестеть» /букв. «блестеть-идти»/, мартж одх «забудется» /букв. «забывать-идти»/.

Некоторые сращения-глаголы в своем составе имеют глагол — оркх «оставить», который придает значение завершенности действия, например: хаяд оркх «кинуть» /букв. «кинуть-оставить»/, йовад оркх «уйти» /букв. «идти-оставить»/, бөглэд оркх «заккрыть» /букв. «заккрыть-оставить»/, күцэж оркх «достичь» /букв. «достичь-оставить»/, авад оркх «взять» /букв. «взять-оставить»/, керчж оркх «отрезать» /букв. «отрезать-оставить»/, хамхлад оркх «сломать» /букв. «сломать-оставить»/, келж оркх «сказать» /букв. «сказать-оставить»/, ууж оркх «выпить» /букв. «пить-оставить»/.

Этот тип сращений-глаголов подвергается в настоящее время изменению в связи с тем, что глагол оркх постепенно превращается в суффикс. Раньше были сращения-глаголы, например, келж орк «скажи», тэвж орк «оставь», ууж орк «выпей», сааж орк «подой», которые сейчас в живой речи употребляются редко. Вместо них чаще употребляются слова келчк, тэвчк, ирчк, уучк, саачк с теми же значениями. Суффикс -к является рудиментом глагола оркх. На это еще в свое время указывал Б. Б. Бадмаев²¹³.

В образовании сращений-глаголов участвует глагол — давх «переходить», выступая в роли первого компонента, например: давж халулх «перегреть» /букв. «перейти-греть»/, давж буслх «перекипеть» /букв. «перейти-кипеть»/, давж исх «перекиснуть» /букв. «перейти-киснуть»/, давж үүлх «перекрошить» /букв. «перейти-крошить»/, давж өсх «перерастить» /букв. «перейти-растить»/, давж нарх «опередить» /букв. «перейти-выйти»/, давж болх «перезреть» /букв. «перейти-стать»/.

Некоторые производные глаголы содержат в себе глагол — үзх «видеть», например, амсж үзх /сорж үзх/ «попробовать» /букв. «пробовать-увидеть»/, бэрж үзх «ощупать» /букв. «брать-смотреть»/.

Нерегулярные образования встречаются с глаголом —

²¹³ Бадмаев Б. Б. Грамматика калмыцкого языка, стр. 88.

таслх «оторвать», например, чимжж таслх «отщипнуть» /букв. «щипать-отрывать»/, хазад таслх «перекусить» /букв. «кусать-отрывать»/.

Сращения-глаголы следует отличать от аналитических форм глагола, глагольных словосочетаний и фразеологических единиц. Сращения-глаголы, в отличие от упомянутых сочетаний слов, представляют собой лексико-грамматические единства. Являясь единицами словаря, сращения-глаголы имеют свои грамматические парадигмы. Сращения-глаголы, как любые производные и непроизводные глаголы, характеризуются такими грамматическими категориями, как время, залог, вид, наклонение, лицо, переходность—непереходность.

Сравнить: авх «взять» и бэрж авх «поймать»

Настоящее время:

- 1) авна «берет»
- 2) авча «бери»

- 1) бэрж авна «ловит»
- 2) бэрж авча «лови»

Прошедшее время:

- 1) авб «взял»
- 2) авла «брал»
- 3) авч «брал»

- 1) бэрж авч «поймал»
- 2) бэрж авла «поймал»
- 3) бэрж авч «поймал».

Будущее время:

- 1) авх «возьмет»

- 1) бэрж авх «поймает»

Повелительное наклонение:

- 1) ав «возьми»

- 1) бэрж ав «поймай»

Желательное наклонение:

- 1) авий «возьмем»

- 1) бэрж авий «поймаем»

Повелительное наклонение:

- 1) автха «пусть возьмет»

- 1) бэрж автха «пусть поймает»

- 2) авг «пусть возьмет»

- 2) бэрж авг «пусть поймает».

От сращений-глаголов, как и от непроизводных, можно образовать различные грамматические формы причастий и деепричастий. Ср.: авсн «взявший», авдг «берущий» /часто/, ава «продолжающий брать», авч «беря», авн «взявши», авад «взял», авхла «если взять», авхларн «если возьмешь», автл «не успел взять», авм «как толь-

ко взял», бэрж авсн «пойманный», бэрж авдг «ловящий» /часто/, бэрж ава «продолжающий ловить», бэрж авч «поймал», бэрж авн «поймав», бэрж авад «поймав», бэрж авхла «если поймать», бэрж авхларн «если поймаешь», бэрж автл «не успел поймать», бэрж авн «как только поймал».

Если причастные формы сращений-глаголов участвуют в образовании составных глагольных сказуемых, то образуются трех-четырёхкомпонентные аналитические конструкции, например: бэрж авсн болхла «если поймал». Составные глагольные и именные сказуемые, в составе которых имеются сращения-глаголы, иногда создают иллюзию о существовании в калмыцком языке сложных глагольных временных, видовых, залоговых, модальных форм.

Сращение-глагол всегда выступает в предложении как целостная единица. Ср.: Хатуч хан Цецн хаана церг дээлж тараһад, Цецн хааг бэрэнд бэрж авч. — Хан Хатуч разгромил армию хана Цецена, а Цецен-хана поймал в плен. /«Седклин күр»/. Бамб усн хадин эзнэ ажрһиг бэржэвч, һурвн хар модна һаснд сөөв. — Бамба, поймав жеребца водяного царя, привязал его к трем дубовым кольям. /«Седклин күр»/. «Хойрдгч марһанд белдх кергтэ», — гиж Өөд Мергн түшмл нег шорһлж бэрж авч. — «Необходимо подготовиться ко второму соревнованию», — подумав, сановник Оод Мерген поймал одного муравья /«Седклин күр»/.

От сращений-глаголов могут образовываться синтаксические формы. Например, предположительно-вопросительные с помощью вспомогательного глагола болх «стать». Сравнить: бэрж авсн болвзго «может быть поймал»; модальные формы, например: бэрж авхар седчкэд «захотев поймать», бэрж авч үзтн «попытайтесь поймать» и др.

Сращения-глаголы, как разновидность сложных глаголов, не получили достаточного освещения в калмыцком языкознании. Это объясняется тем, что исследователи калмыцкого языка их относили не к системе словообразования, а к системе формообразования²¹⁴. В настоящее время этот недостаток должен быть преодолён с

²¹⁴ Онджанова М. Д. Аналитические глагольные формы в современном калмыцком языке, АКД, Л., 1969.

тем, чтобы сотни калмыцких глаголов, образованных способом сращения, были изучены так же, как и другие производные глаголы.

3. СПОСОБ УДВОЕНИЯ

Теория удвоения на материале монгольских языков была подробно разработана Дарбеевой А. А. Согласно ее теории, удвоение — это грамматический способ, с помощью которого образуются грамматические формы и новые слова. Суть этого способа сводится к тому, что грамматические и деривационные значения могут быть переданы путем повторения одного и того же корня или слова, следующих непосредственно друг за другом. Производные, полученные таким путем, представляют собой единую лексическую целостность, а их составные компоненты объединяются одной интонацией и произносятся без паузы²¹⁵.

Дарбеева А. А. выделяет два типа удвоений, внутри которых могут быть еще подтипы: полные и неполные или частичные. Ею отмечены и разнообразные функции удвоений. Вместе с тем Дарбеева А. А. обосновывает мысль о том, что удвоение необходимо отличать от повторов, которые представляют собой разновидность синтаксических словосочетаний²¹⁶.

В калмыцком языкознании вопрос об удвоении относится к числу наименее разработанных, поэтому исследователи их часто отождествляют либо со словосочетаниями, либо с парными словами²¹⁷. Этой ошибки, к сожалению, не избежали и авторы «Калмыцко-русского словаря», где удвоения даны с пометкой «парные слова». К примеру, так даны удвоения котр-котр «мелко и быстро» /көвүн котр-котр гиһэд йовжана—«ребенок начинает ходить»/, саб-саб — звукоподражание завыванию ветра /саб-саб гисн салькн татад — «вызывая завывающий ветер»/, дэkn-дэkn «многократно»²¹⁸.

²¹⁵ Дарбеева А. А. Повторы и удвоения в бурятском языке. — Сб. «К изучению бурятского языка», Улан-Удэ, 1969, стр. 91—99.

²¹⁶ Дарбеева А. А. Там же, стр. 94.

²¹⁷ Илишкин И. К. Сопоставительная грамматика калмыцкого и русского языков. Элиста, Калмиздат, 1973, стр. 29.

²¹⁸ Калмыцко-русский словарь, М., «Русский язык», 1977, стр. 189, 308, 434.

В современном калмыцком языке, как и в других монгольских языках, способом удвоения могут образовываться как грамматические формы, так и новые слова. Производные слова, полученные этим способом, мы называем редупликатами с тем, чтобы их отличать от парных слов, сращений, повторов.

Редупликаты в отличие от парных слов и сращений всегда мотивированы одним словом. В отличие от повторов редупликаты представляют собой лексико-грамматические единства. Редупликаты в калмыцком языке занимают среднее положение между простыми и сложными словами /парными и сращениями/. По составу они близки сложным словам, так как в них содержатся либо два корня, либо две основы, либо два слова, хотя и полностью, либо частично совпадающие. А по мотивации они относятся к простым.

Нельзя не отметить и то, что значение редупликатов в калмыцком языке обычно более абстрактно, шире, чем значение производящего слова, основы, корня. По фонетическому составу редупликаты бывают полными и дефектными.

Способом удвоения в современном калмыцком языке образуются большинство частей речи.

Имена существительные, образованные способом удвоения

В калмыцком языке с помощью удвоения образуются многие имена существительные, например: шил-мил «стекло», гуйр-муйр «все мучное», шикр-микр «все сладкое». Для существительных-редупликатов характерно то, что их второй компонент подвергается фонетическим изменениям, например, цэ-мэ «чай и все, что к нему относится», махн-сахн «мясо и все, что к нему относится». В приведенных редупликатах наблюдается мена начального звука -ц на -м, -м на -с. Существительные-редупликации в калмыцком языке бывают лишь только дефектными, так как их вторые компоненты подвергаются фонетическим изменениям.

Прилагательные, образованные способом удвоения

В калмыцком языке очень часто благодаря способу удвоения образуются прилагательные, например: бур-

бур хурта Бумбин орн «страна Бумба, где все время на-
крапывает мелкий дождь», сер-сер салькта Бумбин орн
«страна Бумба, где все время веет свежий ветер»; бор-
бор богшурһас «серенькие воробьи», нэрн-нэрхн дун
«тоненький голосок».

Прилагательные-редупликации в калмыцком языке
обычно бывают полными. Об их функционировании мож-
но судить по следующему примеру: Тернь дун угаһар,
цааранднь немж ю чигн келл уга, хойр нүднәннь чингиг
арчад, өврж эргэд, өөрхн-өөрхн ишкдлэрн йовад одв
/Доржин Басц). «Та молча, ничего больше не добавляя,
вытерев слезы, медленно повернувшись, пошла прочь
мелкими шагами».

Наречия, образованные способом удвоения

Способом удвоения образовались многие наречия, на-
пример, цаг-цагтан умшх «временами читать», тус-тус-
тан бээх «жить врозь», дару-дарунь һарад «выйти друг
за другом».

В современном калмыцком языке наречия-редупли-
кации бывают трех типов: полные, смешанные и дефект-
ные. При полном удвоении производная основа повто-
ряется без каких-либо изменений, например: эрэ-эрэ
йовна «еле-еле идет». При смешанном удвоении произ-
водящая основа, повторяясь, осложняется суффиксом,
например: бичкн-бичкнэр кеж «сделал по-маленьку».
При дефектном удвоении во втором компоненте наблю-
дается мена звуков: кезэ-яза «когда-то».

Наречия-редупликации, как и аналогичные существи-
тельные, прилагательные, широко употребляются в ли-
тературном языке. Об их функционировании можно су-
дить по следующему примеру: Улускомур дуудулсн
сонсхвр авчкад, Баату бичгин мөрмүд заагас онгдан утх-
үндс олж авхар, дэkn-дэkn давтад умшад бээснь орга
болж һарв (Доржин Басц). «Взяв извещение, по кото-
рому был вызван в улуском, пытаюсь найти в нем дру-
гой смысл между строками, многократно прочитав, Ба-
ту убедился в правильности слов».

Глаголы, образованные способом удвоения

Глаголы могут тоже образовываться путем удвоения производящей основы, например: Садар **йовж-йовж** нег модна йозур тээрж авч гертэн ирв. «**Побродив** по саду, отрезав основание одного дерева, вернулся домой» /«Седклин күр»/. Тиигэд **бээж-бээхэд**, Цецн-хан көвүһэн ухан орсн угаһинь медхэр, нег салькта өдр наар гив. «**Пребывая** в таком состоянии, как-то в один из ветреных дней Цецен-хан пригласил к себе сына, чтобы узнать, поумнел он или нет» /«Седклин күр»/.

Глаголы, образованные способом удвоения производящей основы, мы предлагаем тоже называть редупликациями, как и существительные, прилагательные, образованные тем же способом.

Изобразительные слова

Способ удвоения широко используется при образовании изобразительных слов, например: **каң-каң** гих «сухо кашлять», **кир-кир** гих «издавать скрип».

Изобразительные слова бывают двух типов: полные /гилс-гилс гих «поблескивать»/ и дефектные /хард-хурд гих «подражать звону металлических предметов»/.

Глава IV. СУБСТАНТИВАЦИЯ, АДЪЕКТИВАЦИЯ И АДВЕРБИАЛИЗАЦИЯ

Способы образования новых слов на базе уже имеющих в языке лексических единиц, в частности, путем субстантивации, адъективации и адвербиализации, в монгольском языкознании еще изучены недостаточно. Лишь в последние десятилетия усилилось внимание к этим явлениям. Можно назвать сейчас не только ряд специальных статей, посвященных субстантивации, адъективации²¹⁹, но и ряд неспециальных работ, в которых

²¹⁹ Дарбеева А. А. О субстантивном употреблении имен прилагательных в бурятском языке. — Сб. «Филология и история монгольских народов». М., 1958; А. Л. Каляев. Переход адъективных имен в разряд субстантивов. — Сб. «Ученые записки», выпуск XI, серия филологии, Элиста, 1973.

можно найти материал, относящийся к указанным явлениям²²⁰.

Изучение процессов субстантивации, адъективации и адвербиализации представляет глубокий интерес в теоретическом аспекте. Работы такого рода дают ценный материал для решения вопросов о взаимодействии словообразования и синтаксиса, лексического и синтаксического значения в слове, о развитии частей речи и некоторых других. Кроме того, исследование указанных процессов представляет значительный интерес для разработки общей теории перехода одних частей речи в другие, которая в монголистике еще специально не рассматривалась. Вопросы субстантивации, адъективации и адвербиализации являются ее составными частями.

1. СУБСТАНТИВАЦИЯ ПРИЧАСТИЙ

В калмыцком языке значительный интерес представляет собой субстантивация причастий как один из способов образования имен существительных. Субстантивированные причастия весьма своеобразны в структурном построении и семантическом отношении. Особенность словообразования данного типа объясняется спецификой причастий в монгольских языках. Поэтому, прежде чем переходить к изложению основного материала, мы попытаемся здесь осветить некоторые категориальные признаки калмыцких причастий, которые необходимо учитывать при изучении вопросов словообразования.

Одним из первых, кто дал описание калмыцких причастий, был А. Попов. Он дает следующее определение причастию: «Причастие есть имя прилагательное, происходящее от глагола и заключающее в себе время и действие его»²²¹. Исследователь все причастия делит по временному признаку на шесть групп: 1) причастие настоящего времени, например: *Һаругчи* «выходящий»;

²²⁰ Грамматика бурятского языка. М., 1962; Т. А. Бертагаев. О спорных вопросах грамматики (на материале монгольских языков).— Сб. «Вопросы составления описательных грамматик», М., 1961; М. Н. Орловская. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке, М., 1961; Б. Б. Бадмаев. Грамматика калмыцкого языка. Элиста, 1966.

²²¹ Попов А. Калмыцкая грамматика, Казань, 1847, стр. 136—139.

2) причастие «времени настоящего многократного», например: санадаг «беспрестанно думающий»; 3) причастие прошедшего времени, например: бичиксен «писавший»; 4) причастие «прошедшее несклоняемое», например: һару «выходивший»; 5) причастие «прошедшее многократное», например: мактадаг аксан мактадасан «беспрестанно хваливший»; 6) причастие будущего времени, например: мактаху «хвалящий».

Различая действия, выражаемые причастиями во временном плане, А. Попов обнаруживает ощутимую разницу в характере совершаемого, в результативности этого действия. Не случайно среди причастий настоящего и прошедшего времени выделяются и многократные. Таким образом, намек на существование категории вила у калмыцких причастий в работе А. Попова остается нерасшифрованным.

А. Бобровников находит столько же причастий, сколько и А. Попов. Только причастия у него получают несколько иные названия, как-то²²²: 1) причастия «настоящие однократные», нр.: ирегчи «приходящий»; 2) причастия «настоящие многократные», нр.: иредег «приходящий, имеющий обыкновение приходить»; 3) причастия «прошедшие оконченные», нр.: абуксан «взявший»; 4) причастия «прошедшие неоконченные», нр.: ире «пришедший»; 5) причастия «давнопрошедшие», нр.: иресен «когда-то пришедший»; 6) причастия «неопределенные или будущие», нр.: иреху «имеющий прийти».

Названия причастий, данные А. Бобровниковым, свидетельствуют о том, что он обращает внимание, как и его предшественник, на то, что в калмыцких причастиях (в их исходной форме) совмещаются два плана: временной и видовой. Помимо указанных типов причастий у А. Бобровникова мы находим и седьмой тип. В параграфе 250 своей «Грамматики» он отмечает: «Есть причастие, кончающееся на -ма, -мэ или (после гласных букв) на одно-м, употребляемое только при описании величины и расстояния предметов». Например: Суму харбум газара энэ едер цасу ороксон угей. «Сегодняшний день не было снегу на расстоянии выстрела стрелой. (от нашего дома)».

²²² Бобровников А. Грамматика монголо-калмыцкого языка, Казань, 1849, стр. 136—139.

Развернутую классификацию калмыцких причастий можно найти у В. Котвича²²³. Он различает следующие причастия: 1/ причастия настоящего времени, к числу которых отнесены причастия, оканчивавшиеся на -кч/-гч/ /однократные/, например: суукче «сидящий», медекче «знающий», и на -дк /в современном -дг//многократные/, например: суудэк «обыкновенно сидящий», медэдэк «обыкновенно знающий»; 2/ причастия прошедшего времени, к числу которых отнесены причастия на -сн, -ксн, например: сууксн, суусн «севший», медексн, медсн «узнавший» и на -э, -ээ, -а, -аа, например: сууһаа «долго сидевший, продолжающий сидеть», йоваа «долго шедший, ходящий», босаа «долго стоявший, стоящий»; 3/ причастия страдательного состояния, к которым относятся причастия, оканчивающиеся на -ата//-этэ, -уга, -мр/-мл/, например: уйаата «привязанный», татаата «запряженный», бичэтэ «написанный», зүүһэтэ «вдетый»; гүрмр /гүрмл/ «плетенный»; тэрмр /тэрмл/ «посеянный, посаженный», хатэмр /хатэмл/ «засохший», урһэмр /урһэмл/ «растущий, живой»; уйалһата «оставшийся завязанным», зүүлһэтэ «оставшийся вдетым», бичэлһэтэ «оставшийся написанным»; 4/ причастия будущего времени и возможности, к которым отнесены причастия, оканчивающиеся на -кэ/хэ/, -мэ/-м/, например: суухэ, медхэ, болхэ; һээхэмэ «вызывающий удивление», суумэ «пригодное для сидения», өргэмэ «возможное для поднятия»²²⁴. Как видно из этого, все причастия, в основном, были разделены В. Котвичем по временному признаку. Он различал причастия настоящего времени, прошедшего и будущего. Кроме того, он выделяет еще и причастия «страдательного состояния». Этим самым отмечалось, что калмыцкие причастия могут иметь и залоговое значение.

Г. Рамстедт²²⁵, заметив необычное употребление причастий в калмыцком языке (в сравнении с причастиями индоевропейских языков), отказывается от традиционного названия и именует их глагольными именами. В калмыцком языке он различает следующие их типы:

²²³ Котвич В. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Прага, 1929, стр. 286—299.

²²⁴ Транскрипция В. Котвича была заменена по техническим причинам.

²²⁵ Рамстедт Г. Калмыцкий словарь. Хельсинки, 1935.

- 1) глагольные имена на -а// -э: йова, ирэ, ава, бэәһэ;
- 2) глагольные имена на -сн: ирсн, йовсн, авсн, өгсн;
- 3) глагольные имена на -х: ирх, йовх, нисх, урһх;
- 4) глагольные имена на -дг: ирдг, йовдг, нисдг, урһдг.

Но терминология, предложенная Г. Рамstedтом, не приемлема для калмыцкого языкознания, поскольку, как правильно заметил Г. Д. Санжеев²²⁶, влечет к необоснованному стиранию границ между причастиями и отглагольными именами существительными, которые существуют в калмыцком языке. Например: йовдл «поступок», бээдл «состояние», унтлһн «спячка», умшлһн «чтение» и нек. др.

Выступая в роли прилагательного, причастия образуют словосочетания с неопределенно-личным местоимением юмн и с личными местоимениями, которые в дальнейшем могут синтезироваться. Например: ирдг би ирдг — — в ирд-в «обычно я прихожу», авх юмн — — авх-мн «взять что-либо».

На отдельные значения падежных форм причастий указывает Б. Х. Тодаева в своей работе «Значения и функции падежей в калмыцком языке»²²⁷.

Г. Д. Санжеев различает в калмыцком языке, как и в других монгольских языках, следующие причастия: будущие причастия (унх «упасть», ирх «прийти»), причастия возможности (умшмр «читабельный»), многократные причастия (келдг «обычно говорящий», суудг «обычно сидящий»), однократные причастия (күцэгч «исполнитель»), настоящие причастия (көкә «сосущий»), прошедшие причастия (суусн «сидевший», унсн «упавший»). Но причастия различаются Г. Санжеевым не только по временному признаку, но и по их синтаксическому функционированию в языке. Так, он делит все причастия на две группы: непредикативные и предикативные²²⁸. К непредикативным причастиям он относит такие, которые выступают в роли прилагательного, существительного, а к предикативным — те, которые выступают в роли глагола.

²²⁶ Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, стр. 197.

²²⁷ Тодаева Б. Х. Значения и функции падежей в калмыцком языке. Записки НИИЯЛИ, вып. 1, Элиста, 1960.

²²⁸ Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, стр. 195.

Б. Бадмаев, составитель учебных пособий по современному калмыцкому языку, дает следующее определение причастиям: «үүлдврин янзас бүрдсн, чинрлгч нернэ болн үүлдврин чинр авсн үгмүдиг чинрлгч үүлдвр гиж нерэддмн»²²⁹. Он различает причастия только по временному признаку: причастия настоящего времени, оканчивающиеся на -гч, -дг, -а, будущего времени на -х, прошедшего времени на -сн. Все указанные причастия, по его мнению, склоняются, за исключением тех, которые оканчиваются на -а, -э, например: көдлэ, бээһэ, умша.

На основе работ упомянутых исследователей можно прийти к следующим выводам. Во-первых, существует несколько взглядов по вопросу о сущности причастий в калмыцком языке (как и в монголистике в целом). Если А. Попов приравнивает их к «прилагательным, происходящим от глагола», то Г. Рамстедт сближает их с отглагольными именами существительными. Б. Бадмаев придерживается традиционного толкования причастий, принятого в общем языкознании. Г. Д. Санжеев, хотя и пишет о причастиях в ряде работ, но не дает точного определения тому, что мы должны называть причастием²³⁰. Подчеркивая отличие монгольских причастий от индоевропейских, Г. Д. Санжеев оставляет за ними их традиционный термин. Во-вторых, до сих пор объектом изучения у исследователей были причастия в их простых (первообразных) формах, хотя, кроме них, есть аналитические и образованные от них синтетические формы причастий. Но интересно то, что и в простой первообразной форме причастий исследователи находили значения, которые не были выражены формально, как-то: видовые (А. Попов, А. Бобровников, Г. Рамстедт, Б. Бадмаев, Г. Санжеев) и залоговые (В. Котвич). В-третьих, нельзя считать до конца установленным количество причастий в калмыцком языке (это относится и ко всем монгольским языкам) и принципы их классификации. А. Попов находит шесть причастий в калмыцком языке, А. Бобровников — семь, В. Котвич, Г. Рамстедт, Б. Бадмаев — четыре, причем группы выделяемых при-

²²⁹ Бадмаев Б. Б. Хальмг келнэ учебник, 1 хув, Элст, Хальмг дегтр харнач, 1959, стр. 140.

²³⁰ Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков.

частий у разных исследователей не совпадают, не соответствуют между собой. Классификация причастий проводится либо только по временному признаку (Б. Бадмаев), либо одновременно по двум: временному и видовому (А. Попов, А. Бобровников, Г. Санжеев). Г. Санжеев еще проводит классификацию по признаку модальности. В школьных пособиях проводится классификация причастий по морфологическим показателям: например, причастия на -сн, причастия на -х. В четвертых, подмечено, что причастия в калмыцком языке выполняют очень широкие синтаксические функции, выступая то в роли подлежащего, то определения, то дополнения, то сказуемого.

Несмотря на то, что калмыцкие причастия не раз притягивали к себе внимание крупнейших монголистов, все же до настоящего времени природа и «поведение» их в языке остаются до конца невыясненными. В нашей работе мы попытаемся рассмотреть некоторые признаки причастий, которые еще не получили достаточного освещения, но которые необходимо учитывать при изучении субстантивации причастий, как одного из способов словообразования.

Все калмыцкие причастия, с точки зрения их функционирования в калмыцком языке, можно разделить на две группы: «обычные», соответствующие индоевропейским в их традиционном понимании, «необычные», которые отсутствуют в индоевропейских языках.

«Обычные» причастия характеризуются как признаками глагола, так и прилагательного. «За «обычными» причастиями можно сохранить то определение, которое дается причастиям, допустим, русского языка. Причастие — это особая часть речи, которая обозначает «оконченное действие, приписанное предмету и определяющее его наподобие имени прилагательного»²³¹. Например, үлдсн эмтн «оставшиеся люди», келсн үг «сказанное слово», меддг күн «знающий человек». «Обычные» причастия так же, как и глаголы, могут быть простыми (первообразными), аналитическими и синтетическими. Простые формы причастий образованы от производных основ глаголов, например: из кел —

²³¹ Виноградов В. Русский язык. М., «Высшая школа», 1972, стр. 221.

«говорить» причастие келсн «сказавший», из ав «братъ» — авдг «обычно берущий» и т. п. Аналитические формы причастий образуются от аналитических глаголов, которые внутри глагольной системы образуют группы залоговые, видовые, временные. Например: цокад авх «ударить» — цокад авсн «ударивший», харч йовх «выйти» — харч йовсн «вышедший», орж ирх «войти» — орж ирсн «вошедший». Многие аналитические формы причастий, как и соответствующие им аналитические глаголы, в настоящее время усиленно синтезируются, в результате чего образуются синтетические формы причастий. Сравнить: услжасн «пойвший», возникшее из услж бээсн; бэржэсн «державший», возникшее из бэрж бээсн.

Структура аналитических форм причастий будет такова: деепричастная форма + причастная форма, например, бэрж авсн «пойманный», бичж авсн «выписанный», гүүж харсн «выбежавший». В современном калмыцком языке, как и в других монгольских языках, имеются такие причастные формы, структура которых будет несколько отличной от указанных аналитических причастий. Их структура такова: имя в форме косвенного падежа + причастная форма. Например: өвс хаддг машин «сенокосилка», букв. «машина, косящая сено», көвц хурадг машин «хлопкоуборочная машина», букв. «машина, убирающая хлопок»; хот уудг гер «столовая», хөд өскдг совхоз «овцеводческий совхоз», букв. «совхоз, где выращивают овец».

У «обычных» причастий сохраняются основные глагольные признаки: залог, вид, время. Приведем несколько примеров.

С залоговыми формами:

1. Космосур кегдсн ишкдл. «Шаг, сделанный в космос».
2. Умшгдсн дегтр. «Прочитанная книга».

С видовыми формами:

1. Энүнлэ хамдан көдлжэх көвүд Федя Бутенко болн Саша Шумилин көдлмштэн бас шамдһа. «Вместе с ним работающие ребята Федя Бутенко и Саша Шумилин тоже очень проворные в работе».

2. Наачасн күүк бичэ көндэ. «Играющую девочку не трогай».

3. Лагерьт бээцхэх пионермүд нигт модта паркд оларн цуглрцхав. «Пионеры, находящиеся в лагере, собрались в густом парке».

С временными формами:

1. Механизатормуд хадсн өвсөн күцднь гилтэ мал үвлзх хошур зөөж күргчкв. «Механизаторы почти все скошенное сено отвезли к кошаре, где будет зимовать скот».

2. Нарх күүнэр хал бичэ түлүл /Пословица/. «Выходящего человека не заставляй разжигать огонь».

«Обычные» причастия могут иметь при себе зависимые от них слова, образуя с ними причастные обороты. Причастия и их обороты, как правило, занимают место перед определяемым словом. Например: 1. **Му көдлдг улс мана организацд уга.** «В нашей организации нет плохо работающих людей».

2. **Өмнэснь хэлэсн күүнд,** өлн маңхн туула мет, эрдаснь хэлэсн күүнд, айцхин сумн мет. /«Седклин күр»/ «Человеку, смотрящему спереди, он кажется похожим на серого зайца; человеку, рассматривающему его сзади, он похож на пулю.

3. **Дээсэн дарсн Эрин Сэн Сөнэкэ** нурвн долан хонгт нэр -наадн кев. /«Седклин күр»/. «Победивший врагов Эрин Сян Сенякя в течение трех недель праздновал».

Форма причастий в такой позиции остается неизменной. Таким образом, калмыцкие причастия, как и во всех монгольских языках, характеризуются не только признаками глагола, но и признаками прилагательного, а именно. неизменяемостью формы и определенной позицией по отношению к определяемому слову. Сравнить: имен. п. йовсн күн, род. п. йовсн күүнэ, дат. п. йовсн күүнд, винит. п. йовсн күүг, орудн. п. йовсн күүнэр и т. д.

В результате адъективного употребления причастий некоторые из них перешли в класс прилагательных, например: меддг «знающий», таньдг «знакомый», уудг «питьевой» /например: уудг усн «питьевая вода»/, нүүдг «кочевой» /например: нүүдг бээдл «кочевой образ жизни»/, ээдг «трусливый» /например: ээдг күн «трусливый человек»/, үксн «умерший» /например: үксн күн

«умерший человек»/, угадг «стиральная» (например: угадг машин «стиральная машина»/. При переходе в класс прилагательных причастия освобождаются от глагольных признаков. При этом соответствующие им причастия не исчезают, а сосуществуют наряду с отпричастными прилагательными, совпадая с ними по форме, но выполняя иную функцию, чем они.

«Обычные» причастия могут выступать и в роли существительного, т. е. могут субстантивироваться. Вслед за Т. А. Бертагаевым²³², мы считаем, что следует различать в монгольских языках, а следовательно и в калмыцком, два типа субстантивации: синтаксическую и лексическую. Такое различие имеет принципиальное значение.

Синтаксическая субстантивация может происходить по-разному. В зависимости от этого следует различать два вида синтаксической субстантивации.

Первый вид синтаксической субстантивации. По существу субстантивированные причастия этого вида занимают промежуточное положение между классом существительных и причастий. В данном случае мы имеем только выступление причастий в функции существительного. Субстантивированные причастия этого вида сохраняют ярко выраженную глагольность, которая проявляется в наличии при них пояснительных слов, в сохранении ими глагольного управления. Например: 1. Цаган Пармадан янж бээдгэн келэд, хот-хошан күүкдтэ ямаран нэр-наад **һарһдган**, нань чигн хара биш инэдтэ-наадта зэнг-зэ келв /Манжин Н./. «Цаган, рассказав Нарме **о том, как живет**, какие с подругами хотона устраивала веселья, поведала ей немало веселых и смешных новостей». 2. Кезэнэ кесг үүрлж йовсан саний. «Давай вспомним **о прошлой нашей дружбе**». 3. Тигэд йовж йовад, аралжин гөлмэр заһс бэржэслэ харһад, чанж булж идх заһс сурж авад, цааран һарад йовв. «Так однажды я шел, встретился с рыбаками, ловившими паутинными сетями, попросил у них рыбы, чтобы сварить и съесть и пошел дальше. /«Хальмг туульс»/. 4. Бергнэһнь келсиг эс соңсв. «Не прислушался к **сказанному** старшей невесткой /Нармин М./».

²³² Бертагаев Т. А. К проблеме частей речи в монгольских языках. Записки НИИК, т. XXI, Улан-Удэ, 1956.

Важной чертой таких причастий является то, что они обозначают лицо по какому-либо признаку, либо «опредмечивают» состояние, процесс или действие. Говоря о субстантивации данного вида, необходимо отметить, что в роли существительного выступает не одно причастие, а вся его группа в целом /причастный оборот/. Чаще всего в современном калмыцком языке подобной субстантивации подвергаются причастия прошедшего времени на -сн и причастия настоящего времени на -дг.

Второй вид синтаксической субстантивации. Характерным признаком субстантивированных причастий этой группы является то, что при них отсутствуют зависимые от них слова. Например: 1. Ода би сээхи мөрнд хуврнэв, та намаг базрт орулад хулдтн. Үнднь бичэ арцлдтн, **өгснэснь** хулдж орктн. /«Хальмг туульс»/. «Теперь превращусь я в красивую лошадь, отведите меня на базар и продайте. Из-за цены не спорьте. Продайте за то, что дадут». 2. Эмгн өвгн хойр орж ирэд, көвүг үзэд, **олдснднь** байрлад, көвүнд күүкэн өгэд, күүкн-күргтэйн бөөлдэд бөөцхэнэ /«Хальмг туульс»/. «Старик и старуха, войдя в дом, увидели юношу, обрадовались тому, что он нашелся и выдали за него свою дочь». 3. Маңдуртнь лавкас эд асрж өгтн, уйхд юмн уга, — гиһэд келчкэд, күүкн зөвэр байрта бээнэ. /«Хальмг туульс»/. Девушка, обрадовавшись, сказала: «Принесите завтра материал из лавки, а сшить /букв. «шитье»/ не трудно». 4. Кесг күүнэ кэлсн өцгэр үрвэ гиж санлав, тегэд **эс медсэн** медхэр седлэв... /Инжин Л./. «Чтобы не пропал труд многих людей, я решил узнать **неизвестное**».

Субстантивированные причастия указанного вида заметно выделяются в пословицах и поговорках. Например: 1. **Эдгэснд** эмч керго, **натлснд** оңц керго. «**Выздоровевшему** не нужен врач, а переправившемуся — лодка». 2. Сурсн му, **сурсиг** эс эгсн түүнэс му. «Просить — плохо, а если **просимое** не дают, это еще хуже».

Синтаксические отпричастные субстантивы широко представлены в языке художественных произведений. Например: 1. -Э -э, Боврг... Ямаран бээнэ тертн, яһж көдлжэнэ? — Тигэдл бээнэл... альдаран одх билэ тер... колхозин парвляна член. **Заасиг** кеһэдл бээнэл... — болж Бамб хэрү өгв. «-А -а, Боврг... Как живет он, как работает? — Так живет... куда он денется... член правления колхоза. Выполняет все **указания**... — ответил Бам-

ба. /Доржин Б./ 2. Не, би санжасан цугинь келчкүв. Таднд нань келх юмн бээнү? — болв. «Ну, все, что я хотел, высказал. Вам есть что сказать еще?» (Доржин Б.). 3. Тиньгрэр келсн Бовргин эн үгмүд, таг-г, **ях-кеехэн** эс медж йовсн көвүнэ седклиг невчк санамрдулв. «Эти слова, спокойно сказанные Бовргой, успокоили немного юношу, который шел и не знал, **что ему делать**». /Доржин Б./ 4. Цаһан, менд бээжэ. Даруд ирнэв. **Медсн-чидсэри** олн күүкд улст дөн болж бэ, — гиж Нарм келв. «Цаган, будь здорова. Скоро приеду. Своими знаниями и способностями оказывай помощь женщинам, — сказала Нарма». /Манжин Н./

Второй вид синтаксической субстантивации охватывает причастия прошедшего времени на -си, будущего времени на -х и настоящего времени на -дг.

Субстантивируясь, причастия получают свойства и признаки существительных. Они приобретают категории падежа и числа. Например: имен. п. келсн «сказанное», родит. п. келснэ «сказанного», дат. п. келснд «сказанному», винит. п. келснг «сказанного», орудн. п. келсэр «сказанным», исход. п. келснэс «от сказанного», напр. п. келснүр «сказанному» и т. д.

Субстантивированные причастия могут иметь форму числа, например: боодг «пруд», но боодгуд «пруды».

В отличие от синтаксической субстантивации при лексической субстантивации причастия полностью переходят в класс существительных. Здесь следует различать два вида субстантивированных причастий. Во-первых, в калмыцком языке есть такие причастия, которые, субстантивировавшись, больше не функционируют в основной своей роли — причастия, например: залгч «заведующий», бүтэгч /күцэгч/ «исполнитель», нүүрлгч «передовик» и некоторые другие. Обычно такие субстантивы обозначают «субъект действия» или «источник действия». По нашим наблюдениям, лексической субстантивации больше всего подверглись причастия с суффиксом -гч. Во-вторых, есть причастия, которые, субстантивируясь, не перестают употребляться в своем первоначальном значении, например: татдг «ящик» /письменного стола/, боодг «пруд». Наряду с указанными субстантивами в языке употребляются причастия татдг «обычно тянущий» от глагола татх «тянуть», боодг «обычно завязывающий» от боох «завязывать». Здесь мы сталкиваемся

с явлением синтаксической омонимии²³³. Омонимия здесь возникает в результате распада синтаксической полисемии калмыцких причастий. Вот почему в калмыцком языке кажется, что одно и то же слово может одновременно выступать как причастие, прилагательное, существительное и глагол. Например: слово татдг в зависимости от функции может выступать как причастие, образуя причастный оборот с зависящими от него словами, как прилагательное, теряя при этом глагольные признаки, как существительное, приобретая категории падежа, числа, и как глагол. Фактически мы имеем здесь не одно слово, а четыре слова, разных по значению, но звучащих одинаково. В качестве доказательства можно привести примеры, где все эти слова попадают в разные контексты в зависимости от выполняемой функции. Ср.: модн татдг «деревянный ящик», но намаг татдг: [букв. «тянет меня»/.

Итак, мы охарактеризовали «обычные» причастия калмыцкого языка. Субстантивированные причастия следует отличать от причастий, имеющих падежные формы (категории имен существительных), но не являющихся субстантивированными.

В образовании глагольных словосочетаний принимают участие «обычные» субстантивированные причастия. Следует различать простые глагольные словосочетания, распространенные и сложные. Простые глагольные словосочетания состоят из двух компонентов: глагола и субстантивированного причастия в форме косвенного падежа. В образовании простых словосочетаний участвуют только причастия окказиональной субстантивации и лексической. Например: 1. Өгсэн авдг, тэрсэн хаддг. (Пословица). «**Даваемое** берут, **посеянное** косят». 2. Инэснэс сур, уульсиг сурһ. (Пословица). «**Смеющегося** спроси, **плачущего** учи.» 3. Наснь ирсн өвгн улм гемнь икдэд, зовад, үкхдэн өөрдэд ирнэ. /«Хальмг туу-

²³³ Маслов Ю. С. «...в теории языка представляется целесообразным исходить из значительно более широкого понимания омонимии и омонима, чем то, которое необходимо сохранить в практике лексико-графической работы. Мы будем понимать под омонимией всякое тождество звучания двух (или нескольких) разных означающих как на «уровне» слов, так и на «уровне», с одной стороны, морфем и морфемосочетаний, а с другой — словосочетаний». См. «Омонимы в словарях и омонимия в языке». — Сб. «Вопросы теории и истории языка», М., 1963, стр. 198.

льс»/. «К старости старик еще больше заболел, пришла пора умирать» (букв. «приблизился к смерти»).

Распространенные словосочетания образуются тогда, когда компоненты имеют при себе пояснительные слова. Причастия проявляют здесь свои глагольные признаки, несмотря на субстантивное их употребление. Это — причастия синтаксической субстантивации. Например: 1. Би чамд нэр-нааднд үзсэн келжэнэв. «Я тебе **рассказываю о виденном** на празднике.» 2. Даарснд хулс түл, өлсснд өвцү чан. /Пословица/. «**Озябшему** жги камыш, **проголодавшемуся** вари грудинку».

Из приведенных примеров можно выделить следующие синтаксические глагольные словосочетания /распространенные/: нэр - нааднд үзсиг келх «рассказывать о виденном на празднике», даарснд хулс түлх «замерзшему жечь камыш», өлсснд өвцү чанх «проголодавшемуся варить грудинку».

Сложные словосочетания характеризуются тем, что среди слов, относящихся к субстантивированному причастию, зависимых от него, появляются слова в форме родительного падежа, обозначающие «субъект» действия или «источник» действия, которое обозначается самим субстантивированным причастием. Например: Өвгн хаалһдан хаана келсиг яһж күцэхүв гиһэд, зовад ухалад йовна. /«Хальмг туульс»/. «Старик идет по дороге, переживая: «Как выполнить приказ хана» /букв. «сказанное»/. В этом примере выделяется сложное глагольное словосочетание: хаана келсиг яһж күцэх «как исполнить приказание хана».

Мы акцентируем внимание на субстантивном характере причастий, выступающих в роли зависимого компонента в глагольных словосочетаниях, чтобы не отождествлять их с теми причастиями, которые, имея одну из падежных форм и употребляясь в сочетании с глаголами, однако не являются в настоящее время субстантивами. Сравнить: 1. Эртинэ тер геологч шинкн институт төгсгсн Василий Васильчла харһхар ирлэ. /Сян-Белгин Х./ «Недавно тот геолог, только что окончивший институт, приехал встретиться с Василием Васильевичем». 2. Тер салад бээсн худгас мөрд услхар одла, — гиж Болха келэд өвгн тал йовхар седв. /Эрнжэнэ К./ «Он **отправился пить** лошадей из колодца, находящегося в

той балке, — сказала Болха и стала собираться к старику».

Из приведенных примеров можно выделить следующие сочетания: харһхар ирх «прийти встретиться», усл-хар йовх «отправиться поить». Выделенные сочетания интересны в том отношении, что в причастиях будущего времени, выступающих в форме орудного падежа /что говорит о субстантивном прошлом/ ничего не осталось от именных признаков кроме их падежной формы. При подобных причастиях совершенно невозможны определяющие слова, при них возможны обстоятельственные слова /наречия/. В прошлом причастиях, надо полагать, была присуща некоторая «предметность» — признак субстантивации, как это можно увидеть в настоящее время, у субстантивированных причастий с суффиксом -сн в орудном падеже: Өгсэр угардго, авсар байждго. /Пословица./ «Отданным не обеднеешь, взятым не разбогатеешь». В настоящее время у причастий будущего времени в сочетаниях типа харһад ирх «прийти встретиться» именные признаки исчезли. Это произошло, вероятно, благодаря тому, что, обладая глагольными признаками (даже при их субстантивном употреблении), причастия постепенно входили в тесные связи с глаголами, с которыми образовывали в начале свободные синтаксические словосочетания. С течением времени связи с глаголами настолько усилились, что падежная форма причастий перестала осознаваться как таковая. Причастия превратились в наречия. Так, в калмыцком языке в рамках прежних словосочетаний возникают новые сочетания слов. Как показывают данные калмыцкого языка, подобные преобразования стали возможными, в основном, в словосочетаниях, где в роли главного компонента выступают глаголы: седх «хотеть, намереваться», белдх «готовиться», йовх «идти», орх «прийти» и нек. другие. Интересно отметить, что разбираемые нами сочетания соответствуют русским глагольным словосочетаниям, где в роли зависимого слова выступает инфинитив. Например: йовхар белдх «готовиться ехать», бэрхэр седх «намереваться поймать». Русскому инфинитиву в таких случаях будет соответствовать по значению калмыцкое причастие будущего времени в форме орудного падежа. Вне указанных сочетаний разбираемое причастие не употребляется. Здесь можно отметить ин-

тересное явление, подчеркивающее специфичность калмыцких причастий, а именно: в калмыцких причастиях, встречающихся в подобных сочетаниях, с одной стороны, содержание чисто глагольное без примесей именных признаков, как у «обычных» причастий; с другой стороны, форма — чисто именная, которая присуща существительным (падежная форма). Вот такое необычайное совмещение содержания (глагольного) и формы (именной) у ряда причастий в калмыцком языке и дает основание для выделения особых «необычных» причастий наряду с «обычными». Особенно интересны «необычные» причастия в таких синтаксических словосочетаниях, которые до сих пор в монголистике получают самое разное толкование и объяснение. Приведем примеры с подобными сочетаниями: 1. Тигэд байна көвүн йовж йовад, эргин шуурхаһас утан һарчахиг үзэд ирнэ. /«Хальмг туульс»/. «Между тем, продолжая идти, сын богача видит, как из расщелины берега поднимается дым». 2. Намаг уурлхла, өвгн инэдгән зогсав. /Манжин Н./ «Когда я рассердился, старик перестал смеяться». 3. Манниг салхд, көвүнчн нилх билэ. /Манжин Н./ «Когда мы расстались, этот твой сын был маленьким». 4. Үг медшго күүнд үг келхэр, үкрин өвр деер зарм цац. /Пословица./ «Чем разговаривать с непонимающим человеком, лучше сыпать просо на рога коровы».

Из примеров мы выделяем следующие словосочетания, которые нас интересуют: эргин шуурхаһас утан һарчахиг «из расщелины берега поднимался /выходил/ дым», намаг уурлхла «когда я рассердился», манниг салхд «когда мы расстались», үг медшго күүнд үг келхэр «чем говорить с непонимающим человеком».

При изучении «необычных» причастий, в первую очередь бросается в глаза то, что они могут иметь различные падежные формы. В зависимости от формы причастия можно выделить несколько групп подобных сочетаний или конструкций:

Первая группа, где «необычное» причастие выступает в форме винительного падежа, например: Һәәхә-һәәхә бәәж генткн серл орад, көвүн күүкдиг ямаран батхн иджәхинь шинжлв. «Наблюдая, юноша вдруг вспомнил, какая муха укусила /кусала/ девушек».

Вторая группа, где «необычное» причастие выступает в форме орудного падежа, например: 1. Зун күүнә

чирэ үзхэр, нег күүнэ нер мед. /Пословица./ «Чем видеть лица ста людей, узнай лучше имя одного человека». 2. Балһс орхар колхозин ахлач белн болчкв. /Бадмин Б./ «Председатель колхоза приготовился, чтобы ехать в город».

Третья группа, когда «необычное» причастие имеет форму дательного падежа, например: 1. Дэкэд хойр тоолснд, хөн йирн негэр харна. /Манжин Н./ «Когда во второй раз посчитали, то овец вышло девяносто одна». 2. Үүнэсн Дээртин өмн бийэр давад, хурвн Бөөргт күрч ирэд, хэрү хэрх юмн, — гиж. Зурһан келснд, хажудк көвүн зөв гинэ. /Манжин Н./ «Отсюда пойдём мимо холма Дярта, дойдем до трех Беерг, попасем там и вернемся, — сказал Зурган, и мальчик согласился».

Четвертая группа, когда причастие имеет форму соединительного падежа, например: 1. Медсн болхла, үүнэс хооран камзал үмсдгэн уурнч? — гиж Нарма сурв. /Манжин Н./ «Если ты поняла, то с этого момента перестанешь носить камзол? — спросила Нарма.» 2. Харарн нег кү диилхлэ, толһаһарн миңһ диилх. /Пословица./ «Если рукой одного человека победишь, то головой /умом/ — тысячу человек».

«Необычному» причастию будущего времени в форме соединительного падежа в калмыцком языке соответствует по значению причастие будущего времени в форме с суффиксом -нь, например: болхла-болхнь, авхла-авхнь, орхла-орхнь. Интересно, что в переписке калмыков начала 18 века встречается чаще форма с суффиксом -нь.

Пятая группа, когда причастие имеет форму с суффиксом -ара//-эрэ. Происхождение этого суффикса не совсем ясно. Хотя этот суффикс напоминает показатель орудного падежа, все же они не тождественны. Например: 1. Мини нег меддг керг — бодниг суулһж урһалһн, энүг би Кулундад бээхэрэ медж авлав. /Инжин Л./ «Одно знакомое мне дело — выращивание картофеля. Этому я научился с тех пор, как жил в Кулунде». 2. Сахлм намаг хөрн тавтадм урһла, үсм төрхэрэ бээһэ. /«Хальмг туульс»/. «Усы выросли у меня, когда мне было двадцать пять лет, волосы же у меня с тех пор, как я родился». 3. Сурһуль сурсара гертэн ирэд уга. «С тех пор, как начал учиться, дома не был».

Причастия с суффиксом -ара//-эрэ по значению на-

поминают причастия с суффиксом -ас/-эс, т. е. с суффиксом исходного падежа, которые в подобных сочетаниях не появляются.

Шестая группа, когда причастие имеет форму именительного падежа. Например: Баһ-Цоохр. Манжас Уст орад нархла Бор худгин деед-өмн бийд мал услжасн үзгдв. «Баг-Цохур. Когда направлялся от Манджи в Юсту, то около Бор-худука **показался пьющий воду скот**». /Манжин Н./

Несколько замечаний о причастиях в форме совместного падежа. Подобные причастия не принимают участие в образовании причастных конструкций с предикативной связью. Это, вероятно, связано с тем, что именно этот падеж /совместный/ приспособлен в калмыцком языке для выражения признака. Причастия в форме совместного падежа подверглись адъективации и некоторые из них перешли окончательно в класс прилагательных. Например: причастия на -а/-э в форме совместного падежа стали прилагательными /срав.: хаалһата «закрытый», уята «завязанный», секэтэ «открытый»/. Подробно описал это явление Т. А. Бертагаев.

В настоящее время в монголистике такие конструкции получают различное объяснение. Г. Д. Санжеев называет их «развернутыми членами предложения»²³⁴. Но что они собой представляют (предложения или обороты), Г. Д. Санжеев не объясняет. Об этом наглядно говорят его следующие высказывания: «Развернутый член предложения, образуемый из причастного и деепричастного оборота, по своей структуре есть предложение, следовательно, в лице «развернутого члена мы имеем предложение в предложении»²³⁵, «любой оборот (причастный и деепричастный) по своему строению, по своей внутренней структуре представляет собой такую же организацию слов, как и предложение «вообще»²³⁶. В более поздней работе Г. Д. Санжеев обращает внимание на то, что подобные конструкции очень трудно куда-либо отнести из существующих синтаксических конструкций: «Во многих случаях можно обнаружить такое субъективное употребление будущего времени,

²³⁴ Санжеев Г. Д. Синтаксис бурят-монгольского языка. Улан-Удэ, Бурятиздат, 1940.

²³⁵ Там же, стр. 14.

²³⁶ Там же, стр. 127.

когда оно оказывается подлежащим лишь формально. Фактически являясь обстоятельством или таким компонентом предложения и сложного синтаксического целого, которому трудно найти место в общепринятой синтаксической классификации, например, калм.: *Өрлэ бо-сад нархнь өвдгцэ цасн орж.* (Павлов) «Когда утром я встал и вышел, то оказалось, что снег выпал по колена». *Ораһаснь маажхнь тавн өтн унм, заһрмгаснь маажхнь арвн өтн унм* («Джангар», из песни о Хонгоре). «Такой он шулуdivный, что с него падало пять червей, когда поцарапаешь его с макушки, падало десять червей, когда поцарапаешь его с висков»²³⁷.

В этой же работе мы находим: «Однако в монгольских языках встречаются многочисленные случаи такого применения прошедшего причастия в именительном падеже, сопровождаемого теми же лично-притяжательными частицами, когда вопреки ожиданию оно оказывается не подлежащим какого-нибудь предложения или логически субъективным членом словосочетания, а тем, что условно можно назвать пока квазиподлежащим или квазиподлежащим причастным оборотом (дальнейшее уточнение этого явления предоставим грамматистам)». Г. Д. Санжеев отрывает причастные конструкции, в которых причастие имеет форму именительного падежа, от подобных конструкций, где причастия, правда, имеют другие формы (падежные).

Т. А. Бертагаев называет интересующие нас конструкции «абсолютными оборотами»²³⁸, которые подразделяются на «полупредикативные обороты» и «недостаточные предложения».

Иную позицию в этом вопросе занимают бурятские исследователи Д. А. Алексеев и Д. Д. Амоголонов. Д. А. Алексеев в своей работе «К вопросу о синтаксисе сложного предложения» считает, что причастные и деепричастные обороты вполне отвечают требованиям придаточных предложений. Такого же мнения придерживается и Д. Д. Амоголонов.

Обобщая взгляды известных монголистов по вопро-

²³⁷ Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол, стр. 203.

²³⁸ Бертагаев Т. А. «О синтаксических особенностях деепричастных словосочетаний первой группы». — Сб. «Академику В. В. Виноградову». М., АН СССР, 1956, стр. 82—83.

су о причастных оборотах, которые мы предлагаем называть причастными конструкциями, чтобы не отождествлять их с причастными оборотами в их традиционном понимании, мы можем заметить, что все исследователи очень тонко чувствуют специфичность этих конструкций, но место их в системе языка еще определено не точно. Одни приравнивают такие конструкции к причастным оборотам (Б. Бадмаев), другие — к придаточным предложениям (Д. А. Алексеев, Д. Д. Амоголонов), третьи считают их «распространенными членами предложения» (Г. Д. Санжеев).

Безусловно, исходя из данных калмыцкого языка, мы имеем здесь синтаксическую конструкцию, которая находится еще только в стадии становления. Еще чувствуется связь этой конструкции с первоначальной ее формой — субстантивированным причастием, но одновременно наблюдается и новое, что отличает эти конструкции от субстантивированных причастий с зависящими от них словами, а именно, наличие предикативной связи внутри этой конструкции. Причастие, находясь в постпозитивном положении по отношению к своей группе, обладая глагольными признаками и некоторой самостоятельностью внутри предложения, стало постепенно «предикативироваться». В настоящее время причастие в подобных позициях настолько «оглаголилось», что глаголом не позволяет его признать только именная форма. Причастия в указанных позициях продолжают и сейчас предикативироваться. Недаром они в определенных предложениях соотносятся с конечными формами глаголов. Интересны в этом отношении структурные построения пословиц и поговорок. Сравнить: Толһа менд бәәхлә, токуг, шиврлг олдх. «Если голова **будет** на плечах, то токуг и шиврлг **найдутся**». Нар көндрхлә, амн чигн көндрдг. «Если рука **двигается /работает/**, то и рот **двигается /работает/**». Түлән усн хойр бәәхлә, хот олддмн. «Если дрова и вода **будут**, то и еда **найдется**».

В становлении синтаксической конструкции в настоящее время принимают участие не только так называемые «необычные» причастия, но и отглагольные существительные на -лһн. Например: 1. **Өрлә өвгиг дуг гийһд унтлһнлань**, залу босад өвгнә һосна ормд эврәннь һос тәвәд, эврәннь һосна ормд өвгнә һосиг тәвчкнә /«Хальмг туульс»/ «Рано утром, когда старик немножко

вздремнул, мужчина встал и поставил свои сапоги на место стариковских сапог, стариковские сапоги поставил на место своих сапог». 3. **Авдран секлһнлэнь**, цааһаснь көвүн һарч ирэд, өвгиг һарһад көөнэ /«Хальмг туульс»/. «**Как открыл сундук**, оттуда выскочил юноша и погнал старика». 3. Эдниг темәһән өвчэд чилэлһнлэ, түлэнд одсн барс ирнэ. /«Хальмг туульс»/ «Как только они разделали верблюда, вернулся барс, ходивший за топливом».

Отглагольные имена с суффиксом -лһн в форме совместного падежа могут превращаться в глагольные формы с модальным значением, например: Нег таньдг күүнд мөңгән **өглһтэ**. «Одному знакомому человеку, видимо, **надо дать** деньги». Такие отглагольные имена функционируют как конечные глагольные формы.

Имеются подобные синтаксические конструкции не только с причастием, отглагольным именем, но и с отрицательной частицей -уга, например: **Ноха угад**, һаха хуцдг. «**Когда нет собаки**, и свинья лает». Все это говорит об усилении самостоятельности подобных синтаксических конструкций и, вероятно, мы будем здесь иметь самостоятельные предложения, где причастия, отглагольные существительные в падежной форме окончательно приобретут глагольное значение, а формы их будут осознаваться как показатели определенных грамматических значений. Ведь имеем же в калмыцком языке схожий случай, когда бывшее разделительное деепричастие «оглаголилось» и стало одной из конечных временных форм глагола, например: бээж, сууж, авч, бэрж.

Появление предикативной связи в интересующих нас конструкциях повлекло к тому, что слово, обозначающее субъект того действия, которое передается причастием, стало иметь уже не форму родительного падежа, а форму винительного. В ряде случаев субъект действия в этих конструкциях выражен именительным падежом. Например: **Нарн һархла**, дулан болх. «**Если солнце** взойдет, будет тепло».

Интересно здесь вспомнить причастные обороты, стоящие перед определяемым словом, которые имеют при себе слова, обозначающие субъект действия, выраженные либо существительным, либо местоимением в родительном падеже, например: Агрономин келсн селвг. «Совет, данный агрономом». Здесь причастный оборот

«агрономин келсн» является определением к «селвг». Препозиция причастного оборота по отношению к определяемому слову не позволяет в данном случае появлению предикативной связи. Причастный оборот находится в данном случае в такой позиции, которая всецело принадлежит определению. В этой именно позиции формируются прилагательные калмыцкого языка. Сравнить: модн «дерево», но модн гер — «деревянный дом». Вот почему в позиции перед существительными причастия тяготеют к прилагательным.

Но из истории калмыцкого языка известны случаи, когда целые группы существительных переходили из своего класса в класс служебных слов. Это в первую очередь относится к служебным словам — послелогам, например: тал, хөөн, ца, цагт и некоторые другие. В недалеком прошлом такие послелогичны, как тал, цагт, были самостоятельными словами — именами существительными. В результате их частого употребления в служебной функции лексическое значение у них стало утрачиваться. В конце концов у них осталось только грамматическое значение. Процесс грамматикализации еще продолжается, поскольку у некоторых послелогов еще чувствуется связь с исходными существительными. Сравнить: тал «сторона» и гер тал «домой», «в сторону дома». С появлением в калмыцком языке послелогов связано возникновение «послеложных конструкций». Появляются и сочетания «причастных оборотов» с послелогичны типа: Намаг ирсн хөөнь, тедн ирлэ. «Они пришли после моего прихода».

В прошлом послеложные конструкции представляли собой именные словосочетания, структурное строение которых было таково: причастие (или причастный оборот) + имя существительное, т. е. такое, как в примере «Агрономин келсн селвг». В связи с грамматикализацией существительных, превращением их в послелогичны (служебные слова) главное лексико-грамматическое значение начинают приобретать причастия, что сказалося на возникновении предикативной связи и в послеложных конструкциях. Предикативная связь потребовала более четкого и более определенного выделения слова, обозначающего субъект действия, выраженного причастием. Вот почему и в послеложных конструкциях слово, выражающее субъект действия, передается не только ро-

дательным падежом, но и винительным. Для соотнесения послеложных конструкций с остальными подобными причастными конструкциями, где причастия имеют падежную форму, мы их условно можем называть причастными конструкциями, где причастие имеет падежную форму родительного падежа.

Вывод: В калмыцком языке имена существительные могут возникать благодаря субстантивации причастий, которые необходимо отличать от «необычных» причастий, являющихся опорным компонентом предикативных причастных конструкций.

В последнее время причастия и причастные обороты изучались Г. Ц. Пюрбеевым²³⁹, который их разделил на два вида: простые и самостоятельные. Как отмечает исследователь: «Они противостояли друг другу по двум признакам: простой оборот представляет всегда открытый развернутый член предложения, в нем нет и не может быть субъектного имени; самостоятельный же оборот является закрытым развернутым членом, и в нем всегда присутствует субъектное имя. Таким образом, в простом обороте всего лишь один ведущий член: причастие или деепричастие, а в самостоятельном — два: причастие или деепричастие и субъект оборота». Терминология Г. Ц. Пюрбеева соответствует нашим названиям причастий «обычных» и «необычных», которые мы впервые употребляли в одной из своих ранних работ²⁴⁰.

Итак, субстантивация — это способ словообразования, при котором деривационное значение передается грамматическими формами прилагательных, причастий, выступающих в роли существительных, например: Хөөткэн сансн — цецн, хуучан хатхсн — урн. (Пословица.) «Мудрый тот, кто думает о будущем, искусен тот, кто чинит старое». В приведенном предложении хөөткэн «о будущем» и хуучан «о старом» — субстантивированные прилагательные. Некоторые субстантивированные прилагательные, причастия окончательно перешли в класс существительных. Например, причастие боодг «завязывающий» (от гл. боох «завязывать») в результате субстантивации перешло в класс существительных со зна-

²³⁹ Пюрбеев Г. Ц. Грамматика калмыцкого языка. стр. 206—207.

²⁴⁰ Сусеева Д. А. К вопросу о причастиях в калмыцком языке. — Научные труды КГПИ, Ставрополь, 1969.

чением «пруд». В результате указанного процесса в калмыцком языке имеются два разных слова — причастие боодг «завязывающий» и существительное боодг «пруд», которые отличаются друг от друга лексическим значением, парадигмой и дистрибуцией.

Ср. причастие «боодг»

1. Лексическое значение причастия — обозначение действий как признака «завязывающий».

2. Структура причастия: боо-дг где боо — корень, -дг — суффикс многократного причастия, противопоставляемый суффиксам -сн (боосн) и -х (боох).

3. Причастие боодг — одна из форм глагола боох «завязывать», т. е. выступает, как форма глагольной парадигмы.

и существительное «боодг»

1. Лексическое значение сущ-го обозначение водоема (пруда).

2. Структура сущ-го: боо-дг, где боо — корень, -дг — суффикс противопоставленный словообразовательным суффиксам имен сущ-ных типа -үр (бэрүл «рукоятка», -э (бөглэ — «пробка»).

3. Существительное боодг — единица словаря и имеет свою парадигму, характерную для любого сущ-го калмыцкого языка.

2. АДЪЕКТИВАЦИЯ

Порядок слов в калмыцком языке играет большую роль в процессе образования имен прилагательных. Так, имена существительные и причастия, попадая в позицию перед другими существительными, начинают функционировать как имена прилагательные. Этот процесс называется адъективацией, а производные — адъективами.

В калмыцком языке мы различаем адъективацию имен существительных и причастий, которые чаще всего пополняют класс прилагательных...

Адъективация имен существительных

Адъективация имен существительных в калмыцком

языке рассматривалась А. Л. Каляевым²⁴¹. В своих работах он проводит мысль, что адъективации подвергаются имена существительные в именительном, родительном и совместном падежах, что адъективация бывает полной и «недостаточной».

В отличие от А. Л. Каляева мы считаем, что адъективация имен существительных в калмыцком языке происходит на более широкой базе и в разной степени²⁴².

Базой для адъективации имен существительных служит именительный, родительный, винительный, орудный и совместный падежи.

Именительный падеж. Имена существительные в именительном падеже, выступая в роли определения, имеют разные значения: 1) указывают на видовые наименования того, что выражено определяемым словом, например: һәрд шовун «орел» (букв. «орел — птица»), бамб цецг «лотос» (букв. «лотос-цветок»), нерн зэцг «назывное предложение» (букв. «имя-известие»); 2) обозначают материал, из которого изготовлено то, что названо определяемым, например: ишкә гер «войлочная кибитка» (букв. «войлок-кибитка»), төмр тайг «железный посох» (букв. «железо-посох»); 3) обозначают источник силы, например: салькн теерм «ветряная мельница» (букв. «ветер-мельница»), мәрн тергн «конная телега» (букв. «конь-телега»), темән тергн «верблюжья телега» (букв. «верблюды-телега»); 4) обозначают признак, например: хальмг келн «калмыцкий язык» (букв. «калмык-язык»). Из указанных четырех значений три последних свойственны чаще всего именам существительным, подвергшимся адъективации.

Родительный падеж. Имена существительные в родительном падеже, выступая в роли определения, тоже имеют разные значения, но не все из них характерны для адъективных имен существительных. Так, в калмыцком языке основой для адъективации служат те имена существительные в родительном падеже, которые

²⁴¹ Каляев А. Л. Об адъективации имен существительных. «Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ», Элиста, 1967, № 2, стр. 93—104; то же. Имена прилагательные в современном калмыцком языке. АКД, М.—Э, 1970, стр. 9—13.

²⁴² Сусеева Д. А. К вопросу о типах именных словосочетаний в современной калмыцкой терминологии. — Записки НИИЯЛИ, вып. 2. Элиста, 1962, стр. 160—165.

обозначают признак (например: усна эдл-аху «водное хозяйство», а букв. «воды хозяйство»), время (например: сөөһин аңһуч «ночной охотник», а букв. «ночи охотник»; хаврин усна ору «весеннее половодье», а букв. «весны воды разлив»), место (например: уулын мацгд «горский татарин», а букв. «горы татары»). Имена существительные в родительном падеже с другими значениями в адъективации участия не принимают. К их числу относятся такие значения, как «принадлежности» (например: нуурин көвэ «берег озера», ахин гер «дом старшего брата»), «части целого» (например: үгин чилгч «окончание слова», үгин сүүр «основа слова»).

Винительный падеж. Имена существительные в винительном падеже выступают в препозиции к отглагольным существительным на -лһн и обозначают объект действия, например: зура зурлһн «съемка плана» (букв. «план-рисование»), көвң тэрлһн «хлопководство» (букв. «хлопок-посев»). Имена существительные в винительном падеже в сочетании с отглагольным существительным на -лһн являются источником образования сращений (сложных слов).

Орудный падеж. Имена существительные в орудном падеже, выступая в препозиции к отглагольным существительным на -лһн, тоже подвергаются адъективации, например: амар келлһн «устная речь», хурдар умшлһн «беглое чтение».

Совместный падеж. Имена существительные в совместном падеже адъективируются очень часто. Базой для адъективации служат те из них, которые обозначают признак, свойство, качество, например: инэдтэ үг келэд «сказав смешное слово», йоста күн «настоящий человек».

Адъективные имена существительные отличаются от имен существительных, не подвергшихся адъективации рядом признаков. Во-первых, они часто употребляются в ряду прилагательных, например: хар һадрта зузан тетрадь «толстая тетрадь в черной обложке». Во-вторых, употребляются в ряду однородных членов предложения, дополняющих друг друга, например: Тиим олнд түста, һалта зүрктэ улсан яһад болв чигн хадһлһин (Эрнжэнэ К. «Һалан хадһл»). «Таких людей, полезных многим, с горячим сердцем, необходимо во чтобы то ни стало поддержать». Следовательно, в калмыцком язы-

ке для адъективации имен существительных необходим определенный контекст.

Следует различать два вида адъективации: лексическую и синтаксическую. При лексической адъективации имена существительные переходят полностью в класс прилагательных, становясь единицей словаря, например: гижгтэ күүкн «взрослая девушка», салькта өдр «ветренный день»; чолун гер «каменный дом», алтн билцг «золотое кольцо». Лексическая адъективация характеризуется тем, что адъективы (производные) имеют общее значение «признака», грамматические свойства прилагательных связаны в тексте только с определяемыми словами и не имеют при себе зависимые слова. При синтаксической адъективации переход в класс прилагательных осуществляется неполный. Адъективы, имея общее значение «признака», грамматические свойства прилагательных, связь с определяемым словом, выступают в сопровождении зависимых слов, например: шар үстэ хо-цаһан күүкн «светловолосая беленькая девушка», ик номта күн «высокообразованный человек», буурл үстэ профессор «седовласый профессор». Синтаксическая адъективация в современном калмыцком языке служит базой для образования сложных прилагательных.

Адъективация причастий

Адъективные причастия занимают заметное место в числе производных калмыцкого языка. Процесс адъективации происходит на базе тех причастий, которые прошли субстантивацию. Из числа субстантивных причастий адъективации подвержены те, которые имеют форму именительного и совместного падежей и обозначают признак.

Именительный падеж. В форме именительного падежа адъективируются причастия на -дг, -сн, -гч, например: амрдг өдр «день отдыха» (букв. «отдыхающий день»), бел кесн хот «готовая еда», өггч книсквр «дательный падеж».

Совместный падеж. В форме совместного падежа адъективируются причастия на -а// -э (со значением продолжительности действия), например: өлгэтэ шам унтраһад «потушив всячую лампу».

В калмыцком языке следует различать лексическую и синтаксическую адъективацию причастий. При лексической адъективации причастия полностью переходят в класс прилагательных, например: нерэдгч «именительный», төргч «родительный», гемнгч «винительный», бүрдэгч «творительный», ниилүлгч «соединительный» (о падежах). При синтаксической адъективации переход осуществляется неполный. Причастия сохраняют способность управлять зависимыми словами, например: багшин келсн үг «слово, сказанное учителем», эн мини үүрлдг күүкн «девушка, с которой я дружу».

3. АДВЕРБИАЛИЗАЦИЯ

Адвербиализация — один из самых продуктивных способов образования наречий. Сущность указанного способа сводится к тому, что некоторые грамматические формы имен существительных, прилагательных, числительных, глаголов, причастий, деепричастий и местоимений выпадают из системы парадигм, изолируются и превращаются в наречия, например: хажуһаснь хэлэх «смотреть сбоку» (от субстантивированного прилагательного в исходной форме хажуһас «со стороны»), хурдар ирх «прийти быстро» (от субстантивированного прилагательного в форме орудного падежа хурдар «с быстротой»).

Адвербиализация в калмыцком языке происходит на широкой основе. Базой для нее служат имена существительные, субстантивированные прилагательные, причастия, числительные, местоимения в форме дательного, орудного, направительного и исходного падежей. Адвербиализуются и отдельные деепричастные формы, например, соединительные деепричастия.

Все наречия, образованные путем адвербиализации, делятся на следующие группы:

1. Производные от существительных, субстантивированных прилагательных, числительных в форме дательного падежа, например: альд «где», һаза «на улице», урд «раньше», ард «сзади», герт суух «сидеть дома».

2. Производные от существительных, субстантивированных прилагательных, местоимений, числительных в орудном падеже, например: чацһар «сильно» (от чацһ — «сильный», эдлэр «равномерно» (от эдл — «одинако-

вый»), байртаһар (от байрта — «радостный»), һольшгар «радушно» (от һольшг — «радушный»), медгдмәр «разборчиво» (от медгдм — «разборчивый»), салупар «раздельно» (от салу — «раздельный»), эртәр «рано» (от эрт — «ранний»), зунар «летом» (от зун — «лето»), намрар «осенью» (от намр — «осень»), нежәдәр «по-одному» (от негн — «один»), миниһәр «по-моему» (от ми-ни — «мой»), танаһар «по-вашему» (от тана — «ваш»).

3. Производные от существительных, субстантивированных прилагательных в форме направительного падежа, например: һазаһур «вне, снаружи» (от һаза — «на улице»), дотраһур «во внутрь» (от дотр — «нутро»), дораһур «понизу» (от дор — «низ»).

4. Производные от существительных, субстантивированных прилагательных в исходном падеже, например: дотрас «изнутри» (от дотр — «нутро»), һазаһас «с улицы» (от һаза — «на улице»), гертәс йовх «идти из дому» (от гер — «дом»).

5. Производные от качественных прилагательных, которые без падежных аффиксов могут выступать в функции наречий, например: сән кех «сделать хорошо», чик умшх «правильно читать», (бап кех «мало сделать»).

6. Производные от соединительных деепричастий на -ж, -ч, например: дәкж ирш уга «больше не придет».

Адвербиализованные существительные, прилагательные, числительные, местоимения отличаются от соответствующих им частей речи тем, что они выступают в разных окружениях. Дистрибуция адвербиализованного прилагательного, например, существенно отличается от обычного прилагательного. Прилагательные в контексте всегда сочетаются с существительными с правой стороны, в то время как адвербиализованные прилагательные — только с глаголами. Сравнить: сән күн «хороший человек» и сән келх «сказать хорошо», халун өдр «жаркий день» и халун болв «стало жарко».

Адвербиализованные существительные в отличие от обычных существительных не имеют при себе определений. СРАВ.: Харада хаврар ирнә. «Ласточка прилетает весной». Эн хаврар ик хур орва. «Этой весной шел большой дождь».

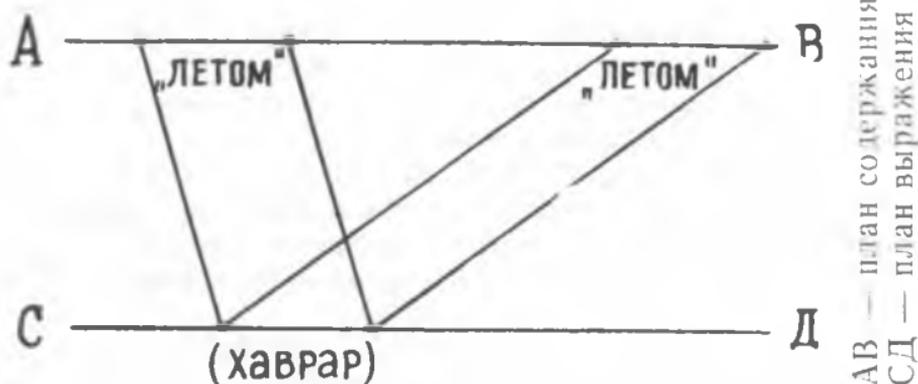
Следует различать адвербиализацию лексическую и синтаксическую. При лексической адвербиализации образуются новые наречия, а при синтаксической — неко-

торые части речи только функционируют (оказанонально) в роли наречий в определенных синтаксических условиях. Два типа адвербиализации можно передать схематически:

Лексическая адвербиализация:

1. Имя сущ. в оруд. падеже

2. Наречие времени

Синтаксическая адвербиализация:

1. Соединительное деепричастие («лежа»)

2. В функции наречия («лежа»)

Синтаксической адвербиализации обычно подвергаются деепричастные формы калмыцких глаголов.

Лексическая адвербиализация настолько распространенное явление в калмыцком языке, что падежные окончания существительных -ар//-эр, -ас//-эс, -д//-т, -ур//-ур и суффикс соединительного деепричастия -ж//-ч ассоциируются с продуктивными словообразовательными суффиксами.

Часть III. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КАЛМЫЦКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Развитие калмыцкого словообразования в советский период было подготовлено всем ходом развития и функционирования калмыцкого языка в новых исторических условиях с 17 в., т. е. с момента вхождения калмыцкого народа в состав России.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции изменившиеся общественные условия внесли много нового в функционирование калмыцкого языка, что заметно сказывается на внутрисистемных изменениях калмыцкого словообразования.

Особенно это ярко проявляется на функционировании калмыцкого языка в условиях развитого социалистического общества, когда в Калмыкии складывается такая языковая ситуация, при которой сосуществуют следующие языковые процессы: 1) дальнейшее развитие калмыцкого языка и его обогащение за счет русского языка, 2) распространение калмыcko-русского двуязычия среди калмыков и 3) функционирование русского языка в качестве языка межнационального общения.

Глава I. ДВУЯЗЫЧИЕ, РАЗВИТИЕ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА И КАЛМЫЦКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

В настоящее время вопрос о двуязычии и развитии национальных языков является весьма актуальным. Он выдвигается на передний план в условиях развитого социализма объективными потребностями общественной жизни. Вопрос этот тесно связан с основной закономерностью социализма — процессом интернационализации. В материалах XXV съезда КПСС, в докладе тов. Л. И.

Брежнева «О пятидесятилетии Союза ССР» и в других партийных документах особое внимание обращается на то, что развитое социалистическое общество представляет собой высший для современной истории этап интернационализации общественной жизни. «Важнейшим проявлением социально-интернациональных процессов, происходящих в развитом социалистическом обществе, существенным показателем высокого уровня развития социализма является возникновение новой исторической общности людей — единого советского народа, отражающее гигантские масштабы интернационализации, охватывающей все стороны социальной, политической и культурной жизни народов СССР»²⁴³.

Одним из проявлений процесса интернационализации в зрелом социалистическом обществе является свободное развитие национальных языков и употребление русского языка в качестве языка межнационального общения, что приводит к появлению социального двуязычия. Интерес к этим явлениям связан не только с развитием наций и национальных языков СССР, но и с развитием национально-освободительного движения в зарубежных странах, где оно часто сопровождается борьбой за создание своих национальных письменно-литературных языков (в первую очередь это относится к народам Азии и Африки). Глубокое научное изучение интернационализации языковой жизни в нашей стране с позиций марксистско-ленинской философии является одной из актуальных задач современной науки о языке. Кроме того, актуальность указанного вопроса объясняется тем, что, выражая коренные тенденции в развитии языков в СССР, он закономерно становится одним из пунктов идеологической борьбы с зарубежными фальсификаторами советской действительности.

В советском языкознании не раз обращалось внимание на важность изучения национальных языков и двуязычия. В своих исследованиях советские лингвисты опираются на учение о языке, созданное классиками марксизма-ленинизма. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин не раз рассматривали вопросы, затрагивающие развитие национальных языков, например, в Англии, во Франции,

²⁴³ Дашдамиров А. В. Методологические аспекты исследования процессов интернационализации общественной жизни. «ВФ», № 10, 1974, стр. 11.

в Германии, в России и в других странах; они внимательно анализировали национальные отношения, складывающиеся в капиталистическую эпоху, и пути формирования национальных языков. О разнообразии путей складывания национальных литературных языков К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «...в любом современном развитом языке естественно возникающая речь возвысилась до национального языка благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском... отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленный экономической и политической концентрацией»²⁴⁴.

В. И. Ленин подчеркивал тесную связь между развитием капитализма и закреплением в литературе национального языка: «...для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»²⁴⁵. В работах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина мы находим богатый материал для правильного понимания проблемы национальных языков.

Понятие национального языка, сформированное классиками марксизма-ленинизма, резко отличается от понятия, выдвинутого в буржуазной литературе. В противоположность буржуазному определению национального языка, которое игнорирует исторические основы его образования (нр., в работах В. Гумбольдта, Л. Вайсгербера), марксистско-ленинская теория связывает национальные языки с возникновением и развитием наций. Так, В. И. Ленин, анализируя национальные отношения в России, относит возникновение «национальных связей в собственном смысле слова» «...только к новому периоду русской истории, примерно с XVII века»²⁴⁶. Тем самым определяется время сложения русского национального литературного языка.

²⁴⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, стр. 427.

²⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 258.

²⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137.

Национальные языки капиталистических наций в своем развитии следуют общему закону, управляющему национальным развитием в буржуазном обществе. «Развивающийся капитализм, — пишет по этому поводу В. И. Ленин, — знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.

Обе тенденции — суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм»²⁴⁷. При капитализме в условиях классовой борьбы указанные тенденции проявляются в антагонистической форме. Естественной реализации этих тенденций препятствуют законы капитализма (нр., прибавочная стоимость и др.). Частно-собственническая конкуренция ведет к тому, что интернационализация осуществляется в форме подчинения одних наций к развитию национальных особенностей — в форме борьбы и соперничества²⁴⁸. Все это, как известно, находит прямое отражение в развитии национальных языков. Именно в условиях капиталистического развития с неизбежностью возникают националистические тенденции, отстаивающие национальную замкнутость, «чистоту» национального языка (пуризм), появляются утверждения о существовании цивилизованных и нецивилизованных языков (Б. Уорф, Л. Вайсгербер и др.).

С победой Великой Октябрьской социалистической революции начинается новый этап в развитии национальных языков. При социализме в языковом процессе действуют две взаимосвязанные тенденции: всестороннее развитие национальных языков и их взаимодействие, взаимообогащение. Эти тенденции по своему содер-

²⁴⁷ Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. т. 24.

²⁴⁸ Свердлов И. М. А., Рогачев П. М. Коммунизм и нации. Калмгосиздаг, 1964, стр. 7.

жанию противоположны тенденциям развития национальных языков в эпоху капитализма. Эти тенденции способствуют укреплению братского сотрудничества социалистических наций и дополняют друг друга. В зрелом социалистическом обществе тенденции взаимодействия и взаимообогащения национальных языков все более усиливаются.

Наряду с указанными тенденциями в обществе зрелого социализма один из национальных языков функционирует в качестве языка межнационального общения, что приводит к широкому распространению социального двуязычия. Настоятельная потребность в общении народов между собой выдвинула в качестве межнационального языка — русский язык. В этом акте проявляется во всей полноте основная сущность человеческого языка — быть прежде всего средством общения. Роль русского языка в общественной жизни все более возрастает в связи с тем, что «за годы социалистического строительства в нашей стране возникла новая историческая общность людей — советский народ»²⁴⁹. Свободное развитие национальных языков, их взаимодействие и обогащение, расширение русско-национального двуязычия в нашей стране являются практическим осуществлением ленинской национальной политики — политики равенства и дружбы народов, проводимой КПСС.

В настоящее время необходимость исследования национальных языков и русско-национального двуязычия в советскую эпоху признается всеми. Этим вопросам посвящены специальные всесоюзные совещания. Важность их была подчеркнута в резолюциях совещаний, где задача изучения развития национальных языков и двуязычия выдвинута в современном языкознании на передний план.

В последние десятилетия появились многочисленные статьи и монографии²⁵⁰, посвященные общетеоретическим вопросам образования и функционирования национальных языков. Проводятся исследования по опреде-

²⁴⁹ Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду КПСС. Материалы XXIV съезда, М., Политиздат, 1971, стр. 75—76.

²⁵⁰ См. «Вопросы развития литературного языка народов СССР», Алма-Ата, АН Казахской ССР, 1964, — Сб. «Проблемы двуязычия и многоязычия». М., «Наука», 1972.

лению специфики национального языка в сравнении с языком народности, уточняется содержание самого понятия «национальный язык» в его соотношении с такими категориями, как «литературный язык», «литературная норма», «общенациональная норма», «территориальный диалект»²⁵¹. Большой интерес в этом плане представляют работы Ю. Д. Дешериева, в которых были поставлены вопросы методологии и методов исследования процессов функционирования, развития и взаимодействия современных языков народов СССР.

Ю. Д. Дешериев справедливо отмечает, что «...пожалуй, ни в одной области языкознания не чувствуется в такой мере необходимость разработки методологических проблем, как в области исследования и закономерностей развития и взаимодействия языков мира. Ни в одной стране в области языкознания не накоплен столь обширный фактический материал, как в исследовании языков советских народов. В то же время очень слабо осуществляется как методологическое, так и теоретико-лингвистическое обобщение этого материала.

Как истолковать закономерности развития литературных языков народов СССР, их функциональное развитие, пути, куда они ведут, как исследовать вопрос, должно ли общество активно воздействовать на развитие и функционирование языков СССР, и если да, то каким образом — таковы весьма важные методологические и теоретико-лингвистические задачи, стоящие перед нашими языковедами. В освещении этих вопросов нуждаются советское языкознание, теория и практика коммунистического строительства в нашей стране»²⁵².

В калмыцком языкознании вопросы развития калмыцкого национального языка, взаимодействия с русским языком и русско-калмыцкого двуязычия наиболее широко ставятся и освещаются в последние десятилетия. Появляются первые попытки наметить характерные закономерности разных уровней языковой систе-

²⁵¹ Сб. «Вопросы формирования и развития национальных языков». Труды института языкознания, М., т. X, АН СССР, 1960, стр. 3.

²⁵² Дешериев Ю. Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., «Наука», 1966, стр. 17—18.

мы²⁵³. Разные аспекты в развитии калмыцкого языка были освещены Ц.-Д. Номинхановым, Б. Б. Бадмаевым, И. К. Илишкиным, Д. А. Павловым, У. У. Очировым, Б. Х. Тодаевой, А. Ш. Кичиковым, Б. Д. Муниевым, П. Ц. Биткеевым, Г. Ц. Пюрбеевым, А. Л. Каляевым, Н. Н. Убушаевым, М. У. Монраевым, М. Д. Онджановой, В. П. Дарбаковой и нек. др. Работы указанных авторов имеют определенную ценность для разработки вопросов развития калмыцкого национального языка и русско-калмыцкого двуязычия.

Убедительные примеры взаимодействия внешних и внутренних факторов в развитии калмыцкого языка дает область словообразования. Функционирование калмыцкого языка в условиях развитого социалистического общества и распространение в Калмыкии калмыcko-русского двуязычия накладывают определенный отпечаток на словообразовательные процессы калмыцкого языка. Дело в том, что в советское время в калмыцком языке под влиянием русского языка появилось значительное количество новых производных слов. Они создавались в целях обозначения новых для калмыков профессий, общественно-политических и философских понятий и категорий, производственных процессов и отношений, промышленной и сельскохозяйственной продукции и т. д. Возросшая потребность в номинации повлекла за собой активизацию словообразовательных процессов, которые протекают в двух направлениях: по линии роста продуктивности и регулярности словообразовательных типов и по линии расширения круга производящих основ.

Глава II. АКТИВИЗАЦИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТИПОВ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА ПОД ВЛИЯНИЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА

Пополнение калмыцкого языка за счет русских лексических заимствований оказало значительное влияние

²⁵³ Номинханов Ц.-Д. К вопросу развития калмыцкого литературного языка в советскую эпоху. — Записки НИИЯЛИ, вып. 3, серия филологическая. Элиста, 1964; Илишкин И. К. О некоторых вопросах, связанных с закономерностями развития калмыцкого литературного языка в советскую эпоху. — Сб. «Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху». Улан-Удэ, 1965; его же. Развитие калмыцкого литературного языка в условиях формирования калмыcko-русского двуязычия. Элиста, 1972.

на процессы словообразования. Русские слова «заимствуются потому, что полезны в семантических или экспрессивно-стилистических целях, а не потому, что имеют какое-то словообразовательное строение; причины заимствования только лексические. Но, проникая в литературный язык, заимствованные слова протекционированы определенным словообразовательным типам. Это один из частных случаев влияния лексики на словообразование»²⁵⁴.

Развитие калмыцкого языка в советскую эпоху в условиях взаимодействия с русским языком вызвало активизацию целого ряда словообразовательных типов. Новые слова, отражающие огромные социальные и культурные сдвиги в жизни калмыцкого народа, в жизни всего нашего советского общества, образуются с помощью словообразовательных средств калмыцкого языка как от исконно калмыцких корней, так и от заимствованных из русского языка. В связи с этим в калмыцком языке появляются новые ряды и гнезда однокоренных слов, например: агитатор, агитац «агитация», агитационн «агитационный», агитацлх «агитировать».

Наиболее продуктивными способами образования новых слов под влиянием русского языка оказываются суффиксальный способ и сложение.

Тенденция к увеличению существительных с отвлеченным значением

В образовании имен существительных активнее всех ведут себя суффиксы -лһн, -дл, -вр, -лт, -ц, -мж, обозначающие абстрактное действие или свойство, и суффикс -ч, обозначающий лицо.

Суффикс -лһн

Не будет ошибкой, если мы скажем, что современный русский язык протекционировывает калмыцкому суффиксу -лһн, с помощью которого в калмыцком языке образованы сотни имен существительных от исконно калмыцких корней, основ и от заимствованных, например: мар-

²⁵⁴ Словообразование современного русского литературного языка. М., «Наука», 1968, стр. 266.

шл-лнн «маршировка», автоматизацл -лнн «автоматизация», нормл -лнн «нормирование» и мн. другие. Дело в том, что отглагольные имена существительные на -лнн соответствуют часто в русском языке отглагольным синтаксическим дериватам, образуемым с помощью суффиксов: -ни (е): рисовать—рисова-ние, петь, пе-ние; -к (а): носить — нос-ка, разрезать — разрез-ка; нулевому суффиксу: отгонять—отгон, перелетать—перелет; -б (а): косить — кось-ба, молотить — молоть-ба.

Некоторые из них весьма продуктивны в современном русском языке. Их продуктивность имеет прямое отношение к активизации калмыцкого суффикса -лнн. Следует отметить, что образование существительных от глаголов с этим суффиксом носит в калмыцком языке регулярный характер.

Суффикс -вр

Суффикс -вр является синонимичным по отношению к вышерассмотренному. Образования с -вр соответствуют чаще русским производным с суффиксом -ни (е), например: шиид-вр «решение»: (от гл. шиидх — «решать»), дууд-вр «обращение» (от гл. дуудх — «звать»), даалн-вр «задание» (от гл. даалнх — «поручить»), белд-вр «приготовление» (от гл. белдх — «готовить»).

При переводе с русского языка производные с суффиксом -ни (е) передаются с помощью производных на -вр. Продуктивность русского суффикса -ни (е) также влияет на активизацию калмыцкого суффикса -вр.

Суффикс -лт, -ц, -мж

Под влиянием русских отглагольных существительных, обозначающих абстрактное действие или состояние, которые на калмыцкий язык тоже переводятся отглагольными существительными, активизировались суффиксы -лт, -ц, -мж, например: тосх-лт «строительство» (от тосхх — «строить»), научно-техническ девшлт «научно-технический прогресс» (от девшх — «лезть вверх»), делгр-лт «распространение» (от делгр-х — «распространиться»), хэлэ-ц «взгляд» (от хэлэх — «смотреть»), эклц- «возникновение», «начало» (от эклх — «начать»),

нар-ц «выпуск» (от нарх — «выйти»; күцэмж «достижение» (от күцх — «достигнуть») и мн. другие.

Суффикс -ч

При помощи суффикса -ч образуются имена существительные с самыми разнообразными лексическими значениями. При образовании слов из заимствованных корней, основ суффикс -ч ничего не прибавляет к лексическому значению производящей основы, но придает производному слову форму калмыцких существительных, что позволяет им функционировать в калмыцком языке, например: математик-ч «математик», металлург-ч «металлург», микробиолог-ч «микробиолог».

Итак, при взаимодействии с русским языком калмыцкий язык обогащается новыми производными словами, которые появляются под влиянием определенных русских суффиксальных производных. Кстати, на подобный факт указывает и исследователь современного монгольского языка Б. Содном²⁵⁵.

Сложение

Под влиянием русского языка появились сложные слова типа: төмр-бетон «железо-бетон», фотоһәэхүл «фотовыставка», телеүзгдл «телевидение», радиозэцгс «радиосообщение», в которых объединяются русские и калмыцкие корни. Процесс образования подобных слов в современном калмыцком языке весьма продуктивный.

Тенденция к увеличению относительных имен прилагательных

Суффикс -а// -э, -ин// -ын, -та// -тэ

Наиболее продуктивными при образовании имен прилагательных в современном калмыцком языке являются суффиксы: -а// -э, -ин// -ын, -та// -тэ, которым протекционированы русские относительные прилагательные, на-

²⁵⁵ Содном Б. Современная монгольская научная терминология. — Сб. «Олон улсын монголч эрдэмтний, II их хурал, II боть, Улаан-Баатар, 1973, стр. 119.

пример: совхоз-ин ферма «совхозная ферма», командировк-ин цаасн «командировочное удостоверение», партизан-а отряд «партизанский отряд», совет-ин йосн «советская власть» и мн. др.

Прилагательные, образованные с помощью указанных суффиксов, в калмыцком языке также относятся к относительным прилагательным. Круг подобных прилагательных расширяется в настоящее время в связи с тем, что резко возрастает потребность в обозначении разного рода отношений к предметам, в создании сложных номинаций²⁵⁶.

Сложение

В современном калмыцком языке под влиянием русского языка активизировался процесс образования сложных относительных прилагательных типа: номин-шин-жллтн кэдлмш «научно-исследовательская работа», уулын-обогагителън комбинат «горно-обогагительный комбинат», автокөлгн предпрятъс «автотранспортные предприятия», политико-суръмжин кэдлмш «политико-воспитательная работа», ясврин-тосхлтын трест «ремонтно-строительный трест», тооцана-суцъврин партийн хургуд «отчетно-выборные партийные собрания», идейн-суръмжин кэдлмш «идейно-воспитательная работа», цуг-союзин конференц «всесоюзная конференция», политическ-цээлъврин кэдлмш «политико-агитационная работа» и мн. др.

Тенденция в образовании глаголов

В современном калмыцком языке под влиянием русского языка весьма активным стал глагольный суффикс -л, с помощью которого образуются новые глаголы от заимствованных слов, например: команд-л-х «командовать», партизан-л-х «партизанить», силос-л-х «силосовать», марш-л-х «маршировать», либеральнич-л-х «либеральничать» и мн. др.

Анализ указанных словообразовательных процессов в современном калмыцком языке показывает, что акти-

²⁵⁶ Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., «Наука», 1968, стр. 107.

визация отдельных суффиксов под влиянием русского языка приводит к регулярным образованиям в классе имен существительных, имен прилагательных и глаголов.

Глава III. **ВОВЛЕЧЕНИЕ НОВЫХ ТИПОВ ОСНОВ В ПРОЦЕССЫ СЛОВОПРОИЗВОДСТВА**

В связи с заимствованием русских слов расширился круг производящих основ. Расширение круга производящих слов за счет русских основ, сочетаемость их с калмыцкими суффиксами не безразличны для системы калмыцкого словообразования в целом. Русские производящие основы приносят в калмыцкий язык новые морфологические особенности, что, безусловно, влияет на структуру производных слов. Через русский язык проникают интернациональные слова, которые так же приносят морфологические особенности, как и русские, тем самым возрастает число производных слов, основ, морфем, характеризующихся своеобразием, не свойственным для исконно калмыцких слов, основ и морфем.

Русские и интернациональные слова несут с собой в калмыцкий язык различные типы чередований звуков (сравнить: меланхолик и меланхолическ, математик и математическ), мены звуков (сравнить: редакц «редакция» и редактор, инспекц «инспекция» и инспектор), усечений (сравнить: Польш «Польша» и польск «польский»), наложений морфем (сравнить: синтаксис и синтаксическ «синтаксический», радио и радист).

Все слова, заимствованные из русского языка, можно разделить на две группы: 1) претерпевшие существенные фонетические изменения (например: кирлц «крыльцо», папк «папка», сеглэтр «секретарь», уульнц «улица», вертушк «вертушка», «задвижка у форточки», синцг «сени»); 2) не претерпевшие фонетических изменений (например: совхоз, колхоз, съезд, спутник, космонавт). Слова первой группы были заимствованы через устную разговорную речь, а затем они перешли в литературный язык. Слова второй группы вошли в литературный язык, минуя просторечие. Этим объясняется различие между двумя группами слов.

По морфологическому составу заимствованные слова

можно разделить на две группы: 1) не имеющие ясного морфемного состава (например: парвлян «правление», где от русского суффикса -ни/е/ остался только началь-ный звук -н; 2) имеющие прозрачный морфемный сос-тав (сравнить: пропаганд «пропаганда» и пропаганд-ист; социал-изм и социаль-н «социальный», политик «политика» и политич-еск «политический»). Неясный морфемный состав характерен для слов, заимствованных через просторечие, а ясный морфемный состав для слов, заимствованных через литературный язык.

Одновременное заимствование производных и непро-изводных русских слов позволяет на почве калмыцкого языка вычленение целого ряда русских суффиксов, кото-рые становятся «приметами» соответствующих частей речи, например: пионер-ск «пионерский», позиц-ионн «позиционный», экскурс-ионн «экскурсионный», комп-лекс-н «комплексный», агроном-ическ «агрономический».

Русские производные слова образуют в современном калмыцком языке колонии слов, передающих значение пола суффиксальным путем, что совсем не характерно для калмыцкого языка, например: пионер-к «пионерка», медалист -к «медалистка», комсомол-к «комсомолка».

Все производные калмыцкие слова, образованные с помощью русских морфем, можно разделить на две группы: 1) где русские производные основы сочетаются с калмыцкими суффиксами, например: удар-лт «ударе-ние», революц-ин «революционный», регистрац-лх «ре-гистрировать»; 2) где калмыцкая производящая основа сочетается с русскими суффиксами, например: маханец «мясо», элист-инец «житель города Элисты», малодер-бет-овцы «жители Малодербетовского района». Слова второй группы характерны для русской речи калмыков

Русские слова, участвуя в производстве новых слов, оказывают влияние на их протяженность. Обычно кал-мыцкие слова состоят из двух-трех слогов. Производные слова с русской производящей основой бывают много-сложными, например: ме-ха-ни-за-цл-х «механизиро-вать».

Особо следует выделить сложные слова, в образо-вании которых тоже участвуют заимствованные слова. Их в лингвистике называют «полукальками». Л. А. Бу-лаховский по этому поводу писал: «Наряду с полными кальками встречаются полукальки к сложным словам...

языка-источника. Полукальки представляют собой наполовину сохранение, наполовину перевод иноязычных слов на заимствующий язык»²⁵⁷. В калмыцком языке, как мы уже отметили в предыдущем разделе, очень много подобных «полукалек», сравнить: гидротосхач «гидростроитель», политзэңглэч «политинформатор»; электронн-тоолһна техник «электронно-вычислительная техника», сурһулин-лабораторн корпус «учебно-лабораторный корпус», коммунальн-бөөцин учрежденьс «коммунально-бытовые комбинаты».

Вопрос о производных, в образовании которых участвуют заимствованные слова, тесно связан с вопросом о кальках. Наряду с лексическими заимствованиями в современном калмыцком языке наблюдаются новые слова, возникшие в результате перевода с русского языка. Подобные слова называют «переводными заимствованиями», т. е. кальками²⁵⁸.

В калмыцком языке следует различать три типа калек: 1) лексические, 2) семантические и 3) фразеологические.

Лексические кальки это такие, которые образуются в результате поморфемного перевода русских слов на калмыцкий, например: зал-лт «управление», кииск-лһн «склонение», йилһ-лт «разбор»; нер-эд-гч кииск-квр «именительный падеж», төрг-ч кииск-квр «родительный падеж». Обычно лексические кальки калмыцкого языка совпадают в структурном плане со своими прототипами в русском языке, например: хажилһ-лһн «искажение», көөгд-лһн «изгнание».

Семантические кальки — это такие, которые появляются в результате перевода с русского языка. Суть появления семантической кальки заключается в том, что исконно калмыцкие слова приобретают новые лексические значения под влиянием русского языка. Например, калмыцкое слово бөөдл «состояние» под влиянием русского языка приобрело такие значения, как «силуэт», «вид»; слово татлһн приобрело значение «притяжение», слово улан — новое значение «революционные силы»; слово эклц «начало» приобрело значение «первичный»

²⁵⁷ Булаховский Л. А. Введение в языкознание, ч. II. М., «Просвещение», 1953, стр. 111, 127.

²⁵⁸ Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1947, стр. 53.

(ср. эклц партийн организац «первичная партийная организация») и др.

Фразеологические кальки это такие, которые возникают в результате перевода с русского языка устойчивых сочетаний и фразеологических оборотов, например: хадврин жөөлрлт «смягчение согласных», үгин уңг «корень слова», амр кинсклһн «простое склонение», үүлдврин янз «залог глагола», ухалт диктант «творческий диктант», күсл уршг «обстоятельство цели», учр уршг «обстоятельство причины» и т. п.

В результате калькирования также активизируются словообразовательные типы, что приводит иногда к образованию необычных новых слов, например: церг-л-гч үг «служебное слово» (от цергл — «служи»), зүүцл «сочиненный» (от гл. зүүц — «составлять целое») орулһ-ш «вставка» (от гл. орулх — «ввести»).

Кальки обогащают современный калмыцкий язык, они создают благоприятную почву для дальнейших переводов с русского на калмыцкий.

Но нельзя не отметить некоторые кальки, которые, возникнув, не закрепились в современном калмыцком языке, например: семантическая калька дахуль в значении «спутник» (космический аппарат). Это объясняется тем, что многие русские слова, обозначающие знаменательные события, завоевания советской науки, нашего социалистического общества не нуждаются в переводе: они известны и понятны каждому советскому человеку. К их числу можно отнести все слова, входящие в единый лексический фонд, общий для всех языков народов СССР. И. Ф. Протченко отмечает наиболее важные признаки слов этого фонда: «основы слов... звучат почти одинаково; морфологическая структура основ слова сохраняется...; полностью совпадает смысловое значение рассматриваемых лексических единиц»²⁵⁹.

На наш взгляд, глубоко права В. Н. Ярцева, считая, что формирование общего лексического фонда свидетельствует, в частности, о процессе лингвистического форми-

²⁵⁹ Протченко И. Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. (Социолингвистический аспект). М., «Наука», 1975, стр. 126.

рования новой исторической общности, какой является советский народ²⁶⁰. В калмыцком языке к общему лексическому фонду языков народов СССР относятся следующие слова: коммунист, комсомол, колхоз, совхоз, вуз, спутник, космонавт, социализм, коммунизм и мн. др.

В современном калмыцком языке расширение круга производящих основ происходит не только за счет заимствованных слов, но и за счет калмыцких слов. В словообразовательных процессах в настоящее время самое активное участие принимают залоговые формы глагола, падежные формы имен существительных, субстантивированных причастий и прилагательных.

Так, к примеру, с помощью одного суффикса от залоговых форм одного глагола можно образовать несколько новых слов. Это явление будет хорошо видно, если представить его в таблице.

Указанные производные в калмыцком языке делятся на две группы. К первой группе относятся те производные, лексическое значение которых тождественно значению производящих. Производные отличаются от производящих слов только синтаксической функцией, что проявляется в принадлежности к иной части речи. Ко второй группе относятся производные, лексическое значение которых нетождественно значению производящих. Производные первой группы в лингвистической литературе, как мы уже отмечали, называют синтаксическими дериватами, а второй — лексическими. Соответствующие им явления называют синтаксической и лексической деривацией²⁶¹. К синтаксической деривации относятся следующие словообразовательные типы: отглагольные существительные со значением отвлеченного действия (например: көөгдлһн «изгнание», үзгдл «зрелище», цаһалһлһн «побелка» и т. п.); со значением лица (например: бичг зөөһәч «письменосец», мал өскәч «животновод», өдмг болһач «пекарь», һазр хаһлач «землепашец», һазр кемжәләч «землемер», һазр малтач «землекоп» и т. п.); отыменные прилагательные со значением отношения к тому, что названо производящей основой (например:

²⁶⁰ Ярцева В. Н. Научно-техническая революция и развитие языка. «Вестник АН СССР», М. 1975, № 3.

²⁶¹ Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., «Просвещение», 1973, стр. 185.

Образование слов с помощью суффикса -лнн 262

Глаголы	действительный залог	побудительный залог	страдательный залог	взаимный залог	совместный залог	смешанная основа
1. ор-х «войти»	ор-лнн «вхождение»	ор-ул-лнн «впуск»	ор-гд-лнн	ор-лд-лнн	ор-лц-лнн «вмешательство»	ор-лцул-лнн «вовлечение»
2. мед-х «знать»	мед-лнн «знание», «изучение»	мед-ул-лнн «донесение» «извещение»	мед-гд-лнн «известность»	мед-лд-лнн	мед-лц-лнн	мед-лцул-лнн
3. бич-х «писать»	бич-лнн «изложение»	бич-ул-лнн «диктовка»	бич-гд-лнн	бич-лд-лнн	бич-лц-лнн	бич-лцул-лнн
4. уу-х «пить»	уу-лнн «питье»	уу-лн-лнн «поение»	уу-гд-лнн	уу-лд-лнн	уу-лц-лнн	уу-лцул-лнн
5. хува-х «делить»	хува-лнн «деление»	хува-лн-лнн «деление»	хува-гд-лнн «делимость»	хува-лд-лнн	хува-лц-лнн	хува-лцул-лнн
6. сур-х «спросить»	сур-лнн «спрос»	сур-лн-лнн «спрос»	сур-гд-лнн	сур-лд-лнн	сур-лц-лнн	сур-лцул-лнн
7. суу-х «сидеть»	суу-лнн «сидение»	суу-лн-лнн «посадка»	суу-гд-лнн	суу-лд-лнн	суу-лц-лнн	суу-лцул-лнн

262 Некоторые производные носят потенциальный характер.

чолун гер «каменный дом», ишкә гер «войлочная кибитка», модн гер «деревянный дом», һазр пол «земляной пол», алтн билцг «золотое кольцо»).

Синтаксическая деривация отличается от лексической тем, что лексическое значение производящего слова тождественно производному. Чтобы убедиться в этом, необходимо сравнить глагол цәэлһ-х «разъяснять» и отглагольное существительное цәэлһ-лһн «разъяснение», у которых лексические значения совпадают. Оба они обозначают отвлеченное действие. Слова различаются только морфологическим составом и синтаксическими функциями, которые объясняются их принадлежностью к разным частям речи.

Другой пример: чолун гер «каменный дом», где в роли синтаксического деривата выступает отыменное прилагательное чолун «каменный». Лексические значения производящего существительного и производного прилагательного тождественны. Различие между словами только в плане синтаксического функционирования, т. е. одно и то же лексическое значение выражено разными частями речи.

При лексической деривации лексическое значение производного слова нетождественно значению производящего. Сравнить: зов-х «страдать» и зов-лһ «падаль», өг-х «дать» и өглһ «дар, подарок», хуч-х «накрыть» и хуч-лһ «покрывало». Другие примеры: чолу-рхг һазр «каменистая земля», мөңг-рхг күн «денежный человек», уха-рльг көвүн «сообразительный «мальчик», где производные отыменные прилагательные чолу-рхг, мөңг-рхг, ухар-льг обозначают признаки свойства, но не отношение к тому, что выражено производящими словами чолун «камень», мөңгн «деньги», ухан «ум».

В современном калмыцком языке большую роль играет синтаксическая деривация. Этому в известной мере способствует вовлечение в процессы словопроизводства в качестве производящих основ залоговых форм глагола.

В образовании синтаксических дериватов принимают участие основы всех пяти калмыцких залогов.

Лексическая деривация расширяется за счет выпадения некоторых залоговых форм из парадигмы спряжения и последующей их лексикализации, сравнить: ор-х «войти» (действ. залог), ор-ул-х «впустить» (по-

буд. залог), ор-лц-х «войти вместе с кем-либо» (совмест. залог). Форма совместного залога в современном калмыцком языке склонна к некоторой изоляции. Этому способствует и то, что указанная форма под влиянием русского языка приобрела новый оттенок в лексическом значении «принять участие в чем-либо». В настоящее время форма совместного залога ор-лц-х функционирует на правах самостоятельного слова, самостоятельной лексической единицы с указанным значением и выступает в роли производящего слова. Так, от основы совместного залога ор-лц образовалось новое калмыцкое слово ор-лц-ач «участник». По такому же принципу были созданы следующие калмыцкие слова: сур-һ-уль «учеба» (от сур-һ- «учи» — форма побудительного залога глагола сур-х «спросить»), һар-һ-ач «издательство» (от һар-һ — «выпусти» — форма побудительного залога һар-х «выйти») и мн. др.

Участие залоговых форм глагола в словопроизводстве увеличивает число производящих основ, что, естественно, сказывается на росте производных слов, на обогащении калмыцкого языка.

* * *

Анализ словообразования современного калмыцкого языка еще раз подтвердил жизненность ленинской национальной политики КПСС в отношении языков народов СССР. Тысячи новых калмыцких слов, образованных в советскую эпоху, свидетельствуют о всестороннем развитии языка калмыцкой социалистической нации, о расширении его общественных функций и благотворном взаимодействии с русским языком. Значительное расширение общественных функций калмыцкого языка в условиях развитого социалистического общества и научно-технического прогресса существенно отразилось на формировании и росте производных слов с абстрактным значением, например: тогтавр «постановление», дөңилт «поддержка», күцэлһн «исполнение», өргжлт «расширение», бурдэц «организация», өслт «увеличение», йил-һвр «различие», тогталһн «основание чего-либо», цецгэрлт «рассвет», өргжүллһн «приумножение», делгрлт «развитие», неквр «запрос», үүдэвр «творчество» и мн. др. Новые производные слова обогатили калмыцкий ли-

тературный язык, сделали его более выразительным и приспособили к нуждам современного общества. Без них не мыслима современная калмыцкая общественно-политическая и научная терминология.

Наблюдения над словообразовательными процессами калмыцкого языка советского периода показывают, что они протекают по внутренним законам в определенном русле и направлении, что в них участвуют определенные языковые единицы (деривационные морфемы и производящие основы), что в процессе словопроизводства выкристаллизовываются определенные типы, модели и способы, что производные слова, являющиеся конечным продуктом словообразования, для каждой эпохи специфичны. Все это подтверждает следующее высказывание: «Морфологические системы литературных языков народов СССР в основном развиваются по своим внутренним законам. Анализ конкретного языкового материала убедительно показывает, что не выдерживают никакой критики утверждения наших недругов, будто СССР проводит русификаторскую политику в области решения проблемы языка.

Среди старописьменных и младописьменных языков нет ни одного, который утерял бы важнейшие конструктивные признаки исконной природы его морфологической системы. Против этого положения не может не возразить, опираясь на фактический материал, ни один фальсификатор истории развития литературных языков нашей страны»²⁶³.

Словообразовательная система калмыцкого языка, имея общие признаки с соответствующими системами других языков, характеризуется специфическими чертами, которые определяются его агглютинативной природой и условиями его бытования в прошлом и настоящем.

Изменения в словообразовательной системе современного калмыцкого языка еще раз подчеркивают важность сочетания лингвистического и социологического аспектов при изучении словообразовательных процессов. Исследование калмыцкого словообразования не может обойтись без учета его связи с внеязыковой дейст-

²⁶³ Дешериев Ю. Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., «Наука», 1966, стр. 241.

вительностью, без учета функционирования языка в обществе. Характер отношений языка с внеязыковой действительностью не безразличен для словообразовательных процессов: он ускоряет или замедляет их.

При исследовании калмыцкого словообразования подтверждается справедливость признания словообразования особой областью языка наряду с фонетикой, лексикой, морфологией и синтаксисом. Относительная автономность словообразовательной системы (как части целого), наличие специфических элементов (деривационных морфем и производящих основ), единиц (производных слов) и категорий (словообразовательные типы, способы), действие определенных внутривидовых тенденций определяют контуры калмыцкого словообразования и основные направления его развития.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Часть I. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И СТРУКТУРА СЛОВА В СОВРЕМЕННОМ КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ	6
Глава I. Понятие о словообразовании	6
1. Место словообразования в системе калмыцкого языка	6
2. Понятие о словообразовательной системе кал- мыцкого языка	11
3. Внутренние и внешние причины развития калмыц- кого словообразования	14
Глава II. Структура слова в калмыцком языке	16
1. Основные свойства структуры слова	16
2. Типы морфем в калмыцком языке	24
3. Корень слова	30
4. Аффиксы	46
Глава III. Анализ производного слова	54
1. Производное слово и его типы в калмыцком языке	54
2. Понятие основы. Типы основ в калмыцком языке	64
3. Виды анализа производного слова	70
4. Закономерности сочетания морфем в производ- ном слове	75
Часть II. СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ	84
Глава I. Из истории изучения способов словообразования	84

Глава II. Аффиксальный способ	102
1. Суффиксальное словообразование имен существительных	104
2. Суффиксальный способ образования имен прилагательных	129
3. Суффиксальное словообразование глаголов	135
4. Суффиксальное словообразование наречий	139
Глава III. Сложение, сращение и удвоение	141
1. Способ сложения	141
2. Способ сращения	146
3. Способ удвоения	154
Глава IV. Субстантивация, адъективация и адвербиализация	157
1. Субстантивация причастий	158
2. Адъективация	180
3. Адвербиализация	184
Часть III. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КАЛМЫЦКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	187
Глава I. Двуязычие, развитие калмыцкого языка и калмыцкое словообразование	187
Глава II. Активизация словообразовательных типов калмыцкого языка под влиянием русского языка	193
Глава III. Вовлечение новых типов основ в процессы словопроизводства	198

ИБ 254

Сусеева Данара Аксеновна

ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

(Развитие словообразовательной системы)

Редактор издательства А. Бартунова,

Художник В. Сова.

Художественный редактор В. Бессонов.

Технический редактор М. Вурман

Корректоры М. Нантнева, М. Бочкаева, М. Чоянова.

Калмыцкое книжное издательство, г. Элиста, ул. Революционная, 3.

Сдано в набор 26.06.78. Подписано в печать 14.11.78.

К00927. Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага типографская № 1.

Гарнитура Л1-10. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,92. Уч.-изд. л. 10,86.

Тираж 1 000 экз. Заказ № 2241.

Цена 85 коп.

Республиканская типография Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Калмыцкой АССР, г. Элиста, ул. Ленина. 245.

85 коп.

ЭЛИСТА
КАЛМЫЦКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО